

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№4-5 (132-133), 2025

*Как преодолеть
вымирание народа*

*Корпорация РЭНД
о войне РФ и НАТО*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Пока не поздно

- 6** Как преодолеть убывание народа?
(дискуссии Изборского клуба)

СЕМИНАР 1. СЕРГЕЙ ЧЕСНОКОВ. «ВТОРАЯ РОССИЯ» ВОЗРОДИТ СТРАНУ (стр. 7)

СЕМИНАР 2. ЮРИЙ КРУПНОВ. ПУТЬ К РУССКОМУ «ЗОЛОТОМУ МИЛЛИАРДУ» (стр. 21)

СЕМИНАР 3. ЕВГЕНИЙ САВЧЕНКО. УСАДЕБНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ –
КЛЮЧ К РЕШЕНИЮ (стр. 28)

СЕМИНАР 4. ПРОТОДИАКОН ВЛАДИМИР ВАСИЛИК. АБОРТЫ В РОССИИ.

ПАРАЛЛЕЛИ С ПОЛИТИКОЙ НАЦИСТОВ (стр. 37)

СЕМИНАР 5. МАКСИМ КАЛАШНИКОВ. КАК СПАСТИ РУССКИХ ОТ ВЫМИРАНИЯ (стр. 42)

СЕМИНАР 6. ВАРДАН БАГДАСАРЯН. ВРЕМЯ РАДИКАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ (стр. 47)

ФИНАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДИСКУССИИ В ИЗБОРСКОМ КЛУБЕ.

РЕШЕНИЕ – ЗА КОМПЛЕКСНЫМ ПОДХОДОМ (стр. 62)

- 68** Максим КАЛАШНИКОВ.
Доклад Рэнд-корпорэйшн о возможной войне РФ и НАТО

- 88** Максим КАЛАШНИКОВ.
Изменяя правила военной «игры»

- 100** Дмитрий ЗЕЛЕНЦОВ.
Космополитика, или Учение о космической гегемонии

- 116** Владимир ТИМАКОВ.
Переписать генный код: ящик Пандоры или панацея?

- 124** Михаил ЕРМОЛАЕВ.
Символическая природа труда

- 134** Шок-шок-шокотерапия!..
(отклики на «5-й час песен» Виталия АВЕРЬЯНОВА)

- 140** Библиотекарь

- 141** Хронология мероприятий клуба

- 142** Игорь СТОЛЯРОВ.
«А мне бы правды – можно погорчей...»
(стихи)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** №4–5 (132–133), 2025 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

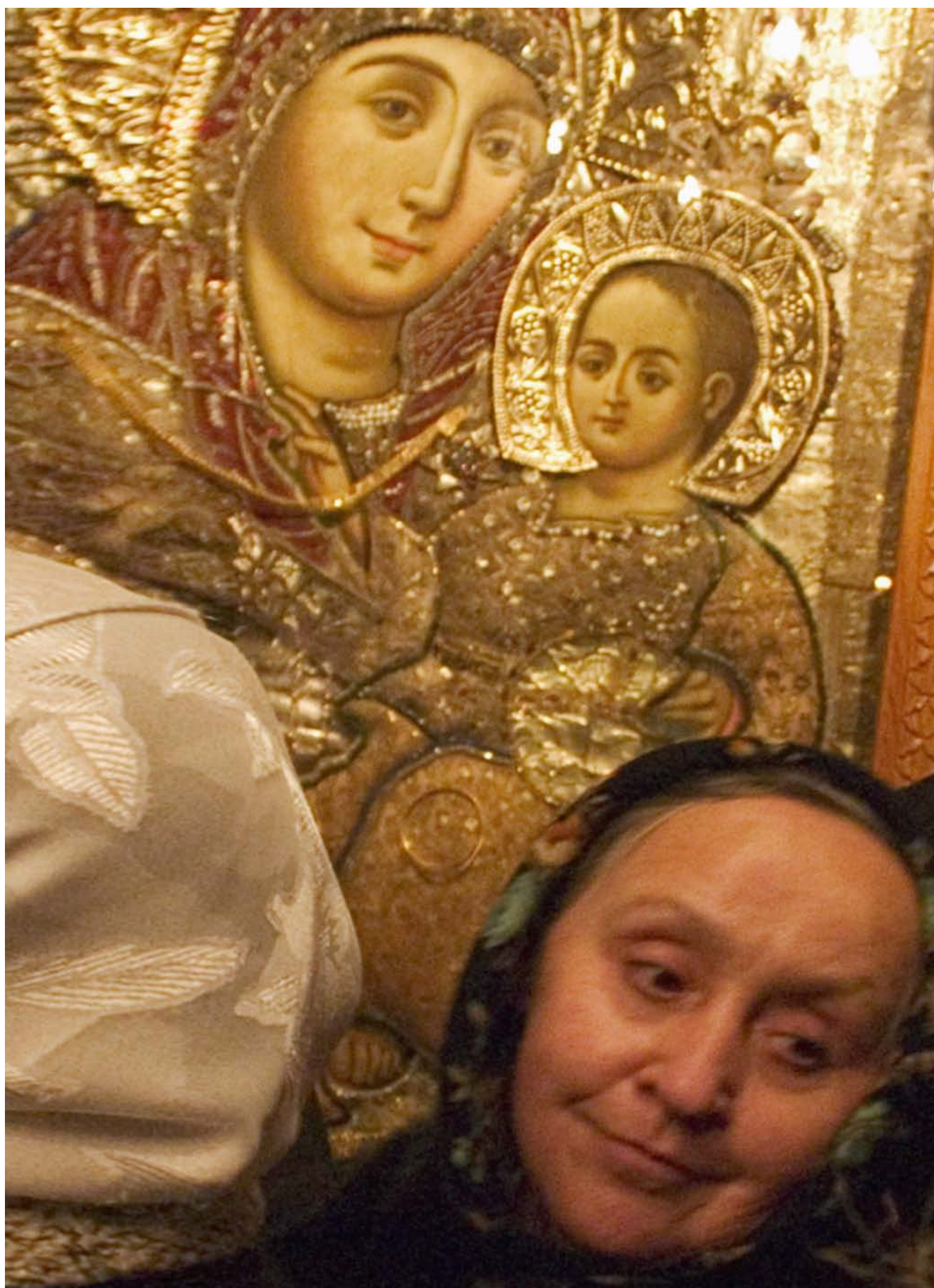
Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
По вопросам распространения: телефон +7(910) 421 92 07
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 03.10.2025

Отпечатано в ООО «Типография «Печатных Дел Мастер»

Тираж 700 экз. Заказ № 254211

/ Александр ПРОХАНОВ /

Пока не поздно

***Существуют угрозы Российскому государству,
угнездившиеся в сегодняшнем обществе***

Русское ядерное оружие — гарант сохранения государства Российского в случае, если на него навалится военная мощь противоборствующих держав, способных испепелить Россию. Ядерный, сверхвооружённый Советский Союз был разрушен без единого снаряда, без единой пули, и советская ядерная триада не сберегла государство. Враг использовал организационное оружие, создал внутри советского общества зоны западного влияния в экономике, в культуре, в дипломатии, в разведке, и в конце концов — в высшем политическом руководстве. Именно оно уничтожило страну, наивно доверившую ему власть.

В новой России велика была угроза оранжевой революции, когда на Болотной площади собирались тысячи и тысячи агрессивных либералов, начиная поход на Кремль. Поход был сорван, но внедрённое в российское общество организационное оружие Запада продолжало работать. Государство, сберегая себя, провело целую серию спецопераций, уничтожающих это организационное оружие. Разгромлено движение Навального¹, закрыты «Мемориал»² и Сахаровский центр³, закрыто «Эхо Москвы»⁴, либеральные телеканалы и газеты. Были распущены неправительственные организации с подрывной ориентацией, на них навесили ярлык иностранных агентов. Государство Российское сохранилось. Однако существуют угрозы Российскому государству, угрозы смертельные, исходящие не извне, а угнездившиеся в сегодняшнем российском обществе.

Самая грозная, катастрофическая опасность — это стремительное убывание русского народа, умирание русских, которые чувствуют своё убывание, лишаящее исторической воли и способности к имперскому синтезу, создавшему великую цивилизацию между трёх океанов. Убывание русского народа и связанные с этим последствия сравнимы с разрушениями термоядерной войны.

Исследованием причин русского убывания, устранением этих причин должен заниматься специальный, созданный государством орган, чья деятельность не расплылась бы по научным кафедрам, министерствам и департаментам, по гуманитарным кружкам. Создание такого центра безотлагательно, равно учреждаемому во время войны Государственному комитету обороны.

Великолепны современные Москва и Санкт-Петербург, Казань и Нижний Новгород. Они, как лучистые звёзды, сияющие в необозримых туманах русских пространств. Это города Русской Мечты. И люди из тусклых городков и деревень стремятся в эти волшебные чертоги. Ищут в этих чертогах себе применение, берутся за любую работу — охранниками, сторожами, водителями такси, ютятся по углам, сколачивают свои деньги на однокомнатные квартирки, где нет места полноценной семье, где люди не хотят рожать, не хотят и не имеют возможности множить свой род. И сегодняшние гигантские мегаполисы, слепящие своей красотой, являются чёрными дырами, которые

¹ ФБК и штабы Навального признаны экстремистскими организациями.

^{2,3} НКО-иноагент.

⁴ СМИ заблокировано за распространение ложной информации.

Исследованием причин русского убывания, устранением этих причин должен заниматься специальный, созданный государством орган, чья деятельность не расплылась бы по научным кафедрам, министерствам и департаментам, по гуманитарным кружкам. Создание такого центра безотлагательно, равно учреждаемому во время войны Государственному комитету обороны.

Российский народ чувствует своё убывание, страдает, мучается. А чтобы ему было не больно умирать, существует шоу-бизнес — этот опиум для народа, в котором множество сладкозвучных певцов на чудесном английском поют психоделические песни. Факиры шоу-бизнеса пьянят бесчисленными зрелищами, плодят сериалы о маньяках, и ты, насмотревшись этих сериалов, начинаешь вдруг видеть, что Россия — это страна маньяков, а не страна мечтателей и страна героев, как пелось в сталинских гимнах.

втягивают в себя русский народ и там его уничтожают.

Возникает жуткий образ, что эти сверкающие, божественной красоты города суть крематории, в которых сжигается русский народ, оставляя после себя пустые деревни, чахлые городки, унылые, прежде кипящие жизнью губернии.

Разговор о расселении людей из больших городов в агломерации, где человек обретает пространство, в котором он множится, плодится, длит свой род, расширяет его в бесконечность, эти разговоры тянутся десятилетиями, и впустую. Государство не может накинуть узду на стихийно разрастающиеся мегаполисы, на убывающее население в сёлах и малых городах.

Страшны воздействия на русский народ торговцев алкоголем и наркотиками. Как звери апокалипсиса, они набрасываются на народ и выгрызают из него его плодоносящую основу. Пьянство ужасно. Есть города и деревни, где пьяны не просто мужчины и женщины, не просто юноши и подростки, но иногда

и дети, иногда и собаки. И существует особый тип наркологических пациентов — собаки-алкоголики.

Наркотики — ужасная, жуткая смерть, которую вкалывает наркоторговец в вену школьника, студента, актрисы, экзальтированного художника. Наркотики идут к нам на Русь валом, и по разрушительной силе с ними может сравниться только ковид. А наркоконтроль не в силах поставить преграду. Либо потому, что он малочисленный и, как угорелый, шарит по подворотням и ночным клубам, либо в его среде существуют оборотни в погонах, которые имеют мзду, участвуя в погублении собственного народа. И государство не в силах спасти свой народ от алкоголя и наркотиков.

Чудовищна коррупция. Она обнаружила себя в полной мере ещё во времена брежневского застоя. А в новой России, когда олигархи захватили всю советскую собственность и коррумпировали новое российское чиновничество всё, от околотка до министерств, в государстве сложилась мощнейшая коррупционная система. И учёный, способный нарисовать её контур, её внутренние связи, её становой хребет, описать её функционирование, её этажи и эшелоны, такой учёный заслуживает Нобелевскую премию то ли в области математики, то ли в области богословия. Ибо эти коррупционные системы есть способ, которым ад проникает в человеческое сообщество и превращает человеческую жизнь в ад на земле.

Коррупционеры в армии непомерно увеличивают людские потери на фронте. Коррупционеры в строительстве приводят к обрушению зданий и газовым взрывам. Коррупционеры в промышленности приводят к техногенным авариям и загрязнению рек, лесов и озёр. Коррупционеры в политике создают тромб в вертикали власти, и грозные окрики из кремлёвских кабинетов, проходя по этой вертикали, в конце концов превращаются в жалкие комариные пiski. Воровство государственных денег сравнимо с бюджетами городов. Редкие поступающие в открытый доступ сведения об уворованных деньгах ошеломляют. И ты понимаешь, почему в России чахнет медицина, и у государства, парализованного коррупционной системой, нет воли и средств разрушить и умертвить этого чудовищного липкого червя, поселившегося в российском обществе.

Российский народ чувствует своё убывание, страдает, мучается. А чтобы ему было не больно умирать, существует шоу-бизнес — этот опиум для народа, в котором множество сладкозвуч-

ных певцов на чудесном английском поют психоделические песни. Факиры шоу-бизнеса пьянят бесчисленными зрелищами, плодят сериалы о маньяках, и ты, насмотревшись этих сериалов, начинаешь вдруг видеть, что Россия — это страна маньяков, а не страна мечтателей и страна героев, как пелось в сталинских гимнах.

Растление народа — это специальная огромная программа, которая была запущена после 1991 года. И 12-летний мальчик, шарящий по интернету в поисках порнозрелищ, — это последствия сексуальных революций, волна за волной запускаемых в российское общество. И среди блистательных растлителей, внушающих культ гедонизма, сладострастия, сексуального бесчинства, превративших телевидение в застеклённую камеру для совокуплений, имеющую «Домом-2», среди тех, кто осквернял русские святыни, демонстрируя безнаказанное бесстыдство, сверкает ослепительная Ксения Анатольевна Собчак. Её банные голые дуэли с Анастасией Волочковой, её венчание в пушкинской церкви, куда она с женихом прикатила

на катафалке, чудовищные инциденты с расплюснутым в ДТП человеком. И государство не в силах запретить либеральный шоу-бизнес, действующий на народ, как кокаин, не может отказать в покровительстве вельможной людоедке, и кладбища вокруг русских городов разрастаются.

Россия восстала против ига, свалившегося на неё в 1991 году. Россия ведёт победоносные действия на Украине и в Курской области. Россия очищает свои ряды от предателей и русофобов. Россия силится восстановить разрушенную Гайдаром экономику и создать собственную элементную базу и шарикоподшипниковые производства. Россия стремится перевести учебники Сороса на русский язык. Россия стремится на месте либерального прозападного мировоззрения восстановить русское самосознание. Государство Российское, выдерживая чудовищное давление истории, объявит сбережение русского народа как свою высшую задачу, своё национальное, историческое и божественное предназначение.

Как преодолеть убывание народа?

(Дискуссии Изборского клуба)

Семинар 1.

Сергей ЧЕСНОКОВ.

«Вторая Россия» возродит страну

Александр ПРОХАНОВ,
председатель Изборского клуба:

— Сегодня мы будем говорить о мучительной и нам всем известной, а с другой стороны, чрезвычайно таинственной проблеме русской демографии. О русском убывании — убывании русского народа. Я думаю, что Господь придумал для человека множество всяких болей и пыток. По-своему болит зуб, по-своему болит глаз, мучительно сострадание к близким, если они погибают или мучаются. Но нет более тяжелого, мучительного и страшного истязания, чем быть сыном великого умирающего народа. Это огромная беда, которая находится в центре нашего внимания. И оттого, что мы исчезаем с Земли, вместе с нами исчезает часть всего мироздания. И люди, ныне живущие, и философы, и простолюдины — чувствуют это убывание как огромный, подрывающий жизнь комплекс.

Поэтому мне кажется, что темы, которые мы сегодня обсуждаем, не являются ни чисто социальными, ни чисто демографическими. Это, может быть, даже религиозная тема — почему так было угодно Создателю, который сотворил нас как нечто необычайное, великое, огромное, мистическое, вселенское, а теперь медленно убирает нас с Земли. Поэтому я бы хотел услышать наших коллег. Здесь присутствуют представители нескольких самостоятельных школ,

каждая из которых по-своему объясняет эту проблематику. Даются много рецептов; часть их воспринимается властью, некоторая часть даже реализуется. Но до сих пор не найдены, не объяснены до конца все причины того, почему мы убываем.

Хорошо бы, если бы у нас был огромный реестр, который объяснил бы те страшные негативные толчки, которые заталкивают русский народ в эту тьму. Такой реестр, в котором все причины убывания были бы соединены вместе, осмыслены как нечто целое, чтобы была комбинаторика этих причин, чтобы они были выстроены в какую-то иерархию. Потому что ликвидация одной из этих причин без понимания другой может привести к усилению соседней причины.

Сергей ЧЕСНОКОВ, *руководитель проекта «Демографическая платформа. РФ», президент движения «За жизнь!»:*

— Я представляю здесь проект «Демографическая платформа. РФ», который был основан движением «За жизнь!». Мы в своё время собрали миллион подписей в защиту детей до рождения и об оказании помощи семьям с детьми, передали эти подписи президенту. Ответ получили такой: помощь беременным власть готова поддержать, к запрету абортотв власти не готова, но нужно заниматься вопросами демогра-

фии. И мы внутренне согласились, что любая проблема не может решаться по отдельности, и принялись за решение проблемы народодовспроизводства комплексно. А мотив у нас был и остаётся — чтобы Россия перестала убивать своих детей еще до рождения. А для этого надо понять, почему она это делает.

Я очень рад возможности выступить в Изборском клубе, поскольку это место, где наша нация думает, где рождаются смыслы, и хочу поделиться нашей концепцией, которую мы назвали «Народопровод». Это целостная, комплексная демографическая концепция, но она научно-практическая. Она уже была воспринята экспертным сообществом. Свою концепцию мы изложили в одноимённом сборнике¹. Мы собираем отзывы и замечания о ней.

Для практической реализации данной концепции совместно с Финансовым университетом при Правительстве РФ мы создали малое инновационное предприятие с названием «Демографические стратегии», которое призвано развивать эту концепцию. Роль таких инновационных предприятий — связь между фундаментальной наукой и профильной сферой народного хозяйства, а в случае с демографией — это демографическая политика.

Наша базовая компетенция — работа в защиту жизни по профилактике абортотв и помощи беременным и семьям с детьми, благодаря чему

¹ Материал доступен по ссылке: <https://clck.ru/3EB9Yq>

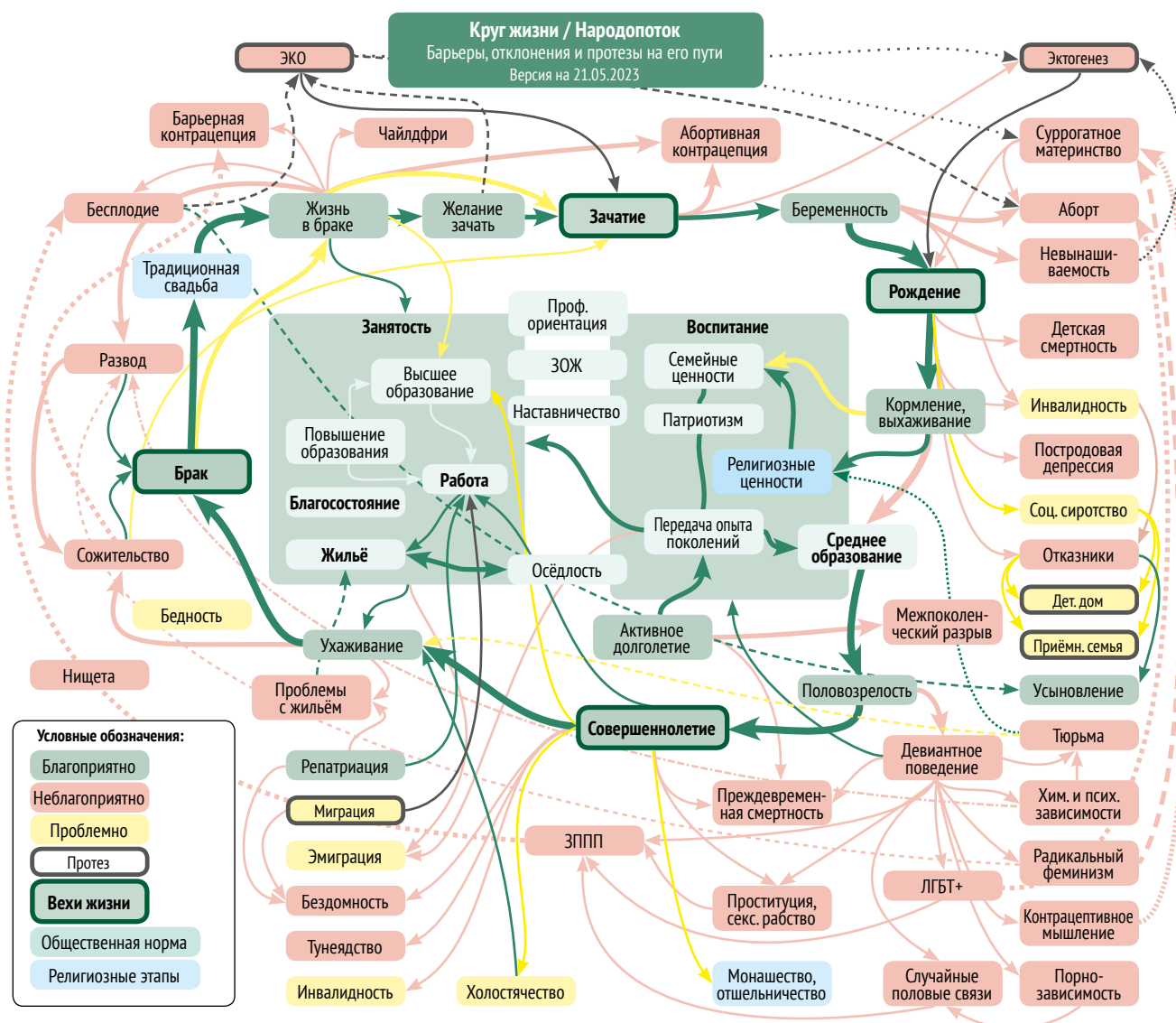

Рисунок 1.

Цикл культурно-физического воспроизводства

родилось более 17,5 тысячи детей. Это наш вклад. Мы выступили инициаторами совместного проекта с Министерством здравоохранения, лично одобренного президентом. Это комплексный проект по профилактике абортов «Плюс один». Эту свою компетенцию, почему женщина сохраняет или не сохраняет беременность, мы переосмыслили в более широком зале: почему женщина и семья в целом рожают или не рожают, заводит или не заводит ребёнка.

Мы решили распутать ситуацию в демографии и поняли, что весь процесс демографического воспроиз-

водства состоит из двух циклов. Эти циклы разнонаправлены — как в турбине: есть статор, есть ротор. Первый цикл мы назвали «Цикл культурно-физического воспроизводства», потому что у человека нет просто физического воспроизводства, человек — существо мыслящее, и даже физическое воспроизводство находится в рамках культуры. Другое название этого цикла — «Круг жизни». (См. рисунок 1)

В этой схеме мы отразили весь круг воспроизводства человека от вступления в брак до зачатия, вынашивания ребёнка, его рождения,

воспитания, вступления в половозрелость, поиска второй половины и вступления в брак. Ведь задача родителей — воспитать родителей. Зелёным цветом мы изобразили это правильное естественное течение жизни, потому что, на наш взгляд, демография — это естественный процесс, заложенный в естественный мотив, именно не инстинкт, а мотив человека. А то, из-за чего мы сейчас не воспроизводимся, — мы назвали отклоняющими воздействиями, теми имеющимися на каждом этапе субкультурами, которые мы обозначили как красные, в негативном смысле,

в логике светофора. Это явления, которые оттягивают демографическую энергию, такие как аборт, разводы, послеродовая депрессия, межпоколенческий разрыв, ЛГБТ, проституция и т.д. На каждом этапе пути у нас происходит отрыв энергии. Этот базовый поток каждой нации в той или иной степени должен охраняться государством и народом, главой семьи, каждым на своём месте. И это и есть демографическая экосистема. Иначе получается, что мы охраняем каждый вентиль, каждый кран газопровода, а самый главный процесс, благодаря которому нация продолжается из прошлого в будущее, оставляем бесхозным.

Все эти вентили, этапы, ключевые события жизни в последнее время начинают браться под государственный контроль (темы запрета пропаганды ЛГБТ, чайлдфри и др.). Мы рассматриваем это в методологии окон Овертона: есть технология сдвигать границу приемлемого или неприемлемого, от красного к зелёному, туда или сюда, как эквалайзер, что с нами долгое время делал Запад. Все эти «красные» субкультуры

были «нахватаны» нашей культурой на протяжении в основном, начиная с XIX века, начиная с эмансипации женщин и заканчивая введением права на аборт. Ну а в 90-е годы была уже **повальная трансляция антидемографической культуры, которую мы называем вырождаемостью**.

Есть советская методология профилактики негативных социальных явлений, здесь как раз она обозначена, от красного к зелёному (рисунок 2). Но в Большой советской энциклопедии была статья только о первичной профилактике, т.е. подразумевалось, что вторичной и третичной профилактики в социалистическом обществе не должно быть, надо всё сводить к зелёному фону, т.е. только заниматься профилактикой.

Но сейчас у нас куча пожарных состояний, и по каждому негативно-му явлению должна быть отдельная работа по всему кругу воспроизводства, с каждой такой негативной антидемографической субкультурой.

Второй цикл воспроизводства мы назвали «Циклом культурно-

ценностного воспроизводства», или Межпоколенческой подковой (рисунок 3).

Как мы уже сказали, этот цикл обратно направлен. Человек обладает наибольшей витальностью в самом начале своей жизни, в детстве, а точнее, ещё до рождения, когда клетка делится с невероятной скоростью и появляются новые клетки: это самая большая энергия жизни.

К старости энергия витальности ослабевает, но при этом накапливается опыт, который надо успеть передать подрастающему поколению. Задача в том, чтобы «молодость знала», а «старость могла». То есть мы за мощную старость и за знающую молодость, а это может обеспечиваться только благодаря межпоколенческому взаимодействию. На этой схеме видно, что приоритетное межпоколенческое взаимодействие идёт от третьего возраста (60–75 лет) к молодёжи — это передача опыта, и от четвёртого (после 75 лет) возраста к детям — это передача ценностей.

В современном обществе возрастные рамки сдвинулись, и эта схема

Рисунок 2.
Три вида профилактики социальных болезней

Рисунок 3.
Цикл ценностно-культурного воспроизводства

(рисунок 4) показывает, что на самом деле будущее не в детях, а в старшем поколении, потому что именно глазами старшего поколения подрастающее поколение видит будущее. И наоборот, прошлое — оно в детях и в молодёжи, потому что, передавая традицию следующему поколению, старшее поколение редактирует прошлое, совершает работу над ошибками и, таким образом, исправляет их.

Но сейчас у нас эта Межпоколенческая подкова пребывает в полуразорванном состоянии. Молодёжь не воспринимает старшее поколение

как авторитет, старшее поколение, в свою очередь, замыкается в себе и уклоняется от воспитательной роли и в семье, и в целом в обществе. Есть т.н. серебряное волонтерство, которое, согласно западным методикам, занято развлечением старшего поколения.

Это именно западный подход — разделять все поколения, чтобы властвовать. Молодёжь поссорить со старшим поколением, женщин с мужчинами и т.п. А нам надо преодолеть эти средостения. Мы предлагаем убрать этот разрыв и напра-

вить старшее поколение на заботу о внуках, на передачу традиции и культуры следующему поколению.

И чтобы лучше понять методологически эту подкову, мы ввели понятие четырёх времён. Взрослые живут в злободневном, быстром времени. Молодёжь торопится войти во взрослость. Третий возраст торопится передать свой опыт. Дети никуда не торопятся, для них ещё весь мир безграничен; четвёртый возраст в идеале тоже никуда не торопится, он уже готовится к вечности.

И, наконец, вечное время — здесь мы располагаем традиционные ценности, представления о Боге, о Трансцендентном, в той или иной степени присущие всем культурам.

Где же здесь непосредственно демография — беременная женщина, ребёнок до рождения, кормящая мать? Их мы помещаем в природную вечность. Именно это, на наш взгляд, объясняет, почему современной женщине так тяжело даётся материнство: из злободневности, из гонки за карьерой, постоянного «достигаторства» каких-то новых свершений она выпадает в другое время и оказывается наедине с ребёнком. Современное общество, рекрутировавшее женщину как работника, не даёт ей этого времени — точнее, заботы для беременной и кормящей матери. Поэтому беременность не принимается, женщины её избегают, 40 процентов беременностей заканчивается абортми.

Мы запустили проект ВСЕБЕРЕМЕННЫМ. РФ (это обеспечение всех потребностей беременных, окружение их заботой со всех сторон), собрали лучшие практики, и теперь стоит задача внедрить эти практики в каждом регионе России, преодолев ситуацию разорванного «лоскутного одеяла», когда в одном регионе делают одно, в другом — другое, а надо, чтобы делалось всё вместе в каждом регионе.

В логике Межпоколенческой подковы (рисунок 5) мы проводим параллель с географической ситуацией в разных Россиях. Есть

Рисунок 4.

Будущее и прошлое в Межпоколенческой подкове

классификация Н. В. Зубаревич (мы убираем за скобки её политические взгляды и опираемся исключительно как на учёного) — классификация четырёх Россией. Мы ассоциируем сверхбыстрое время с «первой Россией» — мегаполисами, наименее благоприятными для демографии. Вторая Россия, крупные и средние индустриальные города, — это быстрое время. Третья Россия — это большое или долгое время, советское, вернее, постсоветское село, малые города и ПГТ. И четвёртая Россия — это традиционное село, национальные культуры, сохранившие традиционные патриархальные ценности. Мы думали, что четвёртая Россия у нас сохранилась только в Чечне, Тыве, Дагестане и Бурятии, но в ходе демографического мониторинга Архангельской области с удивлением обнаружили, что на юге Северов в последние годы, с 2008-го, возродилась Четвёртая Россия, русская деревня, где суммарный коэффициент рождаемости поднялся с 2,5 на одну женщину до 4,0 и даже 5,0. Но это очень узкий слой — юг Коми, Мурманская область, НАО и так далее. А чуть севернее находятся крупные города, куда выезжает молодёжь из села, и там рождаемость — 1,0 и меньше. А ниже, на севере Вологодской области, такой рождаемости на селе уже нет. То есть слой «четвёртой России» очень узкий, но с точки зрения культуры важно, что он, в принципе, есть, нужны экспедиции для исследования причин того феномена и возможности трансляции этой культуры в другие регионы.

У нас есть анализ по каждой из четырёх Россией: мы делим квадрат на четыре части: справа у нас семейные ценности, сверху — уровень образования, слева — уровень инфраструктуры, снизу — близость к природоподобным системам. Видно, что у Москвы и других крупных городов мощный перекося в сторону инфраструктуры, уровня образования, отсутствия семейных ценностей и близости к природе. В этом

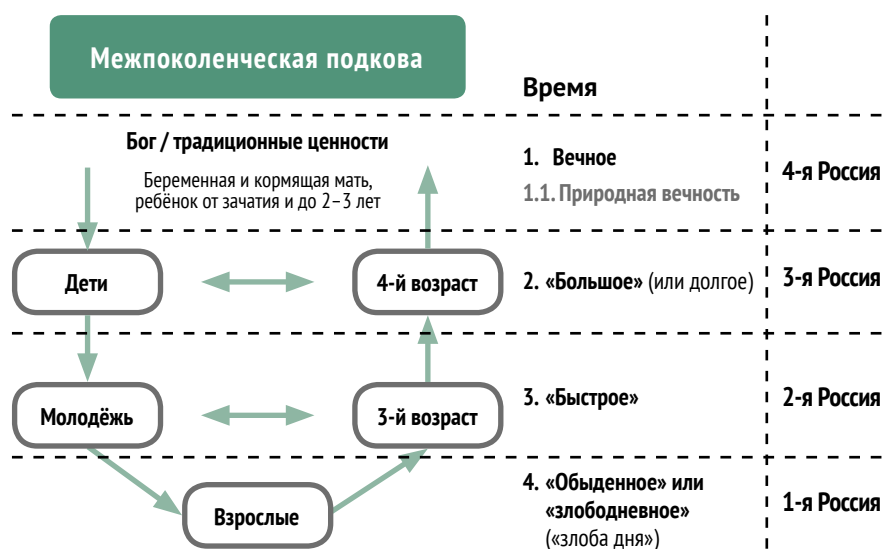

Рисунок 5.

Четыре времени передачи ценностей и пространство «Четырёх Россией»

смысле самые гармоничные, хотя и менее ресурсные, — это сейчас индустриальные, средние города, т. е. вторая Россия, где всё в целом сбалансировано.

В плане демографии для нас идеалом является «города-деревня» в концепции Чаянова, где в рамках шестого технологического уклада всё может быть вполне соразмерно, и мы можем иметь уровень образования, оставаясь «на земле» при высокоскоростных средствах транспортировки в крупные города, где люди будут не жить постоянно, а посещать какие-либо культурные, научные или деловые мероприятия.

В рамках такого подхода и в ходе мониторинга мы анализируем в регионах и уровень сохранности традиционных ценностей, и механизмы передачи ценностей, которые бывают трёх видов. Это «ментальные» ценности, которые впитываются с молоком матери и которые нельзя приобрести, если ты не родился в этой культуре. От них можно только отречься, отказаться. Второй вид ценностей — это «культурные», как мы их называли, которые усваиваются через подражание, через участие в культуре, в праздниках, в событиях и так далее. Эти ценности передаются детям людьми старшего возраста. И третий вид

ценностей — «мировоззренческие», которые передаются уже в возрасте молодёжи, студенчества, а также и в третьем возрасте, когда идёт переоценка опыта, и человек заново осмысливает своё мировоззрение и формирует новые философские доктрины. То есть это уже осознанная передача ценностей.

В этом смысле взрослость — это период освоения технологий, но не ценностей. Поэтому от того, как пройдены первые три этапа культуры, зависит уровень ценностей у взрослых. Если что-то пропущено на любом этапе, то потом это можно компенсировать только в следующем периоде, когда человек уже ведёт работу над своими ошибками.

Сейчас эта межпоколенческая подкова находится в перевернутом состоянии, поскольку традиционные ценности в современном потребительском обществе не играют никакой роли (рисунок 6). Власть захватили взрослые, не как раньше, когда были старцы и особое отношение к детям. Для взрослых молодёжь — это конкуренты. Если ты старше — третий возраст, ты уже сбитый лётчик. Если ты потерял должность, то ты уже воспринимаешься так: от тебя польза лишь в том, что ты можешь передать какой-то опыт, но он очень быстро прокатывается.

Если приоритетом в культуре является не высшее начало (Бог, трансцендентное), то Подкова переворачивается и все процессы трансформируются (деформируются).

Рисунок 6.
Усечённая, перевернутая Подкова

В предельном виде эта перевёрнутая подкова уже работает на Западе, поскольку там ускорение времени достигло небывалых вершин, и с точки зрения современной западной цивилизации сам человек уже слишком медленный, он уже «не догоняет». На его смену приходит ИИ, роботы, киборги, трансформеры, и это всё присутствует в мультиках, к примеру, «Южной Кореи», где суммарный коэффициент рождаемости ниже 1,0. Это имплантированное искусственное будущее, которое предлагается всему человечеству, при этом перечеркивается иное будущее, которое проектировалось раньше в каждой культуре. Разрываются межпоколенческие связи, чтобы как пылесосом эти уже разорванные песчинки выхватить из традиционной культуры и засосать в культуру глобализма (рисунок 7).

Мы, слава богу, сошли с этого поезда, дай бог, чтобы навсегда, но на Западе предлагается вместо четвёртого возраста уже эвтаназия, аборт, контрацепция, суррогатное материнство для тех, кто вдруг в 50 лет захочет родить ребенка (или он содомит, и ему предоставляются всевозможные технологические приспособления). Всё это сделано теми «взрослыми», которые не захотели отдавать ресурсы, не захотели принять свое старение; это

семейные кланы, которые пытаются удержать власть над планетой, хотят жить вечно, вставлять себе по нескольку раз искусственные сердца и другие органы.

Но мы не можем из этого сверхбыстрого времени полностью «выпрыгнуть», поскольку сейчас и война сверхбыстрая, мы вынуждены этому противостоять, и противостоям на всей необходимой скорости. Неживые системы, системы убийства, мы делаем, слава богу, научились, а вот с живыми системами у нас самая главная проблема.

Как раз этому наш подход и посвящён. Мы сейчас перед выбором: либо традиционная межпоколенческая подкова, жильё, соразмерное человеку, либо небоскрёбы, а каждый небоскрёб — это памятник какой-то умершей деревне. Соответственно, **родился тезис: малоэтажность — равно многодетность, многоэтажность — равно малодетность.** Но одной деурбанизации недостаточно, нужно рассматривать всё в комплексе.

На верхнем этапе, на уровне природной вечности, нужна новая парадигма заботы о беременной — окружить каждую беременную женщину всесторонней заботой и всем её обеспечить. В полной мере это возможно только в патриархальной культуре многопоколенной и,

как следствие, многодетной семьи. Главный защитник — это муж.

Дальше на уровне длинного времени нужна трансформация серебряного волонтерства: их целая армия, в одной Ульяновской области 300 тысяч серебряных волонтеров. Нужно, чтобы они переориентировались на передачу культуры следующему поколению.

Третий уровень — это включение общественной инициативы молодёжи и третьего возраста. Дело в том, что общественниками люди являются либо до вступления во взрослость, до начала работы, либо после того, как человек состоялся в профессии, и поэтому любой общественный проект работает на включение межпоколенческой подковы по линии молодёжь — третий возраст.

Говоря про уровень «взрослых», здесь необходимо переосмысление принципов взаимодействия «неживой» и «живой» систем — государства и семьи. Необходимо осуществить смену парадигм: компенсаторно-стимулирующую поддержку матери по принципу «Сделка» нужно заменить на мотивационно-упреждающую поддержку семьи по принципу «В дар».

Нужно, чтобы государство поддерживало не мать, а семью в целом, а еще важнее — отца, потому что сейчас в России создалась такая ситуация, что женщине выгоднее быть разведённой матерью-одиночкой. А нужно сделать, чтобы было наоборот: и поддержка прогрессивно увеличивалась по мере рождения в полной семье большего числа детей. Тем более хорошо известно, что «третьего ребенка заказывает муж», а уже тем более — четвёртого, пятого.

Компенсаторный подход к поддержке существенно удлиняет путь к детям. Семья сначала должна родить ребенка, потом ей даётся компенсация, какой-то кэшбэк. Все это не работает. Пять с половиной триллионов рублей мы потратили на нацпроект «Демография», а суммарный коэффициент рождаемости

падает и будет дальше падать, если не изменить принципы поддержки.

Итак, заменить его нужно на принцип «в дар». Причём это должна быть мотивирующая, упреждающая поддержка, как это было до революции, когда семья у нас действительно воспроизводилась. Община строила семье дом всей деревней в дар и упреждающе либо когда у них ещё не было детей, либо на пятый год жизни, когда молодая семья, окрепнув и встав на ноги под влиянием патриархальной семьи родителей, отселялась в свой дом. Именно по такому принципу должны быть построены все меры поддержки.

Принцип «в дар» должен быть неразрывно связан с институтом «объявленных действий», какие тоже всегда были у нас в обществе: человек всегда объявлял, что он будет делать; тот же брак — это объявленное действие, потому что человек перед своими друзьями и знакомыми объявляет: «Я вот на этой женщине женюсь и буду заботиться о её детях». Эта система сейчас разрушена, у нас гражданские браки, когда никто ничего не объявляет.

Принцип «в дар» нужен, потому что ребёнок, которого женщина рождает, тоже рождается в каком-то смысле «в дар». Ведь потом он ей не будет принадлежать, он теоретически может умереть на войне, уехать в другую страну и т. п. **Мы получили жизнь в дар от родителей, а они от своих родителей. И мы не способны их отблагодарить иначе, как передать этот дар следующим поколениям.**

И если мы говорим про упреждающую поддержку, то семья должна быть растущей. Должно быть переосмысление понятий: «растущая семья», «растущий дом», «растущий семейный капитал». Сейчас невозможно запомнить даже названия всех этих самых подпособий, кроме, может быть, материнского капитала. Но и к нему тоже есть вопросы. Почему только материнский? Почему не семейный?

Поддержка должна нарастающим чеком прогрессировать по мере рождения новых детей. Этот чек должен увеличиваться, и прежде всего, основные меры поддержки должны быть сконцентрированы на третьего и последующего детей. По данному аспекту уже вроде бы консенсус в обществе есть.

И должна быть разработана система такой мотивирующей единой поддержки, национальная система народоформирования. Ведь мы смогли организовать подобную поддержку в советское время на уровне обязательного среднего образования. Там был переход из класса в класс. Когда-то такой системы не существовало, но эту систему создали. Это система мотивирования, это объявленные действия. На школьной линейке 1 сентября учителя обязуются учить, дети обязуются ходить в школу, обязуются учиться. И попробуй не перейди в следующий класс. Такую же систему нужно создать и в сфере демографии.

Потому что общину и род, где семья традиционно получала безусловную поддержку по принципу «в дар», сейчас в чистом виде не возродишь. Сейчас государство, как «неживая» система, уже забрало у семьи много функций, и уже *над родом* у нас

появился народ — *над-род*, Отсюда у нас и понятие «Народопровод», подразумевающее, что это должна быть именно общенациональная система безусловной поддержки и мотивирования. Вступили в брак, образовалась семья — она получает звание «Надежда нации», и с этим званием связаны какие-то привилегии. Первый ребёнок — «Здоровье нации», здоровье, потому что смогли родить. Второй ребёнок — «Опора нации», третий ребёнок — «Стабильность нации», четвёртый — «Сила нации».

А у нас пока есть только звание в связи с десятым ребёнком, и то не для семьи, а только для матери — «Мать-героиня». А как же отец? Должны быть все промежуточные этапы, подобно тому, как есть у нас наименование свадеб не только «золотая» и «серебряная», а на каждый год — и «деревянная», и «ситцевая», и т. д.

Должна быть включена вся сила культуры, а не только сила финансового стимулирования, которое работает подчас в противоположном ключе, порождая иждивенчество. А надо, чтобы каждая, в том числе монетарная, мера поддержки семьи была одета в одежду культуры. И чем больше стимулирующая под-

Рисунок 7.

Будущее в перевернутой Подкове

держка, тем больше мотивирующих элементов культуры вокруг нее.

В своей совокупности все эти описанные выше инновации направлены на то, чтобы была включена сила социального капиллярного эффекта, потому что объявленные действия — это капиллярный эффект. У нас сердце прокачивает кровь менее чем на 50% силы сердца. Остальное — за счёт капиллярного эффекта «на втягивание» по закону Лапласа. И таким капиллярным эффектом должна стать общественная поддержка инициатив главы государства, отца нации. А без этого призывы главы государства повисают в воздухе, потому что капиллярный эффект не включается.

Павел ЛЕЩЕНКО,
*заместитель директора
Института биополитики
и пронатализма:*

— Берясь за решение демографической проблемы, мы должны признать, что Россия сейчас находится в постиндустриальном социокультурном кризисе, то есть наша страна — не исключение. Демографический кризис — только часть этого кризиса, его нельзя рассматривать локально. И у нас в общем-то нет мировых образцов современного экономически высокоразвитого общества, которое можно признать нормальным в демографическом и социокультурном плане. Имеющиеся образцы в лучшем случае создают мозаичное общество, где решают только часть проблем.

Многие приводят в пример Израиль; замечу, что Израиль на самом деле внутренне очень разделённое общество, и значительная часть его демографического потенциала создается радикальными ультраконсервативными религиозными группами, а другие — на противоположном конце политического спектра — имеют совсем другую идеологию и другую рождаемость.

Итак, ключевая зона кризиса в России — это современная круп-

ногородская культура, согласно классификации Н. В. Зубаревич — «первая Россия». Здесь стираются и ослабляются многие культурные особенности, в том числе уникальные преимущества российской цивилизации и культуры. Но мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. Именно эти города являются сейчас главными центрами и зонами экономического, инновационного, социального развития, при этом они же являются главным источником демографических и других проблем, связанных с нашей социокультурной идентичностью, зависимостью от Запада и так далее.

Уникальная ситуация совершенно иного плана сохраняется в менее крупных, средних, некоторых малых городах. Потенциал развития их остаётся во многом нераскрытым: на фоне длительной противоречивой истории, в том числе депрессивных процессов, там сохраняются разнотенденционные тенденции развития. Многие модернизационные процессы здесь находятся на более ранней стадии, что даёт «преимущество отсталости», для многих из этих городов в благоприятных условиях есть возможность выбрать другой путь социального развития, чем тот, который мы наблюдаем в крупной городской культуре по всему миру. И как раз здесь ключ к демографическому приросту, потому что одними сельскими территориями мы эту проблему не решим.

Давайте перечислим позитивные тренды и возможности, которые уже существуют для демографического возрождения и социального развития в этом контексте у второй России — индустриальных городов среднего и менее крупного масштаба, с населением, условно, от 100 до 300 тысяч. (Там есть еще промежуточная зона, до полумиллиона, и вторая промежуточная зона, от 30 до 100 тысяч, обе имеют свою специфику.)

Их базовые преимущества — оптимальный масштаб, удобная родительская логистика, что является бичом крупных и крупнейших городов, доступ к дачам и пригородным

пространствам, что зачастую даёт совершенно другой уровень комфорта и качества жизни, чем в любом крупном городе, сколько бы ни вкладывать денег в парки, скверы и так далее.

Комфортная этажность и более низкая плотность населения: как правило, в этих российских городах дома не выше пяти этажей. Это очень важно, потому что это формирует совершенно особую социальную микросреду, во дворе родители могут наблюдать за играющими детьми. В этих городах, как правило, во многих зонах формируется свободная игровая среда для развития детей, чего в Москве нет — сейчас в большинстве районов Москвы детей на улицу так просто не выпускают. Далее, социальная сплоченность малых сообществ, взаимопомощь. Это наше достояние, которое, в частности, позволило развернуть народный ВПК. Именно индустриальные средние и малые города во многом служат основой для новых сетей взаимопомощи.

Но здесь уже вот я перехожу к современным трендам, которые достаточно многообещающи. Во-первых, это расширенные возможности дистанционной занятости, что расширяет возможности рынка труда для этих городов, т.е. повышает их качество жизни и тем самым позволяет добиться совмещения демографического баланса и социального развития. Этот баланс в крупных городах, как правило, смещён — в том смысле, что социально они более развиты, но условия для рождения детей и их воспитания, экономические возможности для деторождения там хуже по большинству направлений.

Ну и, естественно, значительные перспективы открывает расширение возможностей для дистанционной занятости, для совмещения труда и беременности, труда и родительства, повышение сплоченности семей за счёт более длительного пребывания в домашнем семейном коллективе — частичное возвращение к доиндустриальному семейному

хабитусу. Современный информационный тренд — это депроvincialизация экономической активности благодаря лучшей информированности молодёжи, один из немногих позитивных трендов, на которые можно указать в сфере развития информационного общества. Сейчас действительно наблюдается взрывной рост малой экономики сервиса в средних и малых городах.

Важный момент — новое освоение, рекультивация пригородов и ближних зон агломераций, даже достаточно крупных городов. То есть если мы не можем создать оптимальную жизненную среду в крупном городе, скомпенсировать это за счёт пригорода, ближней и дальней зоны агломерации, где мы как бы создаём просемейную жизненную альтернативу.

Если говорить о перспективных трендах, кажется очень важным тренд на повышение производительности труда и масштаба малого и микробизнеса, потому что такой бизнес в основном семейный, родовой. Напомню о числах Данбара,

которые показывают оптимальный размер сообществ для семейной культуры. Если мы говорим, скажем, о малом бизнесе, то это от 15 до 50 человек, что как раз близко к оптимальному числу для расширенной семьи, для рода. Повышение производительности труда и масштаба малого семейного бизнеса за счёт современных технологий даёт новые возможности не только экономике средних и даже малых промышленных городов, но и развитию семейной культуры и семейно-родовых сообществ (расширенной семьи).

Но недостаточно просто следовать за имеющимися трендами. Конечно, нужно активно формировать новые тренды развития, обновлять социальные институты. И здесь болезненные проблемы современного общества, которые могут быть локализованы именно в городах второй России, получится лучше решить, если, конечно, будет на то политическая воля.

Во-первых, мы можем рекультивировать провинциальную интел-

лигенцию, общественно значимые профессии, повысить их и общественный статус, и интеллектуальный уровень, и значимость, и понимание, осознание их миссии. В постиндустриальном обществе они подавляются «креативными индустриями», как бы замещаются ими; здесь мы можем этот баланс восстановить.

Далеко не каждый город, далеко не каждая территория в России имеют позитивные социокультурные условия для демографического возрождения, для выхода на естественный прирост. Начинать надо с имеющихся реальных ростков развития, а уравнительный подход в условиях ограниченности ресурсов приведёт к затуханию позитивных демографических эффектов.

Нам надо выйти из парадокса постиндустриальной крупногородской социальной модели — когда все ресурсы развития концентрируются в крупном городе, но именно там все экономические и социальные факторы способствуют малодетности.

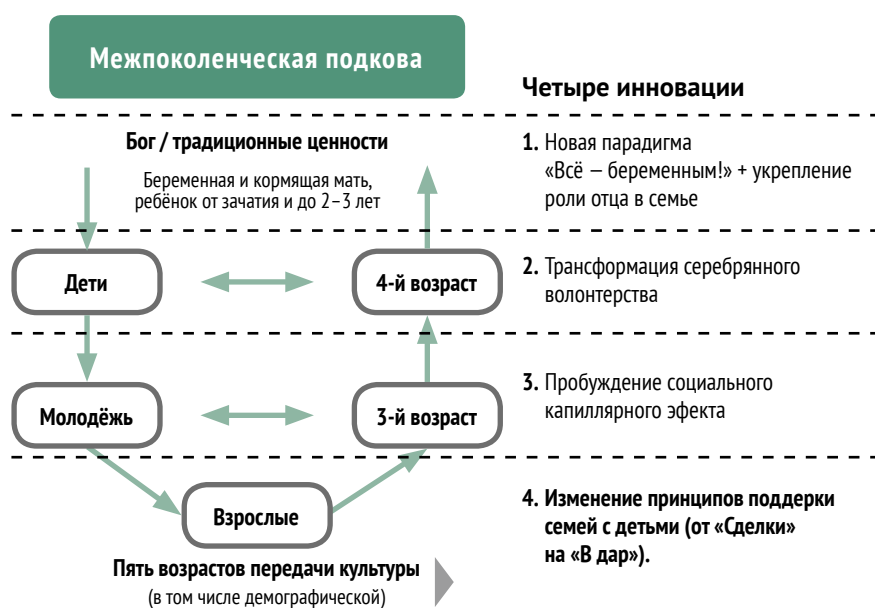

Рисунок 8.

Инновации в сфере демографии

Сбалансированное развитие средних городов, сочетание факторов рождаемости и социально-экономического развития — задача, которая ещё ждёт своего решения. И от успеха этого решения зависит судьба России, её демографическое выживание.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ,
доктор физико-математических наук:

— Сергей Валентинович, Павел Владимирович, у вас очень много слайдов, у вас очень глубокая и интересная социальная теория. По поводу массы вещей есть очень много возражений. Но сейчас их я бы даже не обсуждал. Как говорил наш великий конструктор Калашников, сложное сделать каждый может. Поэтому простой вопрос: делать-то что надо? Всегда есть два-три приоритета.

Сергей ЧЕСНOKОВ:

— Мною описаны выше три инновации, и четвёртое — изменение принципов отношений «живой» и «неживой» систем. Вот это кратко и есть выжимка из всей концепции. И прорабатывать баланс их взаимоотношений, вентили «Народопровода» надо на уровне каждого региона

и каждого муниципалитета отдельно с учётом их специфики.

Более подробно по каждой из трёх инноваций. Посмотрите рисунок 8.

Адресная поддержка беременных стоит дешевле, чем меры поддержки государства. Например, рождение по программе ЭКО стоит 560 тысяч рублей, спасение ребёнка по нашей программе — это ранее около 30 тысяч рублей, сейчас около 50 тысяч рублей, а при масштабировании на всю страну — 100 тысяч рублей. Но на ЭКО мы находим 560 тысяч на каждого ребёнка, а на беременных, на адресную поддержку — пока нет.

Второе направление — переориентация серебряного волонтерства. Как я сказал, их 300 тысяч человек в одной Ульяновской области, и они замкнуты сами на себе. Если бы они взяли на себя нагрузку заботы о детях, сняли бы часть нагрузки с родителей, и появилось бы движение «народная бабушка», «народный дедушка», мы бы вернули пенсии тем, кто сидит с внуками, своими или чужими. Вот, пожалуйста, вторая мера.

Третье направление включает в себя развитие демографических сообществ и движений. Это по межпоколенческой подкове — молодёжь и старшее поколение. Это мощный

взрыв активности, и для государства это дешевле, чем просто субсидирование, монетаристская политика, не дающая результатов.

Наконец, нужно изменение отношения к мерам поддержки. В каждом регионе есть сообщества отцов, многодетных, трезвенников, родителей, сообщества поддержки беременных и т. п., защитники жизни — их очень много. Если у них появится стратегия, если они будут работать во взаимодействии с экспертами на основе научной методологии, они станут лучше осознавать свои цели, лучше оценивать эффекты от своей деятельности; нужно, чтобы была государственная система и поддержка бизнеса. Роль бизнеса очень велика. У нас есть проект акселерации общественных проектов, потому что общественники хорошо чувствуют боль населения, при этом у них не всегда есть нужные компетенции и ресурсы. У бизнеса, образно говоря, нет рук, чтобы делать социальные проекты. Бизнес использует в отношении социума бизнес-подход, но так ничего не получится, потому что это другая, живая, материя. Государству для решения демографической проблемы нужно переходное звено в виде общественного «Народопровода», который будет позволять переводить государственные цели и задачи «неживой» системы в смыслы и ценности для живой системы, которой является семья. Народопровод поможет государству чувствовать боль, чтобы хотя бы на каждом конечном этапе с семьёй работали живые люди, а не чиновники и ИТ-системы.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ:

— Простой вопрос. На какую поддержку вы тратите 30–50 тысяч рублей?

Сергей ЧЕСНOKОВ:

— Они тратятся на консультирование, психологическую и материальную помощь, раздаточные просветительские материалы,

кому-то выплачиваются кредиты, кому-то арендуется жильё и так далее. Для примера: сейчас Минздрав при поддержке АСИ разработал и ввёл опрос беременных, и 250 тысяч беременных ответили на вопрос о причинах абортов. В-первых, мы считаем, что это очень неоднозначная инициатива, потому что это своего рода инструкция, объяснялка, почему женщина может делать аборт. Во-вторых, это ложная статистика, потому что на входе у женщины декларируемые причины, а истинные могут выясниться только после того, как с ней поработают психолог, социальный работник и решат её проблему, и в результате она сохранит беременность — только тогда мы узнаем, какая причина (а не отговорка, не искусственно сконструированная аргументация) мешала ей родить ребёнка. Эти реальные причины и надо собирать, а вовсе не первичные декларируемые «причины». Этой статистики у нас нет в масштабах государства, а именно она нужна для формирования мер повышения рождаемости в каждом регионе и территории с учётом их особенностей.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ:

— Но на 30 тысяч квартиру не снимешь...

Сергей ЧЕСНОКОВ:

— Не всем нужна квартира, очень узкому проценту. Кому-то нужно сапоги купить, кому-то временное пособие на короткий срок. Мы делим все средства по программе помощи на количество спасённых и получаем среднюю «стоимость жизни».

Андрей КОБЯКОВ,

кандидат экономических наук:

— Поскольку вы занимаетесь этой проблемой, у вас должна быть некая экспертная оценка эффективности предлагаемой вами программы. Как вы думаете, насколько выра-

стет коэффициент рождаемости с помощью предлагаемых вами мер (не только в пилотных регионах и каких-то конкретных зонах, например, в тех же городах второй России, а в целом по России)?

Сергей ЧЕСНОКОВ:

— Мы отдаём себе отчёт, что прогноз — неблагоприятное занятие, потому что мы можем только создать условия для роста. Но если наша программа будет реализована во всей полноте и включится народное самосознание, люди сами примут для себя качественно новое решение — думаю, увеличение СКР на 0,5–1,0 единиц в перспективе 3–5–7 лет реально. Результаты +0,5 были на Сахалине, но там был очень узкий сегмент мер, и они были чисто монетарными, меры мотивирующие задействованы не были. Поэтому я уверен, что если будут задействованы мотивирующие меры и все силы культуры, то рождаемость вырастет и выше.

Вардан БАГДАСАРЯН,

доктор исторических наук:

— Мне понравился прозвучавший императив «многоэтажность = малодетность», «малодетность = многоэтажность». Действительно, в концепции демографического перехода так считалось, что урбанизация — это то зло, которое объективно ведёт к малодетности. Но вот первое сообщение, которое у меня возникает. Уже лет пять в деревнях суммарный коэффициент рождаемости ниже, чем в городах. А, к примеру, показатели Южной Америки, где высокая степень урбанизации, выше многих. Возникает такой вопрос: а в урбанизации ли дело? Или, может быть, дело в каких-то других факторах?

Сергей ЧЕСНОКОВ:

— Дело в том, что любой лозунг — он утрированный, а это именно лозунг, а не концепция; здесь просто обозначены полюса. Вопрос в том, что у нас

даже на селе уже крупногородская культура. Если зайти в дом к селянам, то мы увидим ту же самую «ИКЕЮ», потребление тех же идеологических продуктов ТВ, интернет и соцсети, ту же роль гаджетов, особенно среди молодёжи.

Поэтому сейчас роль села стирается: это вроде бы село, но ориентируется оно на мегаполис. И соответственно, вопрос в том, чтобы создать альтернативу крупногородской культуре, и в том, где найти точки нового роста, грибницу, на основе которой можно вернуться к другой модели. Её мы видим в ресурсах второй России с опорой на патриархальные ценности четвертой России. А точки воздействия — первая Россия, откуда надо брать ресурсы и идейных экспертов и специалистов и командировать их в регионы. А третью Россию надо инфраструктурно приближать ко второй, чтобы из неё не уезжала молодёжь... Победившая урбанизация в большей степени зависит не от количества этажей, а от культуры и ценностей, уровня анонимности или, напротив, вовлечённости семьи в местные сообщества.

Андрей КОБЯКОВ:

— На самом деле, здесь не противопоставляются свехгорода и деревни или микросёла. Как мне показалось, во второй части доклада ставка делается на так называемую вторую Россию, то есть на города с населением от 100 до 300 тысяч. Это действительно опорная система. Во всех отношениях это было бы лучше, чем провозглашённая у нас идея только опорных мегаполисов. Но в докладе сказано, что нужно развивать не сёла, которые будут основой демографического развития, речь идёт о субурбанизации, о предоставлении неких усадеб рядом с крупными городами как второй территории. Это своего рода дачи, кто-то, возможно, захочет переехать туда жить.

Давно известно, что, скажем, в Нью-Йорке, в этих каменных джунглях, есть разве что какие-то марги-

нальные слои с большой рождаемостью. А зоны субурбанизации, все эти Род-Айленды и так далее — это два-четыре ребенка. Насколько это современная модель — нам пока трудно пощупать, но в речь идёт именно об этом.

Сергей БАТЧИКОВ,
председатель правления
Российского торгово-
финансового союза:

— Для того чтобы предложить меры, нужно сперва понять причины. Они, кстати, не кроются только в нашей нации. Маск сказал, что самый большой вызов для человечества — это падение рождаемости. Я прослушал в 1982 году лекцию Бестужева-Лады, одного из самых интересных наших демографов и социологов. Он тогда объяснил, что основная причина падения рождаемости действовала и в Советском Союзе. Урбанизация — это не только переселение в многоэтажные дома, это ещё и разрушение патриархальной сельской семьи. Традиционная семья была многодетной, а при переселении в город происходит её разрушение. Процесс урбанизации объективен, он идёт во всём мире, его не остановить, изменить его тоже не получится. Это первое.

Вторая главная причина — это марксистская идея народонаселения. Мелкобуржуазные семьи имеют меньше всего детей. Почему? Потому что у них целевая установка — сохранить или повысить свой уровень жизни. Стоимость выращивания ребёнка, воспитания и запуска его в самостоятельную жизнь гораздо выше и больше, чем любая материальная поддержка, которую может оказать общество и государство. Больше всего детей, даже в городах, у бедной, маргинализированной части. И с другой стороны, в среде высших кланов (к примеру, Кеннеди, Бушей и т. п.): им всё равно, сколько детей, пусть будет как можно больше, потому что это усиливает клан, материальные возможности которого не ограничены.

Третья причина, одна из главных — и, думаю, одна из самых эластичных, на которую можно влиять, — это культурная деградация и атеизация общества. Скажем, в Израиле меньше всего детей у атеистов. На втором месте идут христиане, на третьем друзья, потом мусульмане, и единственные, кто растёт в численности, — это ортодоксальные иудеи. Итак, самое страшное — это зажиточный городской житель без культуры. Это лавочник, мелкий буржуа.

Первые, кто прошёл по этому пути, — Северная Европа, которая сейчас вымирает. Хотя для поддержки рождаемости там очень многое делается. Финляндии, кстати, очень малоэтажная страна, и там много сельского населения. Но рождаемости там нет. То же касается наших прибалтов: это зажиточность без культуры, особенно городская, с разрушением патриархальной семьи. В Японии тоже принимаются меры для поддержки рождаемости, там культ детей и культ стариков — четвёртого возраста. А рождаемости нет.

Так что вымирание — это боль не только нас, русских патриотов. Это определённые законы (я о них потом расскажу). Эти законы, сам того не сознавая, озвучил Сергей Петрович Капица, который прочитал лекцию по демографии в Институте Санта-Фе, где мы с ним находились вместе с Александром Ивановичем Агеевым и Владимиром Сергеевичем Курдюмовым. Он великолепно разложил все законы демографии. Поняв и осознав их, можно вырабатывать меры. А в демографическую ловушку мы попали ещё в советское время.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ:

— Готовясь к сегодняшней встрече, я решил, что надо идти снизу. Предположим, я нашел красивую девушку и говорю ей: «Ты хочешь ребёнка?» «Очень, говорит, хочу». «Тогда, может быть, заведём?» «А какая у тебя зарплата?»

Сейчас мужика с зарплатой не найти для ребёнка. Ну хорошо,

допустим, я буду подрабатывать. Это, говорит, мало. А есть ли у тебя жильё? В Москве, как я понимаю, оно стоит 300 тысяч за квадратный метр.

Вот что ключевое. Женщины не знают мудрых схем, не знают ваших роскошных теорий, они мыслят просто: зарплата и жильё, а детей родят сколько угодно.

Сергей ЧЕСНОКОВ:

— Жилье и зарплата необходимы, но недостаточны. Ещё нужны ценности и инфраструктура. Из нашего мониторинга видно, что у нас демографией занимается в основном социполитика (поддержка матерей-одиночек и неблагополучных семей), ну и медицина что-то делает, правда, в основном по линии ЭКО. А в плане культуры (ценности) и экономики (как раз рабочие места и зарплата), пространственного развития (жилье и инфраструктура) — у нас очень всё плохо, как и в плане управления демографической политикой, где главная проблема в недостаточности привлечения к ней ресурсов общества: НКО, конфессии, бизнес.

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Где-то в 2008-м, когда Владимир Иванович Якунин возглавлял Центр проблемного анализа и государственного управленческого проектирования, был очень большой проект. Суть поставленного вопроса — а как вывести Россию из демографического кризиса? Привлечена была большая группа разных ученых. Причем изначально, когда привлекли только демографов, ничего не получалось, потому что они оказывались заиклены на своих узкоспециальных стереотипах; после спектр привлечённых расширили и вышли на четырёхфакторную демографическую модель, рассмотрев влияние разных факторов.

На первом месте оказался фактор условно идейно-духовный. Коэффициент корреляции приближается к единице. Очень большое влияние

оказывает то, насколько духовно общество, — тогда демографические показатели выше.

Второй фактор, который демографы не выделяли, — фактор цивилизационной идентичности: насколько человек сопряжён со страной, с традициями, с культурой. Это, оказывается, тоже влияет на демографию.

На третьем месте оказался фактор качества государственного управления. И на четвёртом месте — фактор материально-социальной, который играл роль меньшую, чем предыдущие три фактора. Поэтому я и задавал вопрос по поводу урбанизации.

Анализ показывает, что с 50–60-х годов мы видим по всем странам мира, включая и Латинскую Америку, и Китай, где сегодня суммарный коэффициент рождаемости ниже, чем у нас, — что все идут с разной скоростью в одну сторону. Но если мы смотрим на историю цивилизации, в более ранней проектной постановке мы видим, что везде было примерно одно и то же. На стадии

гибели цивилизации показатели детности уменьшаются, как в Римской империи эпохи упадка. Первой в Европе, кто столкнулся с проблемой снижения рождаемости, была Франция, и это был XVIII век. Урбанизации ещё не было, но снижение рождаемости было, потому что шла дехристианизация. То есть, принимая все эти вещи, связанные с урбанизацией, с усовершенствованием жизни, надо учитывать: главное, чего не хватает, — это сознание.

У вас была тема о ценностях, и это вопрос ключевой. Если есть ценности и ориентация на детность, если есть вера в Бога, то и с рождаемостью всё будет хорошо. Не будет этого — не будет ни рождаемости, ни всего остального.

Сергей ЧЕШОКОВ:

— В обществе потребления, которое мы строили с 1990-х годов, межпоколенческая подкова перевёрнута, и ценности за скобками, на первом

плане — материальное. А в области рождаемости на первом плане — именно ценности, поэтому нам важен механизм работы с ценностями. У нас есть методология замера и описание того, что такое ценности. Мы считаем, что это ХМДН: «хочу» (мотивация), «могу» (навыки), «делаю» (практика), «надо» (декларация и запрос от общества). Если хотя бы одного из этих звеньев нет, ценность не сложилась. Это наша методология описания ценностей. Все говорят «ценности», а какова их структура? Об этом мало кто говорит, отчего нет чёткости и ясности.

Но самое главное — говоря о мировых трендах, о теории первого, второго демографического перехода, мы забываем, что помимо объективных был ещё и субъективный фактор: Международный фонд планирования семьи (IPPF), нацеленный на снижение рождаемости, его филиалы поработали в 186 странах мира, и в России, и в Китае. Если бы процесс разрушения патриархальных

семейных ценностей был совершенно объективным, то зачем надо было вкладывать миллиарды долларов в создание организаций по снижению рождаемости, которые как раз и формируют вокруг себя «красные» субкультуры, прежде всего — феминизм и абортивную культуру?

Любая культура — это про ценности; для кого-то это низкая рождаемость, для кого-то — та субкультура, в которой человек живёт и в которой ему уютно. Нужно поменять подход к вопросу демографии — это вопрос во многом ценностно-культурологический.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
*заместитель председателя
Изборского клуба, доктор
философских наук:*

— Получается, что нужно поставить во главу угла вопрос о том, как вернуть подковку, какими методами.

Сергей ЧЕСНОКОВ:

— Да! Либо мы переворачиваем её через отрисовку «образа будущего» — для кого-то это будет главное. Либо мы, наоборот, опираемся на прошлое. Для разных слоёв населения могут быть разные подходы к этому переворачиванию подковы.

Андрей КОБЯКОВ:

— Мне кажется, что мы рассматриваем какие-то вещи в альтернативном ключе, а это неверно. Да, мы наблюдаем снижение рождаемости, но причины у нее разные. Одни — по принципу «могу, но не хочу», другие — «хочу, но не могу». Объективно есть люди, которые хотели бы иметь детей, но не делают этого по каким-то причинам, которые решаются в основном, наверное, материальными стимулами. А в случае «могу, но не хочу» — совсем другая установка. Мы сей-

час видим огромное количество людей, у которых и с жилплощадью всё нормально, и зарплаты хорошие. А они не то что детей не заводят, они жениться не хотят. Поэтому это две разные проблемы, и к ним не может быть одного ключа.

Сергей ЧЕСНОКОВ:

— Получается, у каждой культурной группы своя деформация ценностей. У кого-то нет «надо», у кого-то нет «хочу», у кого-то нет «могу», у кого-то нет «делаю». И в итоге надо со всем этим разбираться — в каком конкретном регионе у какой группы какие перекосы с какой ценностью. Это кропотливая работа. Для этого надо вести мониторинг, проводить стратегирование и проектирование, обучать специалистов, выращивать новую культуру народовоспроизводства. Мы как раз этим всем и занимаемся.

Семинар 2.

Юрий КРУПНОВ.

Путь к русскому «золотому миллиарду»

Юрий КРУПНОВ,
*председатель Наблюдательного
совета Института демографии,
миграции и регионального
развития:*

— Спасибо большое за возможность выступить, для меня это очень волнительная ситуация, поскольку люди здесь для меня очень значимые и важные.

Хотел бы сначала подхватить мысль Александра Андреевича, поскольку, на мой взгляд, обсуждать в России тему демографии невозможно без понимания того, что мы являемся вымирающим народом и живём в вымирающей стране. Одно дело в доме покойника песни петь, а другое дело — на свадьбе. Поэтому эта мысль, на мой взгляд, определяющая. Даже если подходить формально демографически, к концу столетия при полуторадетной семье останется половина нынешнего населения, и русские могут исчезнуть из истории, как до этого исчезали совершенно разные славные и великие народы.

И в этой связи опять же оттолкнусь от того, что говорил Александр Андреевич про религиозность. Я утверждаю, что вопрос «Что делать во время вымирания?» есть вопрос религиозный. И когда мы слышим от некоторых представителей Московской патриархии, что у нас идёт духовное возрождение, то у меня лично это не вяжется с тем, что я живу в умирающей стране. Из этого следует, что по сути никто, даже, к сожалению, наша цер-

ковь, не имеет ответа на этот вопрос и не решает его.

Это религиозный вопрос в том смысле, что хотим мы того или нет, атеисты мы или не атеисты, но мы вынуждены решать исходно сугубо религиозную задачу. И вопрос, собственно, стоит так. Либо мы так или иначе принимаем это вымирание, и тогда мы, по сути, играем в пользу смертостратегии и поддерживаем вымирание. Хотя сами мы можем быть удивительно чистыми, кристальными людьми, выступать на демографических и других форумах, рассказывать про традиционные ценности и так далее. И наоборот, если мы видим, как это переломить, и пытаемся это сделать, то мы — в жизнестратегии прямо противоположной, и это религиозное дело. Вот, мне кажется, исходные, нулевые точки.

В демографии, на мой взгляд, нет ничего естественного. Когда говорят, что демография естественная, рождение детей естественное и так далее, и тому подобное, — на мой взгляд, это великая ошибка. Как и в культуре, и в религии. Потому что это единичное явление, с единичными культами, когда что-то берётся и культивируется, и это абсолютный выбор, абсолютное решение, причём связанное со смертью и жизнью.

Вторая Россия, сёла, которые нас спасут, малоэтажные дома, которые мы настроим, и люди там будут рожать десятками — ничего этого не получится. Потому что здесь не действуют факторные стратегии, это не естественнонаучный процесс,

такой как падение или перемещение тела. Это вопрос геокультурный, но, в конце концов, — религиозный.

Не существует никаких законов в демографии, и то, что Бестужев-Лада фантазировал, это, на мой взгляд, просто последствия неграмотности: у Советского Союза были плохие стороны, в том числе прогрессивистский естественнонаучный культ. Мы вымираем, скоро мы исчезнем — вот и все законы. Здесь чистая арифметика, всё идёт по рельсам, здесь тысяча законов.

Есть принцип, методологически очень важный: соответствие действия и объекта. То есть если ты хочешь сдвинуть гору, тебе нужны одни силы, если маленькую вещь — совершенно другие. А на религиозную проблему нужен действенный религиозный ответ русского народа. Если такого ответа и действий не будет — вымерем и всё. И на геополитическое кладбище приползём одними из первых.

Поэтому мой центральный тезис заключается в том, что нужно обсуждать фундаментальные для русского народа вещи. Базовая вещь — это огромная страна, которую русский народ за свою тысячелетнюю историю освоил, две трети этой страны — севера, невозможные для жизни с точки зрения других народов. В этом смысле мы имеем уникальное пространство, которое наши предки нам оставили, и это пространство для заселения точно не 70 миллионов, нынешних 146 тоже абсолютно недостаточно. Я говорю даже не про Норильск и Воркуту,

а про тверские деревни. Для этого пространства нужна колоссальная сила, условно «русский миллиард». Это элементарно необходимая вещь, которая следует из геополитического контекста, потому что мы находимся в мире миллиардных цивилизаций.

И если мы со своими 146 миллионами или потом с семьюдесятью на одной восьмой части мировой суши будем существовать, то исламская цивилизация, латиноамериканская, иберийская, Евросоюз, англосаксы, не говоря уже про китайцев и индусов, даже если они снизятся в полтора-два раза — несопоставимые с нами величины, они нас вытеснят.

Поэтому нам нужно осуществить религиозное действие, чтобы в течение века-полутора мы смогли достигнуть «русского миллиарда». Сделать это можно только одним способом — кардинально поднять ощущение жизни, использовать жизненную стратегию, и для этого нужен социокультурный, культурно-антропологический и социально-экономический рывок, который позволит нам стать обладателями и производителями, в том числе, богатства нашей земли. Суть не в самом богатстве, а в том, что мы будем знать, что являемся одним из первых (как и было во многом в советский период) народов, который задаёт вектор для создания новой планетарной ситуации.

Не всё надо мерить долларом или рублём, но жить нам нужно как минимум не хуже всех, не хуже никого, а может быть, даже лучше всех на нашей прекрасной планете. Поэтому основа демографии — это, конечно, колоссальный технологический, технотронный подъём, социальный и культурно-антропологический рывок.

Теперь кратко скажу по поводу демографии как таковой. Здесь уже говорили про поддержку беременных и прочее. Однако, на мой взгляд, по крайней мере, в нашей ситуации женщины никакого отношения к демографии не имеют. Вместо психологизации — что они хотят, что не хотят — надо просто

создать условия, чтобы были мужчины, от которых женщины хотели бы рожать, и страна, в которой они хотели бы рожать. Поэтому вопрос не в женщинах вообще, не говоря уже о феминизме и прочих экстремистских идеологиях, которые нас уводят в ненужное русло — копание в женской психологии.

Вопрос социокультурного и социально-экономического, культурно-антропологического рывка не имеет отношения к женщинам. Я не встречал в своей жизни ни одной женщины, которая при нормальных человеческих условиях и с нормальным мужчиной рядом не хотела бы детей. А тех, которые плакались в 35–40, а то и в 50 лет на то, что у них нет детей, — встречал. Поэтому обсуждать, чего хочет женщина и сколько ей надо рублей доплатить, чтобы она нарожала, — это отвлечение внимания от сути вопроса.

Где мы находимся в демографическом плане? Действительно, рождаемость падает везде, и мы уже не одно десятилетие находимся в ситуации демографической зимы под разговоры о катастрофе перенаселения Земли, когда везде, даже в Нигериях и Афганистанах, падает рождаемость. Поэтому Маск, конечно, прав. Я тоже талдычу десять лет, что примерно в 2032 году, по данным ООН и ЦРУ, суммарный коэффициент рождаемости человечества станет ниже суммарного коэффициента, при котором происходит простое демографическое воспроизводство. То есть всё человечество начнёт вымирать. И в отличие от Анатолия Вишневского, который в интервью газете «Известия» в 2006 году сказал, что вымирание русских — это наш вклад в решение проблемы перенаселения, я считаю, что в каком-то смысле нам, с позиции наших перспектив и интересов, вообще безразлично, что происходит в мире. Конечно, надо всё это знать и понимать, но поскольку вымираем мы, действовать мы должны независимо от того, что происходит в соседних «подъездах».

Но при этом мы действительно переходим к ситуации вымирания всего человечества, и здесь может иметь место колоссальный геополитический и мирополитический жест России. Потому что **если Россия начнёт правильно действовать в демографической сфере, она станет лидером человечества**. Возникает вопрос: что, собственно, нужно конкретно сделать формально демографически? Нужно от 1,5-детной семьи перейти к минимум 2,5-детной семье. За 20–30 лет это вполне возможно. Это значит, что половина семей должны быть 3–4-детными. Это простая демографическая механика, арифметика, которая задаёт формально-целевой пункт — переход за 20 лет к 2,5-детной семье. Отсюда следует — и это коренной пункт, уже узкодемографический, — что мы должны обсуждать не абстрактную поддержку рождаемости и увеличение числа рождений, хотя всё это, безусловно, важно, а должны чётко сформулировать, какой в ближайшие 20–30 лет у нас в стране должна быть модельная семья. Та мода, в научном смысле слова, тот образец, та норма, которая задаёт переформатирование всего общества.

У тебя трое, четвёртый родился — ты попадаешь в коммунизм. Я за многодетные семьи, 15 лет раскручиваю эту проблематику. Модельной должна стать не абстрактно многодетная, а 3–4-детная семья. Мы должны строить дома под 3–4-детную семью, выпускать автомобили на 7–8 мест и так далее. Вот это ключевой пункт, и поскольку сегодня человечество находится в нестабильном, прежде всего, антропологическом состоянии, главный аргумент в пользу 3–4-детной семьи — это уход от вселенского одиночества в собственном доме.

Сегодня вопрос заключается в том, что перечисленные возрасты, в том числе, четвёртый возраст — старики, оказываются одинокими по тем или иным причинам. Не оттого, что они плохие родители, а просто потому, что у них мало детей, и дети,

естественно, живут своей жизнью. Нужен культ 3–4-детной семьи, который станет всеобъемлющим в информационном и культурном пространстве.

Что отсюда следует? Во-первых, у президента должен быть условный вице-президент, который отвечает за демографию с утра до вечера. Если он не будет этим заниматься, то всё это не более чем разговоры. Я много раз ссылся на то, что президент сказал «трёхдетная семья — норма для России». На что люди, к примеру, замминистра социального развития, говорят: «Ну мы же с вами взрослые люди, мы понимаем, что президент сказал и пошёл дальше ещё что-то говорить. Ну какие там трёхдетные семьи? Дай бог, если будет один ребенок...»

Я уж не говорю про бездетных руководителей социального блока. Не имею ни в коем случае ничего личного против кого-то, упаси бог, но всё равно есть некая неадекватность, несоответствие относительно того, что должно быть политической проблемой номер один. Лютков, замечательный стратег, естественно, наш враг, но при этом, безусловно, умный человек с умными книжками, в 2013 году приезжал в Москву и говорил, что у России при её колоссальной территории только одна проблема — это демография. Всё остальное вторично. Потому что демография — это вопрос выбора жизни для страны, для себя, для семьи. Выберешь жизнь — появится промышленность, поднимется экономика и т.д.

После политической приоритетности следующий момент в плане конкретных мер — в индустрии будущего. Нужно порядка 100 индустрий будущего, которые будут кормить русскую семью, потому что сегодня русскую семью никто не прокормит, если не считать совершенно узкий элитный слой, который суть исключение, лишь подтверждающее правило. Индустрии будущего — это отдельная тема. Например, мы сейчас в Харбине с китайцами делаем

совместные макеты индустрии будущего.

Нужно, чтобы один мужчина, условно, зарабатывал на всю семью. Женщина хочет — работает, не хочет — не работает. Но мужчина должен зарабатывать на четверых детей, двоих взрослых и ещё на родителей, на шесть-семь человек. Вот исходная экономическая программа, которую нужно реализовывать. Следующий момент: нам, безусловно, нужна программа переселения страны, не убогая стратегия пространственного развития, а пространство для русского миллиарда.

Следующий момент: нам нужен другой политический строй. И, с моей точки зрения, хотя я фанат Советского Союза, это должна быть монархия. Другое дело, заслужили мы её или нет. Монархия должна быть не в плане сословного феодаль-

ного общества, а в плане наличия во главе личности, принимающей ответственность за судьбу страны. И без этого мы никуда не двинемся. А советский период — это была своего рода лайт-монархия.

Следующий момент. Вопрос расселения — это, конечно, правильно, но речь идёт не о дезурбанизации и субурбанизации, когда говорят «в шалаше поселимся и там начнём рожать»; или Герман Стерлигов будет о чем-то подобном рассказывать. Мы должны говорить о принципиальной альтернативе, о ландшафтно-усадебной малоэтажной урбанизации в оппозиции к мегаполисной урбанизации, естественной для вымирающих народов и неперспективных территорий. Городки демографического будущего — это наш русский способ, первый подход к другой урбанизации. Речь об ином культурном формате

жизни, а не просто о малоэтажности. У нас и сейчас есть масса коттеджных поселков. Но коттеджный посёлок — это зачастую 50-этажка, положенная на бок. Потому что способ жизни в ней тот же, что в мегаполисе.

Следующее — это автомобильно-транспортное передвижение вплоть до аренды авиации, потому что умирает и зарастает всё Нечерноземье. Человек должен иметь возможность арендовать самолёт, долететь на нём 200 километров до своего ранчо, вывезти туда своих ребятишек и неделю там жить. У нас колоссальное пространство, которое мы не используем, и нам для этого нужны средства передвижения, энергетика, специальные тарифы и иные специфики, базовые налоги, пенсии и другие условия жизни. По крайней мере, с многодетной семьи не брать подоходный налог. Непонятно, почему с них берут подоходный налог, а потом ищут среди них семью с доходом ниже прожиточного минимума, чтобы выплатить какое-то пособие.

Дальше я бы перешёл к великой ошибке нашего гения Дмитрия Ивановича Менделеева, на которого

часто ссылаются, и это становится одним из главных тезисов антисоветизма. Дескать, Менделеев всё посчитал, у нас сейчас должно было быть уже 400–500 миллионов населения. А большевики всех расстреляли и репрессировали, в результате осталось 146 миллионов. Очень важно в этой ошибке разобраться. Менделеев не учёл самого главного, и здесь мы возвращаемся к религиозной проблематике демографии.

Никакого естественного стремления к размножению нет у человека, разве что к сексуальному взаимодействию. И то весь мир плачет, что, к примеру, в Японии, по официальной статистике, 40% людей до 35 лет не вступали в половые связи. Дмитрий Иванович исходил из того, что семья по определению создавалась, настрагали столько-то детей, при том что смертность тогда была ещё высокой. Но вопрос рождения детей — это величайшая тайна, даже таинство, в том смысле, что никто из продумывающих проблемы демографии вам ничего про это не скажет.

Сейчас впервые за всю всемирную историю человечество отказы-

вается рожать. Под всевозможными предложениями, с самыми разными объяснениями: кому денег не хватает, кому метров, кому мать плохая, кому Советский Союз плохой, кому анти-Советский Союз плохой. Тысячи объяснений для того, чтобы в итоге не рожать. И это, с одной стороны, вроде бы обстоятельства, но с другой стороны, эту загадку невозможно разгадать, потому что это загадка религиозная по своей природе. Рождение детей в дальнейшем будет у нас только противоестественное (в глупом смысле слова «естественное»). Это именно религиозные действия. Поэтому, когда Дмитрий Иванович писал «врождённые людям стремления к ничему, кроме разве личной воли или разве увлечений, не ограниченному размножению» — на мой взгляд, он здесь ошибался.

Как подчеркнул Сергей Валентинович Чесноков, практически даже не век, а полтора века работают колоссальные глобальные силы, нацеленные на то, чтобы убить культуру рождаемости, религию рождаемости и осознание рождаемости как ценности.

Почему я говорю, что женщина никакого отношения к рождению детей не имеет? Потому что это сила, которая не связана с психологией женщины. Другое дело, что женщину можно накачать феминистическими идеями, и дальше она даст тысячи объяснений, от «моё тело — моё дело» до всяких более изощрённых. Нам всем надо осознать, что мы не понимаем, что делать с демографией. Никто из нас не адекватен этой проблеме. Не оттого, что мы глупые, плохие или бессовестные. Представьте, что мы сейчас находимся, например, в 1897 году, до открытия Беккерелем радиоактивности. От Беккереля до атомного проекта 40 лет прошло, а атомный проект создал атомную, водородную бомбу. Это сколько было вложено сил!.. А мы хотим решить тысячекратно более сложную проблему, чем атомная и водородная бомбы. Мол, сейчас придёт какой-нибудь демограф, или культу-

ролог, или политик, что-то расскажет, подумает, вспомнит свою бабушку, дедушку, себя, свою семью и решит все вопросы.

То есть нам — возвращаясь к пункту вице-президента или замглавы администрации по демографии — нужно организовать такой атомный демографический проект, исходя из того, что сейчас никто не знает, что с этим делать. Это тысячекратно более реальная проблематика, чем какое-нибудь ковидобесие. И проблематика эта завязана на все концы мироздания, от религиозного до технико-организационного. На ней мы должны сосредоточить лучшие научные силы, причём комплексные, потому что это предполагает социокультурный, социально-экономический, культурно-антропологический рынок, который спасёт русских от вымирания.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ:

— Вы сказали о религиозных вещах. Это очень глубоко. Поскольку вы пока не создали свою религию, давайте посмотрим на нашу. У нас сейчас каждый день Русская православная церковь возводит три храма. Храмов русской православной церкви, не считая других религий, у нас сейчас больше, чем средних школ в России. Такого никогда не бывало. Казалось бы, с религией все благополучно. А вы говорите о религиозном вызове. Как вы считаете, что делать-то надо?

Юрий КРУПНОВ:

— Я не отвечаю за Московскую патриархию, но есть вопрос другой, более простой. В следующем году будет 40 лет апрельскому пленуму ЦК КПСС, на котором Михаил Сергеевич Горбачёв употребил слово «перестройка». И вот 40 лет какой-то «антимоисей» нас водит непонятно где или бесы нас водят. 40 лет проскочили, и всё коту под хвост. Прожрали советское наследие, сейчас сидим с голым задом. Что с этим делать — это тоже

религиозный вопрос. А вымираем мы с 1964 года, когда у нас прекратилось простое демографическое воспроизводство, когда выделялись бесплатные квартиры, как раз пошли «хрущобы», люди из бараков выполняли в эти клетушки. Казалось бы, всё на подъёме, и жизнь благоустроенная, и войны уже нет. А ситуация стала развиваться как у всех в остальном мире. Даже осознать это, на мой взгляд, очень сложно.

Почему я называю эту проблему религиозной? Это как повернуть Волгу или Амур на 90 или 180 градусов. Как это сделать? Поэтому проблема не в клерикальности, не в том, чтобы мы сейчас позвали сюда попа, и он нас отпел, а в том, что это надо осознать. Иначе мы будем всё время крутиться в идее материальных пособий.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ:

— Кто должен быть субъектом этих преобразований?

Юрий КРУПНОВ:

— Мы с вами и есть субъект.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Вы сказали, что вопрос настолько сложный, что для этого нужно собрать в кулак все ресурсы — интеллектуальные, волевые, сердечные, даже религиозные, — все, какие только можно мобилизовать. А у меня вопрос, наверное, немного провокационный. Вы упомянули, и предыдущий докладчик говорил о том же, что на том полюсе мироздания удалось собрать такую группу и такой кулак, которые знают, как уничтожить демографический рост. Или не знают?

Юрий КРУПНОВ:

— Я бы их не демонизировал, потому что дело разрушения значительно проще. Трагический опыт Китая — «одна семья, один ребенок». Я знаю

людей, у которых личные жизненные трагедии. И у них до сих пор минимум 18 миллионов «лишних» мужчин, поскольку девочек убивали. Опыт показывает, что можно за кратчайшее время сократить рождаемость. В 2015 году Политбюро ЦК КПК разрешило второго ребенка, в 2021-м — третьего. Сейчас платят деньги за лишнего ребёнка, и никто на это не откликается. Как говорится, дурацкое дело не хитрое. Сатанистами их не следует называть, на мой взгляд, потому что это их избыточно демонизирует, а сколько бы мы их ни разоблачали — нам это не поможет сделать наше дело.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Мне кажется, что это избыточно; если вы задали религиозный контекст, я буду говорить в нём. У нас есть пророчество не кого-нибудь, а самого Господа Иисуса Христа. «Во многих охладает любовь» — это про последние времена. Это оно и есть. Значит, если нашли на земле силы, которые могут подстегнуть процесс, то есть сделать так, чтобы любви стало меньше, а её место заняло что-то другое, причём не столько даже ненависть или злоба, это крайние проявления, а гораздо проще — эгоизм. Я хочу сказать, что они, может быть, являются сатанистами просто потому, что подстёгивают этот процесс распространения обыкновенного эгоизма.

Юрий КРУПНОВ:

Для того социоэкономического, культуроантропологического рывка, о котором я говорил, мы пока ничего не сделали, и на него нам надо собрать все силы. Мы просто должны показать неожиданный слом ситуации вымирания, неожиданный перелом. Где существует антихрист, это отдельный вопрос; как умные люди говорили: он сидит внутри каждого из нас. Но это не мой вопрос, я здесь не специалист. Говоря «вопрос религиозный»,

я имею в виду, что его решение невозможно никакими имеющимися в нашем распоряжении средствами. Вот в чём религиозность.

Александр ПРОХАНОВ:

— Я хочу сослаться на мой личный опыт. Я отец троих детей. Я представитель огромного разгромленного рода. В каком-то смысле я последний из рода. И мысль, что я последний из рода, ещё в детстве, уж в юности точно, меня преследовала постоянно, она не давала мне покоя. И я хотел продлить этот род. Это не было задачей, не было интеллектуальным порывом, это была моя личная энергия, которая требовала продолжения любимых мною исчезнувших предков. И я, живя в коммунальной квартире, будучи человеком, который зарабатывал крохи, жил за печкой у моей хозяйки, — женился, и мы родили троих детей, и вырастили их на ничтожные сначала деньги, но на великих трудах, на моих трудах, на трудах наших родителей. И эти труды окупились тем, что род мой начал размножаться, разветвляться.

Дожив до 87 лет, я удовлетворён, я насыщен днями, как Иов, потому что сумел продлить этот род. То же самое и в народе. Если народ вдруг ощутит, что он умирающий народ, — не мы с вами, не элиты, не мудрецы, а весь народ, — он начнёт воспроизводиться в великих трудах. Когда мы говорим, что это религиозная проблема, эта проблема того, что народ вдруг ощутит свою конечность и устремится к своей бесконечности, потому что в народе заложена идея бесконечности. И я думаю, что есть возможность переориентировать сознание людей к своей собственной бесконечности. В Советском Союзе не было церквей, в Советском Союзе не было религии. В Советском Союзе была религия труда, потому что «владыкой мира будет труд». И эта религия труда реализовывалась властью на всех уровнях от Сталина до председателя колхоза. Труд

воспевался, как воспевается сейчас Спаситель, Пантократор. В Советском Союзе в религии труда были свои святые, каменные иконы сталеваров и шахтеров. У Советской религии труда был свой храмовый комплекс, это ВДНХ. У Советского Союза была своя потрясающая эмблема, великая мухинская икона «Рабочий и колхозница» — как Адам и Ева, которые взлетают обратно в Царство Небесное.

В сегодняшней России я хочу провозгласить возрождение религии труда, которая была сменена религией Черкизона — рынка, денег, торгового преуспевания. А нам для того, чтобы выстоять перед напором гигантских угроз, в том числе демографических, необходимо возродить религию труда. Но это религия труда не только на заводах, у станков, в окопах, это религия гигантских интеллектуальных усилий, причём авангардных. Традиционные ценности — это хорошо. Но нам нельзя застрять в традиционных ценностях. Нужен русский авангард, то есть идея русского религиозного отношения к труду. И труд создания семьи является одним из важнейших трудов. Повторяю, это не только станки, не только окопы, не только лаборатории, где работают наши учёные. Я это знаю по личному опыту: моя семья, которая была создана и живёт, и ещё не вымирает. Это результат великих трудов.

Поэтому наряду с религией труда, которую должен провозгласить президент, нужно объявить создание семьи частью этой религии, религии выживания, спасения и победы. Мне кажется, это задача идеологов. И в идеологии сегодняшней России нет главного. В идеологии должна быть идея вселенского русского счастья и вселенской русской победы. Когда эта идея появится, она обрстет художниками. Кстати, эту идею нельзя провозглашать на политологических круглых столах, она будет мертва, так ее можно убить. Эту идею должен произносить пиит, выражать композитор, какой-нибудь

безумный современный д»Аннунцио, если угодно. И тогда эта идея начнет пропитывать наши остывшие сердца, наши оглохшие уши, наш переставший обонять прекрасные запахи мозг.

Юрий КРУПНОВ:

— Я абсолютно согласен с вами, поэтому я эксплуатирую образ атомного проекта; не случайно говорю: «Семья — малая церковь». Это действительно колоссальный труд. Сбежались-разбежались, гражданский брак и т.п. — это неестественно, здесь должен быть созидательно-трудовой подвиг, который в этом смысле должны совершить мужчина и женщина. Вопрос, как это оформить, как, если хотите, заставить это сделать.

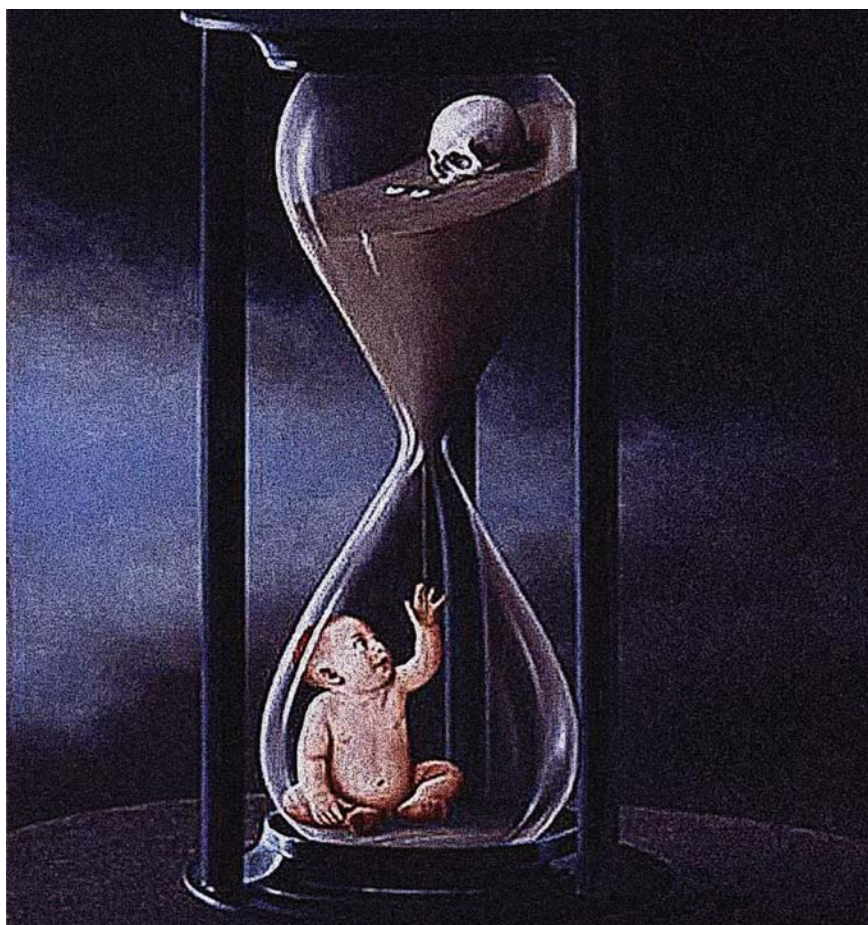
Вардан БАГДАСАРЯН:

— Хотелось бы вернуться к вопросу, имеет ли женщина отношение к демографии. У нас в продолжительности жизни у мужчин и женщины 10 лет разницы. Выше только на Украине, там разница 11 лет. Мне кажется, есть что-то нездоровое в этом колоссальном разрыве.

Юрий КРУПНОВ:

— Женщины — прекрасные человеческие создания, значительно лучше мужчин, искренне говорю. В так называемых развитых странах этот разрыв меньше; у нас он начинается после 30 лет. У нас в шесть раз выше смертность в цветущих мужских возрастах, чем в Евросоюзе. Поэтому я предлагаю нацпроект «Мужчины».

Но здесь вопрос в другом. Мы женщину ставим в совершенно невыносимую ситуацию, говоря «женщина хочет, женщина не хочет рожать», как будто нет общества, нет мужчины. У русских уже 1200 лет существует фиксированная, чёткая государственность, и мы должны заставить её работать, а не сводить всё к женщине и её психологии.

Сергей ЧЕСНОКОВ:

— Возникает некоторая внутренняя полемика между докладами, касающаяся вопроса роли женщин, и это очень интересно. Я думаю, что нельзя женщину исключить из демографии. Юрий Васильевич озвучил провокационный тезис, что «все должны решать мужчины». Я с этим абсолютно согласен. Но, к сожалению, мы всё-таки живём не в безвоздушном пространстве, а в современной исторической ситуации. Чтобы прийти к такому порядку вещей, где роль мужчины будет очень высокой, нужно выйти из той реальности, в которой женщина решает вопрос с материнством — сохранять ребёнка или не сохранять. И как раз современные мужчины, которым во многом феминизированы, не дают женщине этой возможности органического материнства. Получается, что и общество в целом не даёт времени для материнства.

Женщина вынуждена бежать вслед за мужчинами, по тому же треку, как белка в колесе, и в этом треке нет времени для ребёнка, для беременности. Мне кажется, если мы не решим эту проблему, не произойдёт осознания, всё останется как есть.

Сергей БАТЧИКОВ:

— Был такой аналитик Маркетти, который изучал жизнь творческих людей. Маркетти по ординате откладывал годы жизни, а по другой оси — суммарный результат творческой деятельности. И выяснилось, что жизнь описывается логистической кривой. Сперва рождение, юношество, потом идёт по экспоненте творческий взлёт, и потом выход на плато. После выхода на плато 80–90% писателей исписались, творцы израсходовались и ищут биологической смерти. Потому что жить без творчества, без этого удивительного состояния, невозможно. Евгений Сергеевич Дорн

у Чехова сказал: я прожил замечательную, интересную жизнь, но всю бы её, без остатка, я отдал бы за несколько минут истинного творческого вдохновения.

Итак, после выхода на плато идёт поиск биологической смерти, а потом только 10–15% творческих людей вновь творчески поднимаются, и на графике им рисуют новый горб.

А потом в Институте сложности Санта-Фе Сергей Петрович Капица делал доклад по поводу демографии всего человечества. Миллион лет, как в молодом возрасте, население колебалось в пределах 100–200 тысяч. Потом люди вышли за природные ограничения, началось творчество, и пошла экспонента. И, как сказал Капица, уже 60 лет как человечество выходит на плато в плане своей численности. Если допустить, что у человечества в целом всё как у творческого человека, то мы подошли к критической точке. Или мы нарисуем новый горб — через творческий порыв, религию труда — или мы как биологический вид должны исчезнуть.

Юрий КРУПНОВ:

— В своё время мы были страной победившего социализма и двинули всё человечество вперёд (кто бы что ни говорил), теперь у нас есть возможность стать страной демографического обществизма (не стану употреблять слово «социализм»). Решая «эгоистически» свою национальную ситуацию, мы должны фактически рассматривать это как общечеловеческое дело. В этом плане в комиссии по делам семьи и детства в патриархии есть замечательная инициатива «Конвенция о защите семьи». Эту идею выдвинула Инга Юмашева ещё будучи депутатом. Де-факто было предложено мировому сообществу: вынести проблему семьи вообще и семьи с детьми на «всеобщий трибунал человеческого духа», как говорил Чаадаев. Это, на мой взгляд, удивительная вещь, не стоящая ни копейки, но она Россию за 50 минут делает лидером человечества.

Семинар 3.

Евгений САВЧЕНКО.

**Усадебный образ жизни –
ключ к решению**

Евгений САВЧЕНКО,
*экс-губернатор Белгородской
области, доктор экономических
наук:*

— Тема демографии в течение трёх часов поднялась на такой уровень, что мне придётся приложить максимум усилий, чтобы этот уровень полемики и квалифицированного обсуждения хотя бы сохранить.

Основной вызов России — это депопуляция населения. Каковы причины? Есть общемировой тренд — общемировая депопуляция — не во всех странах, но в целом уже в странах с высоким уровнем жизни, к которому Россия тоже приближается. Но в России есть, на мой взгляд, чисто наши, российские причины убывания населения. Их много, но я перечислю только некоторые из них.

Прежде всего, это неприемлемая, несправедливая модель экономики. Она вроде бы рыночная, и мы идем по пути капитализма, но в чем заключается несправедливость? В распределении вновь созданного богатства, валового внутреннего продукта. Если мы посмотрим на структуру его распределения, то 40–42% — это заработная плата, 30–35% — налоги, остальное — это прибыль, которая составляет примерно столько же, сколько и заработная плата. В странах с развитой рыночной экономикой доля заработной платы 60–65% и даже чуть-чуть выше в некоторых странах, в частности, в Скандинавских. По этой причине у нас практически отсутствует средний

класс, он составляет очень и очень незначительную долю населения.

Вторая причина — избыточная урбанизация. Я не хочу противопоставлять одну урбанизацию другой урбанизации: у нас есть многоэтажное строительство, и есть сельское. Я глубоко убежден, что средняя российская семья должна иметь квартиру в городе и обязательно должна иметь усадебный дом. Не коттедж на 4–5 сотках, а дом, предполагающий выделение земельного участка до 1 гектара, не менее 25 соток. Вот это и есть усадьба.

Я назвал нашу урбанизацию избыточной. Как она влияет на чадородие? Очень просто. Вот такая статистика: в Москве и Московской области 40% женщин детородного возраста до 40 лет не имеют детей. Вот следствия избыточной урбанизации.

Следующая причина — запретельная закредитованность населения. Причем населения молодого, которое находится в детородном возрасте. Ежесуточные платежи только по процентам, представьте себе, составляют в среднем 5–6 миллиардов рублей. Конечно же, это влияет на рождаемость, и не только на неё.

Далее, на мой взгляд, у нас ещё в советские годы начался какой-то мелкотравчатый патернализм. Мы всё время придумываем какие-то льготы; все эти мелкие подачки — они развращают, убивают волю. Они переводят население в режим ожидания еще какого-то чуда: «барин должен мне дать, а я спокоен, мне ничего не надо». Это ложное

чувство хорошего государства убивает инициативу и пассионарность нации. Отсюда у нас нравственная деградация, отсюда у нас развал института семьи, отсюда разводы где-то на уровне 70–75%, отсюда у нас и пьянство, и наркомания, и преступность, и так далее. Демографию надо понимать не только как численность «поголовья», извините за животноводческий сленг. Демография — это количество полноценных, доброкачественных в физическом, духовном и нравственном отношении людей в восемнадцатилетнем возрасте, которые вступают в жизнь. Вот так мы должны смотреть на демографию. То есть это не только количество, но и качество.

Каков прогноз при сохранении существующих демографических тенденций? Через три поколения, это около 100 лет, численность населения Российской Федерации не превысит 60 миллионов человек. Численность государствообразующего русского народа снизится при этом больше всего. Она составит примерно 25 миллионов человек, то есть меньше половины, со всеми вытекающими последствиями. Какие будут последствия? Палестина и Сирия нам покажутся цветочками.

Напрашивается вывод: существующие монетарные меры и государственная поддержка рождаемости в сложившейся градостроительной, расселенческой политике являются недостаточными. Что нужно? Нужна среда. Нужен смысл, нужно общее дело, вовлечённость в какой-то всеобщий, как сказал

Александр Андреевич Проханов, захватывающий, объединяющий, вдохновляющий проект. Без общего дела мы не находим себе применения. Только общее дело должно принести нам творческое удовлетворение, то есть нужен национальный проект, дающий смысл существования каждому. Или, как сказал наш космист Фёдоров, жить нужно не для себя, и не для других, а со всеми и для всех.

Что спасёт, на мой взгляд (рисунок 9), Россию от вымирания?

Первое — это усадебный дом для 10–12, а лучше 15 миллионов молодых семей. Но такого демографического материала у нас сегодня нет. Если мы сегодня станем искать 12 миллионов семей до 35-летнего возраста, мы их не найдём. А вот до 40 лет — найдём. Их и надо вовлечь в этот проект усадебного домостроительства.

Второе: нужно родительское пособие в размере 50 тысяч рублей в месяц по формуле трёх троек: начиная с трёхмесячного срока беременности, с третьего ребёнка и в течение трёх лет. То есть обнулить сегодняшние материнские капиталы и прочее, а платить 50 тысяч рублей в месяц за третьего, четвертого, пятого и так далее. Что такое 50 тысяч рублей в месяц? В течение трёх лет, начиная с трёх месяцев беременности и до исполнения двух с половиной лет ребёнку, это 1 миллион 800 тысяч рублей. То есть не 500–600 тысяч рублей материнского капитала, а значительно больше, — но начиная с третьего ребёнка.

Третье: для Сибири, Дальнего Востока, для малонаселённых территорий нужна компенсация четверти стоимости усадебного кредита за каждого ребёнка начиная со второго. (Или с третьего, это уже вопрос конкретной дискуссии для каждой территории.) Родился второй ребёнок — 25% идет на погашение кредита. Родился третий — еще 25%. Пятеро детей в семье — кредит, взятый на строительство усадебного дома, обнуляется.

1. Усадебный дом для десяти миллионов молодых семей

в течение 2025–2040 гг.

2. Родительское пособие в размере 50 тыс. руб.

в месяц начиная с 3-месячной беременности и до 2,5 года (1,8 млн руб. на ребёнка)

3. Для Сибири, Дальнего Востока и малонаселённых территорий

компенсация 25% стоимости усадебного кредита за каждого ребёнка начиная со второго

4. Предоставление льготного кредита

для организации семейного предприятия

5. Обнуление процентных ставок на взятые ранее кредиты

для вовлечённых в проект лиц и участников

Рисунок 9.

Что спасёт Россию от вымирания

Четвёртое, что очень важно, — предоставление льготного кредита для организации семейного предприятия. То есть мы дали людям возможность построиться, но мы должны дать им ещё и кредит для того, чтобы они организовали какое-то своё дело, если в нём есть потребность.

И пятое. Для всех, кого мы сагитировали, вовлекли, кто с энтузиазмом пошёл в этот проект, мы долж-

ны обнулить процентные ставки на взятые ранее кредиты. Сегодня для участников СВО, насколько я понимаю, на кредиты, которые они взяли, процентные ставки обнуляются. Это очень хорошее дело. Но те, кто вошёл в наш проект, — это тоже защитники Отечества. Те, кто решил строиться, кто решил осчастливить нашу страну, спасти её от вымирания. Если, допустим, молодая семья вошла в этот проект и у них кре-

1. Финансирование до 10 млн руб. на усадьбу

2. Обеспечение земель до 1 га на усадьбу

3. Обеспечение инфраструктурой инженерной, социальной

Рисунок 10.

Три проблемы успешного усадебного строительства

дит, условно говоря, 5 миллионов рублей на потребительские нужды или на ипотеку под 10 или 15%, эта процентная ставка обнуляется.

Для успешного усадебного строительства необходимо решить три проблемы (рисунок 10). Прежде всего, финансирование. От 10 до 15 миллионов рублей на усадьбу — столько нужно, чтобы молодая семья могла построить себе тот дом, который она замыслила. Далее обеспечение земель до одного гектара, но минимум, как я уже говорил, 0,25 гектара. Далее — это обеспечение инфраструктурой, как инженерной, так и социальной.

Основной вопрос здесь не только финансовый, он имеет ещё и глубокую смысловую нагрузку. Если мы на 10 миллионов человек возьмем по 10 миллионов рублей на каждого, это 100 триллионов рублей в течение 15 лет. То есть на каждый год только на предоставление кредита требуется около 7 триллионов рублей. Можно сказать, что их должно дать государство. Но я противник того, чтобы государство или банки давали деньги на проект финансирования и индивидуального строительства жилья.

Возникает вопрос: кто должен быть субъектом? Давайте поразмыш-

ляем. Вот Юрий Васильевич Крупнов говорит: мы сегодня не видим выхода для решения демографической проблемы. И мы с ним в целом соглашаемся. Но кто у нас высший источник власти? Народ. Проблема прекратить вымирание народа — это чья проблема? Да, государства. Но государство, как мы видим, принимает колоссальные меры, и они не работают. Значит, у народа должен сработать инстинкт самосохранения, и он должен сказать: хватит, мы что-то должны сделать такое русское, нестандартное! Это наш стиль управления — сначала бардак, а потом русский стиль, русский дух... Мы должны продемонстрировать русский стиль управления и найти оригинальное решение.

Оно, как я думаю, заключается в следующем. Все мы, россияне, соглашаемся, что от каждой финансовой транзакции мы отчисляем, скажем, 0,1 процента. Много это или мало? К примеру, я с приятелем пообедал за пять тысяч рублей. Если бы мы перечислили 0,1% в подобный фонд, это было бы 5 рублей. С 1 тысячи — 1 рубль. 0,1% — это микроскопическое отчисление. Пенсионер у нас получает, скажем, 300 тысяч рублей в год, значит, и он, как участник этого проекта, который должен захватить все население, отчисляет 300 рублей в год.

У меня есть чёткие расчёты, я взял все наши финансовые транзакции, по данным Центрального банка, и подсчитал, что 0,1% от физических и юридических лиц (на 95% это юридические лица) — это 3,5 трлн рублей в год. 0,2% — 7 трлн рублей в год, 0,3% — 10 трлн рублей в год. Так мы создаём фонд, своеобразную общенародную кассу взаимопомощи для 10 миллионов молодых семей, спасающих Россию от вымирания (рисунок 11).

Есть два способа решения жилищной проблемы. Вся Европа решала жилищную проблему, и она сейчас проживает в коттеджах, в хороших домах. Каким образом это осуществилось? Никакой ипотеки

Организация общенародного фонда
«Усадьба защитника Отечества»

Источник финансирования фонда:

комиссия от каждой финансовой
транзакции:

- 0,1% (1 руб. с 1000 руб.) – 3,5 трлн в год
- 0,2% (2 руб. с 1000 руб.) – 7,0 трлн в год

Вывод:
фонд — это
своеобразная
общенародная
касса
взаимопомощи
для молодых
семей, спасающих
Россию
от вымирания

Рисунок 11.

Предложение по финансированию усадебного жилья в РФ

не было. Люди организовали строительно-сберегательные кооперативы, ССК. Смысл их заключается в следующем: вот есть коллектив, 10 человек; все мы хотим себе построить дом, мы объединились, консолидировали своё финансовое участие, далее — своё трудовое участие: один хороший каменщик, другой хороший плотник, сантехник, отделочник и т.п. И в течение пяти лет мы строим для себя дома. Кого-то привлекаем со стороны. Если у нас не хватает денег, мы идём в банк и занимаем под два, максимум под три процента, как это в Европе было, но не под 10–15% или ещё больше. Вот как Европа решала эту проблему. А мы фактически тоже создаём сегодня строительный сберегательный общенародный кооператив. И здесь народ выступает субъектом, а 10 миллионов семей, которые вовлекаются в проект, — это юридические объекты.

По какому пути мы пошли в решении жилищной проблемы в 90-е годы? По американскому — ипотека. Но американская ипотека — это 2–3% годовых, а у нас она ниже 7%, по-моему, даже в лучшие годы не опускалась. Это, во-первых. Во-вторых, мы ввели ипотеку только под многоэтажное строительство. То есть нанесли по демографии двойной удар. Первое — высокой процентной ставкой, второе — загнали большинство в человеиники.

Каждая семья в детородном возрасте, которая согласилась участвовать в проекте, становится участником своеобразного общественного договора. Может быть, незримого, может быть, даже и формализованного, миссия которого заключается в том, чтобы спасти Россию от вымирания. Я участник этого проекта, и у меня в сознание уже заложена эта миссия. То есть здесь возникает ещё и духовный — не религиозный, как говорил Юрий Васильевич, — а духовный аспект.

Каковы условия усадебного кредитования? Очень важно, что кредит выдаётся застройщику, то есть

1. Кредит выдаётся застройщику

застройщик самостоятельно определяет способ строительства: хозспособ, подряд, смешанный

2. Размер кредита:

- а) для малонаселённых районов — до 12 млн. руб.
- б) для прочих территорий — до 8 млн. руб.

3. Размер процентной ставки:

- а) для малонаселённых районов — до 1%
- б) для прочих территорий — до 5%

4. Срок предоставления кредита

- а) для малонаселённых районов — до 30 лет
- б) для прочих территорий — до 20 лет

5. Широкое применение цифровых технологий

включая цифровой рубль, для всех участников усадебного строительства

Вывод:
дифференцированный подход кредитования жилья стимулирует приток населения в малонаселённые районы

Рисунок 12.

Условия усадебного кредитования

молодой семье, участнику проекта, и она самостоятельно принимает решение, выбирая способ строительства. Может быть, они захотят завести хозяйство или объединиться в кооператив из 5–10 таких же семей. Может быть, воспользуются смешанным способом, подрядным или, в конце концов, могут приобрести готовый дом (рисунок 12).

Когда мы на Белгородчине начали массово представлять возможность осуществлять этот проект индивидуального строительства, мы пошли на то, чтобы люди строились именно сами. Когда человек строится сам, он ночи не спит, обдумывает проект, сколько у него комнат, какие архитектурные и технические решения и т.п. Это целый творческий процесс, в который он вовлечён. Вот эта вовлечённость, эта ночная бессонница много значит в метафизическом плане. Поэтому ни в коем случае не нужно «облагодетельствования» — вот тебе дом, который стоит условно 10 миллионов рублей. Человек должен сам распорядиться этими

средствами и сам сотворить себе усадебное пространство.

Далее — о размере кредита. Здесь очень важен дифференцированный подход. Для малонаселённых районов размер кредита может быть 12, даже 15 миллионов рублей, для прочих территорий он должен быть ниже. Срок предоставления кредита для малонаселённых районов — до 30, а то и до 50 лет, а для прочих территорий — 10 или 20 лет. Почему? Потому что нужно стимулировать расселение людей по бесконечным просторам России. Размер процентной ставки для малонаселённых районов, допустим, для Сибири и Дальнего Востока, может быть вообще нулевой; для, к примеру, Подмоскovie — 5–8% опять-таки, чтобы стимулировать расселение: туда, где есть льготы, многие захотят переехать.

Вывод здесь такой: дифференцированный подход к кредитованию жилья стимулирует приток населения в малонаселённые районы. Это важно с геополитической, со стра-

Мобилизация

земельных ресурсов федеральной, региональной и муниципальной собственности для передачи их фонду

Изъятие (при необходимости)

частной земли, пригодной для усадебной застройки, для государственных нужд на возмездной основе

Рисунок 13.

Решение земельного вопроса

тегической точки зрения для нашей страны. Далее: предположим, мы собрали эти деньги, но первое, что у нас обычно происходит, — обязательно их разворовать. Для чего сегодня закон приняли о цифровом рубле? Для того чтобы контролировать деньги. Если мы весь этот общенародный строительный кооператив переведём на цифровой контроль, всегда можно за руку поймать того, кто злоупотребил умышленно или неумышленно, выяснить, кого обманули, и так далее. То есть технологии для этого есть.

Теперь о решении земельного вопроса (рисунок 13). Это просто,

мы это в Белгородской области сделали: мобилизация земельных ресурсов, федеральной, региональной, муниципальной собственности для передачи их фонду, который мы организовали. Кстати, фонд этот, наверное, можно назвать «фонд защитников Отечества», в том числе, и в прямом смысле: землю надо в первую очередь давать тем, кто сегодня отстаивает нашу свободу и суверенитет на полях Украины. Для тех, кто сегодня куёт наш оборонительный щит на заводах, выпуская оружие, и особенно для тех, кто сегодня приходит с СВО. Мы можем сейчас идти по пути создания

бесконечных реабилитационных центров. Действительно, там есть люди в психологическом отношении очень и очень сложные. Но мне кажется, если вовлечь их в усадебное строительство, — это лучший способ реабилитации. Дом, земля, семья — вот что лучше всего лечит человека с психологической точки зрения.

Если земли нам не хватает, мы можем договориться о мене земли или, в конце концов, изъять у частных земель, пригодные для усадебной застройки, для государственных нужд на возмездной основе. Ничего страшного в этом нет.

Но я бы сюда добавил ещё один пункт. Давайте посмотрим на Рублёвку. Она вся в лесу. Это хорошо для тех, кто там живёт. Мы с вами, уважаемые коллеги, недавно были в Вологодской области. Подлетаешь на самолёте и видишь лес, уже рваный, в кусках... Это Гослесфонд. Что мы потеряем, если выделим участнику проекта полгектара — гектар лесных угодий, подведем туда все удобства, инженерную инфраструктуру, дороги под индивидуальное жилищное строительство. Условно говоря, я молодой человек, участник этого проекта, мне дали один гектар и сказали: вот тебе 15 соток или 20 соток, где ты построишь себе дом, хозяйственные постройки, огород, баню, ещё что-то. А 80 соток земли — это лес. Мы его оцифровали, каждое дерево, составили план лесоустройства. Тут надо добавить такие-то породы деревьев, ты обязательно это посади, и по мере их созревания мы будем приезжать и нежным методом их изымать. Так мы и лес сохраним, и люди, и дети наши будут жить и расти в здоровой, экологически чистой обстановке.

Я как-то летел над Скандинавскими странами — там все дома стоят в лесу. И там, наверное, тоже есть Гослесфонд. Вот и нам не надо из земель Гослесфонда делать священную корову. Надо установить правила его использования, в том числе и при индивидуальном строительстве.

1. Электроснабжение, газоснабжение, ШПД к интернету

За счёт инвестиционной составляющей в тарифе ресурсоснабжающей организации

2. Водоснабжение и водоотведение

Средства застройщика

3. Дороги, подъезды, социальная инфраструктура

Бюджетные средства

Рисунок 14.

Финансирование инфраструктуры

Следующий вопрос — финансирование инфраструктуры (рисунк 14). Электроснабжение, газоснабжение, широкополосный интернет — это всё финансируется за счёт инвестиционной составляющей в тарифе ресурсоснабжающей организации, как было сделано у нас в Белгородской области. В начале нулевых годов мы решили, что создаём агломерацию вокруг городов Белгорода, Старого Оскола, Шебекино и так далее. Мы приглашаем в правительство области нашу компанию Белгородэнерго и говорим: у тебя есть инвестиционная составляющая. В течение 10 лет мы создаём вокруг Белгорода 50 новых энергопотребителей, то есть усадебных застройщиков. Через месяц представитель компании приходит и говорит: мне надо вот тут 10 подстанций трансформаторных поставить, там ещё какие-то линии высокого напряжения, здесь среднего напряжения, и стоит вот это, условно говоря, 2 или 3 миллиарда рублей. У компании есть для этого деньги, её интерес в том, что она получает дополнительно 50 тысяч потребителей, на которых будет зарабатывать завтра. Никаких проблем не возникло, никакого давления с нашей стороны не было. Они это делали с удовольствием.

Водоснабжение и водоотведение — это проблема, которая может быть решена и централизованно, и децентрализованно, и индивидуально, за счёт средств застройщика. В нашей области это в то время стоило от 150 до 200 тысяч рублей; сейчас, наверное, уже 500–600 тысяч рублей. Дороги, подъезды, социальная инфраструктура, школы, детские сады и так далее — это делается на бюджетные средства. Что касается коммерческих объектов: торговых центров, заправок станций, сервисных центров и т. п., — когда мы начали обустройство агломераций, инвесторы выстроились в очередь.

Каким видится масштаб проекта? Первые 7–10 лет, если мы

1. Производство органической продукции

2. Участие в одно-, двух-, трёхуровневых кооперативах

3. Оказание рекреационных услуг

4. Фриланс, бюджетная сфера и т.д.

Рисунок 15.
Занятость в усадьбах

принимаем указом президента комиссию 0,2% за каждую финансовую транзакцию, мы получим примерно 700 тысяч усадеб в год. Каждая усадьба минимум по 150 квадратных метров — это 100 миллионов квадратных метров. В последние годы, когда деньги начнут возвращаться в ранее выведенные кредиты, можно выйти на миллион усадеб в год, то есть примерно на 150 миллионов метров квадратных в год. Я подсчитал, что размер активов народного «фонда защитников Отечества» к 2050 году, то есть за 25 лет, с учётом компенсации стоимости жилья и компенсации безвозмездной родительской платы составит около 100 триллионов рублей в ценах 2024 года. А эти 50 триллионов рублей пойдут на то, чтобы выплачивать по 50 тысяч рублей в месяц, и за третьего, четвертого, пятого ребенка компенсировать по 25% стоимости выданного кредита.

Далее — о занятости в усадьбах (рисунок 15). Чем люди занимались, тем и будут заниматься, плюс про-

изводство органической продукции, участие в различных кооперативах, оказание рекреационных услуг, фриланс, в конце концов. У нас, наверное, процентов сорок всех занятых будут работать в удалённом режиме в самое ближайшее время. И ещё, на мой взгляд, важно принять закон, который разрешил бы захоронение домочадцев на территории усадьбы. Тогда у нас усадьба автоматически превращается в родовое поместье. Лет 25 назад я был в Швейцарии, остановился в горном селе; там стоят прекрасные усадебные дома, и у каждого дома захоронение. Смотрю даты — «такой-то родился в 1700 году». Это уже родовое поместье. Его никто не продаст. Я понимаю, что это не обязательно, но стоит дать такую возможность.

Демографический прогноз, по моим подсчётам, таков (рисунок 16). Если мы рождаемся в Сибири, на Дальнем Востоке, где будет максимальная финансовая поддержка и вовлечённость, на каждую семью придется четверо-пятеро детей. Рож-

Родаемость в Сибири, Дальнем Востоке, малонаселённых территориях

≈ 4–5 детей

Рождаемость в прочих территориях — участников проекта

≈ 3–4 детей

Рождаемость неучастников проекта

≈ 2–3 ребёнка

Численность населения в 2120 году составит:
варианты: — пессимистический — 220 млн
— оптимистический — 270 млн

Рисунок 16.
Демографический прогноз

даемость на прочих территориях — три-четыре ребенка, рождаемость у неучастников проекта — два-три ребенка. Тогда численность населения у нас к 2120 году составит: вариант пессимистический — 220 миллионов, оптимистический — 270. В среднем будет где-то 250 миллионов, что и требуется для того, чтобы Россия стала Домом.

Что такое Дом? **Духовный оплот мира.** К этому времени появится то мировоззрение, о котором говорил Александр Андреевич, всепоглощающая, вдохновляющая и примиряющая идея. Эта идея, вера в Бога, обязательно восторжествует, и Россия станет домом для всего мира, духовным оплотом мира.

И последний вывод, который напрашивается. Предложенный проект усадьбизации России по своей значимости — исторической, геополитической, экономической, социальной, градостроительной, расселенческой, духовно-нравственной — не имеет аналогов в истории России. Если российский народ с помощью верховной власти — президента запустит этот вот проект, то через 10 лет, а может быть, и раньше мы Россию не узнаем.

Сергей ЧЕСНОКОВ:

— Вы упомянули про общественный договор. Как в вашем видении должен произойти общественный договор по этому вопросу? Как организовать процесс его заключения и перезаключения?

Евгений САВЧЕНКО:

— А как идея овладевает массами? Или как масса вовлекается в идею? Это, мне кажется, еще Ленин описал. Слово, сказанное с самого верха, а потом пронизанное четкой исполнительской дисциплиной реализации этого проекта. Я человек проекта, я всю жизнь занимался проектами. Я не люблю умозрительные конструкции. А что такое проект? Это четкое видение проблемы, ресурсной базы, четкое понимание мероприятий, из которых проект состоит, это время и исполнители. Если всё это расписано, происходит чудо. Как говорят итальянцы, чудо не бывает, бывают хорошо организованные мероприятия. Чудо, если оно хорошо организовано, обязательно произойдет. Это должна быть четкая, понятная, расписанная во времени

и пространстве организация работы, включая агитационно-массовую работу.

Сергей БАТЧИКОВ:

— У Евгения Степановича слова имеют очень сильный вес, даже больший, чем у первых выступающих, потому что он выдающийся практик и имеет огромный опыт, и тут действительно описаны инструментарий, институции, проектные решения проблемы демографии. Но мне кажется, что тут у нас оказалось две линии. Религиозная, теоретическая — как говорил Иосиф Виссарионович, без теории нам смерть — и практическая, а практика всё-таки прикладывается к теории. Сначала надо понять причины демографической убыли и то, как их решать. Сначала анализ, потом синтез и выводы.

Я считаю, что в рамках капиталистической идеологии такой инструментарий (поддержка беременных женщин, поддержка мужского населения и т.д.) мы бы не придумали. Поклонение Золотому тельцу — это тоже своего рода религия. Если Александр Андреевич говорит про религию труда, то у нас сейчас доминирует религия прибыли, Золотого тельца. Что бы вы ни хотели, какую бы пропаганду ни включали, всё равно в рамках глобальной системы, ориентированной на прибыль, решить эти задачи нельзя.

В своей статье 2008 года «Творцы и черви» в газете «Завтра» я этот вопрос затронул. Если мы ориентируемся на творцов, на религию труда, тогда мы нарисует новый горб. А какие бы усадьбы мы ни создавали, нового горба мы в рамках религии Золотого тельца не нарисует.

Евгений САВЧЕНКО:

— Сергей Анатольевич, указ президента номер 809 — это про капитализм? Про какой общественный строй? Там вообще идет речь о форме? Один из приматов духовных

ценностей — примат духовного над материальным. Прекрасную работу написали Вардан Эрнестович Багдасарян вместе с отцом Сильвестром и профессором Иерусалимским. Это разве про капитализм? Уже есть указ президента, который должен работать.

Сергей БАТЧИКОВ:

— Да, сегодня Владимир Владимирович признал, что он бы не хотел вернуться к прежнему курсу. Но я, честно говоря, до сих пор не слышу, чтобы хотя бы мелкими шажками, очень робко президент признал, что весь наш путь, даже в его **22-летнее президентство**, был ошибочным. А ведь это чистый капитализм, либеральный.

Евгений САВЧЕНКО:

— Он смело сказал, что капитализм — это не наш путь. Вернее, что капитализм себя изжил. Плюс 809-й указ.

Юрий КРУПНОВ:

— Основной вопрос — чем люди будут заниматься в этих усадьбах? От родовой истории вплоть до своего кладбища — это какой-то совершенно новый образ жизни, это даже себе представить очень сложно. Плюс дети вырастают; выучатся, условно, на балерину, переедут в Москву, у них будет квартира в Москве, может, даже не одна... Все равно не очень понятно, чем в основном будет заниматься семья.

Евгений САВЧЕНКО:

— В рамках этого проекта параллельно должна быть реализована масса других проектов. К примеру, один из них: в нашей стране сегодня практически исчезла отрасль льноводства. Для получения 500 тысяч тонн льноволокна надо 500 тысяч гектаров засеять льном. В этом проекте должны быть задействованы сотни тысяч людей. В соответствии

с программой продовольственной безопасности нам надо произвести 7 миллионов тонн молока. Это тоже десятки тысяч людей. Органическое производство.

Наконец, работа на дистанции. К примеру, китайцы сказали, что у них 70% в трудоспособном возрасте к 2035 году будут работать в удаленном режиме.

Юрий КРУПНОВ:

— То есть мы идем в целом по линии сельского хозяйства?

Евгений САВЧЕНКО:

— Да почему только сельское хозяйство? Есть город Череповец. Мы там были. Есть Северсталь. Там вокруг каждого предприятия ФИАТ организуются тысячи маленьких инновационных предприятий. Это так называемый промышленный пояс. Нам только позвать и сказать: слушай, ну у тебя все есть уже, и это есть, и яхта, и прочее. Организуй инновационный промышленный пояс, в том же Череповце, в Кировской области, где ФосАгро присутствуют, — и всё они сделают.

Юрий КРУПНОВ:

— Я полностью согласен, но здесь вопрос о том, чтобы заставить ФосАгро. Мне кажется, на это нужно не меньше, а, возможно, больше усилий, чем строиться.

Евгений САВЧЕНКО:

— Нет, там прекрасные ребята работают...

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Я задам два вопроса, один очень короткий, очень простой. Просто поясните, может быть, не все знают это, вы же реализовали проект усадебной урбанизации в Белгороде. А какие были цифры демографии в Белгородской области при вас?

Евгений САВЧЕНКО:

— За время моего пребывания главой региона при общем падении рождаемости во всей коренной России, не считая Москвы и Московской области, было два региона с растущим населением — Белгородская область и Калининградская область. Да, значительная доля в этом приросте была за счёт внешней миграции, но и за счёт рождаемости тоже. Я не ставил себе эту задачу в то время, тогда у нас рождаемость в целом по стране стала превышать смертность. Это был период конца нулевых — начала десятых годов. Вот такой всплеск был. И тогда мы о демографии вообще не говорили. Население росло, и я не ставил так вопрос: вы, мол, должны рожать, вы участники проекта. Моя задача была в том, чтобы людям предоставить жилье, чтобы у них была квартира в Белгороде и хороший дом в 15 — максимум в 20 минутах езды от центра Белгорода. И каждый строил дом сам. Мы предоставили землю бесплатно, сделали всю инженерную инфраструктуру, дороги, школы, а каждый себе построил дом. Едешь и любишь: насколько люди, когда они строят себе сами, делают это с выдумкой, с фантазией, с какой-то ответственностью.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Второй вопрос, наверное, обращён ко всем. Я не прошу, чтобы каждый из докладчиков на него ответил, но, может быть, что-то добавите. Это очень сложный вопрос. Сегодня говорили о концепции демографического перехода, и мне интересно, как вы к ней относитесь. У этой концепции есть своё метафизическое ядро, есть социологическое ядро. Может быть, это просто гипотеза. Но всё-таки, есть ли за этим какая-то правда, кроме чисто эмпирических наблюдений? Демографический переход — это закономерность упадка, связанного с развитием общества, с переходом к высокой индустрии,

к созданию зажиточного среднего класса и так далее. Насколько эта концепция жизненна, насколько она научна, насколько она, на ваш взгляд, связана с коренными историческими процессами?

Евгений САВЧЕНКО:

— Каждое явление, каждое событие имеет и духовную, и материальную составляющую. Это мы разделили мир на духовный и материальный. Он един, деления нет. Мы как-то с Александром Андреевичем вели разговор об управлении. Что такое управление? Это значит управлять энергией — энергией масс, энергией духа. Мир — это борьба добра и зла. Почему сегодня мир находится в таком состоянии? Потому что зло побеждает добро, потому что оно доминирует. А если мы станем духовным домом, оплотом мира, то у нас и демография пойдёт, и экономика пойдёт, и враги наши куда-то исчезнут, и к нам будут все ехать, все захотят жить в России. Надо эту энергию поймать и распространять её мелкими шагами, и всё у нас наладится.

О Бестужеве-Ладе я тоже хотел сказать два слова. У него есть чёткий прогноз, не демографический, он же был не только демографом, не только социологом, но ещё и мощным экологом. И он рассчитал, что на Земле должно жить 900 миллионов человек — по материальным стандартам европейского уровня потребления. Это соответствует тому, что вообще Земля может воспроизвести, потому что мы-то сегодня живём в долг будущих поколений.

Сергей БАТЧИКОВ:

— Я читал такой прогноз: в конце XIX века английский учёный посчитал, что если будет экстраполировано развиваться гужевой транспорт, то весь Лондон будет покрыт полутораметровым слоем навоза. Это было математически доказано. Но придумали двигатель внутреннего сгорания, и всё изменилось.

Евгений САВЧЕНКО:

— Вы знаете теорию Мальтуса «Убывающее плодородие»? Практически и теоретически эту теорию через 150 лет опроверг Терентий Семёнович Мальцев. Он доказал своим практическим опытом, что при хорошем обращении с землёй она увеличивает своё естественное плодородие.

Сергей БАТЧИКОВ:

— Более того, я могу сказать, почему урбанизация и вообще этот, так сказать, объективный процесс экономически обусловлен. Потому что сейчас 3–4% населения, живущего или работающего в аграрном секторе, может обеспечить не только своё население, а ещё и население соседних стран, как это всегда делали американцы.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Вам совместно удалось ответить на мой вопрос, ведь примеры лондонского навоза и Мальтуса очень красноречиво показывают, что теория демографического перехода — из этого же разряда.

Вардан БАГДАСАРЯН:

— В отношении теории демографического перехода надо, наверное, пояснить: этот концепт, сформулированный в начале XX века Ландри, получил популярность в 20-е годы и казался незыблемым. Суть его такова: продолжительность жизни объективно будет расти, а рождаемость будет объективно падать, и никуда от этого не уйти, и никаких шансов это изменить нет. Но уже в 30-е годы эта концепция была посрамлена так называемым сталинским демографическим чудом. Она была также посрамлена в нацистской Германии. О концепции демографического перехода забыли на н-ное время и потом где-то в 60–70-е годы вспомнили под обоснование начавшихся новых

процессов. Но новые процессы были в значительной степени управляемы. Концепция планирования семьи внедрялась едва ли не во всех странах. У нас в 90-е годы была федеральная программа планирования семьи. Это сегодня мы ставим вопрос о подъёме рождаемости, а тогда ставили вопрос о разумном количестве детей и о том, что не имеющим соответствующих средств не надо иметь детей. И в этом отношении, когда мы ставим задачу выхода из демографического кризиса, — концепция демографического перехода деструктивна, вредна. Она подписывает нам некий приговор.

Павел ЛЕЩЕНКО:

— По вопросу демографического перехода я бы хотел сказать, что это действительно локальная концепция; на мой взгляд, их несколько сейчас выделяют в западной литературе и, что любопытно, приводят совершенно разные обоснования. И глядя ретроспективно, можно сказать, что так называемый первый демографический переход, о котором пишут, можно назвать индустриальным определённым социальным переходом — или социальной трансформацией, — который не имел общеобязательной силы, но имел чёткую мотивацию. Потому что период ускорения индустриального роста это был период жесточайшей борьбы между державами, и сокращение рождаемости было определённым ресурсом, который за счёт будущих поколений позволял оптимизировать потоки капитала.

Что же касается так называемого второго демографического перехода и третьего перехода, о которых сейчас особенно много пишут на Западе, то там в обоснование предполагают некую тотальность процесса культурной глобализации и вестернизации мира. То есть никакого другого обоснования, кроме того, что всё человечество неизбежно повторяет западный путь развития, у них нет, и это подаётся совершенно откровенно.

Семинар 4.

Протоиерей Владимир ВАСИЛИК. *Аборт в России. Параллели с политикой нацистов*

Александр ПРОХАНОВ:

— Само описание, сама классификация убывания, вымирания русского народа сделана уже многократно. Уже произнесены все смертные приговоры русскому народу, а также все притчи о его воскрешении из мёртвых. Но тем не менее русский народ продолжает стремительно убывать. Вот я смотрю на моих молодых друзей и близких: браки не заключаются, дети не рождаются, время проходит, стремительно убывает русский народ и русское сообщество. Мы ищем причины этого и пытаемся отыскать выход либо в создании поселений

нового типа, либо в поисках новой материальной базы для семей, либо в создании нового духовного климата, либо в избытии в русском человеке комплекса неполноценности, полученного им после 1993 года. Но, может, есть какая-то ещё глубинная, таинственная причина?

Первым докладчиком будет многоуважаемый отец Владимир Василик.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Отец Владимир недавно вступил в постоянные члены Изборского клуба. Давайте его поздравим!

Протоиерей Владимир ВАСИЛИК,
доктор исторических наук:

— Сердечно приветствую вас из Санкт-Петербурга. Благодарю за высокую честь состоять в Изборском клубе. Для меня это в своё время была недостижимая мечта, и вот она теперь каким-то чудом стала реальностью.

Уважаемые коллеги, причин убывания русского народа достаточно много, но, на мой взгляд, основополагающей причиной, безусловно, является такая вещь, как массовые аборты. Относительно числа абортов в Российской Федерации до сих пор

идут споры, но самая низкая цифра, которая приводится в статистических справочниках, это 450 тысяч человек.

Для нас впору задуматься, чем являются в Российской Федерации аборт, какова их причина, откуда растут роги, откуда растут ноги. И тут мне хотелось бы несколько скорректировать расхожие штампы, связанные с началом абортот.

У нас существует миф, будто абортот были легализованы во время Великой Октябрьской Социалистической революции и Гражданской войны, точнее, в 1920 году. Существует другая точка зрения, согласно которой абортот были разрешены во время Великой французской революции. На самом деле во время Великой французской революции они не были разрешены, они были частично декриминализованы. А именно: из преступления, за которое полагалась смертная казнь, они стали тяжким преступлением, за которое полагалось 20-летнее тюремное заключение.

И получается, что всё-таки официально разрешены они были во время нашей Гражданской войны. Но опять-таки давайте вспомним, на фоне чего они были разрешены. На фоне огромной волны нелегальных абортот, за которые уже в Гражданскую войну не карали на фоне многочисленных смертей абортниц, которые совершали абортот в антисанитарных условиях. Следует сказать, что эта волна началась задолго до революции. Учитывая те невыносимые условия, в которых пребывали рабочие в Москве, Петербурге и других индустриальных центрах, учитывая огромные сложности в рождении и воспитании детей, учитывая, к сожалению, разврат в царской России и незаконные сожительства, женщины часто шли на подобный грех — ибо церковь всегда расценивала и будет расценивать аборт как убийство, как тяжкое преступление. Как писал еще св. Василий Великий, «умышленно погубившая зачатый в утробе плод

подлежит осуждению смертоубийства». Тонкого различия плода образовавшегося или еще не образованного у нас нет, и здесь полагается взыскание не только за дитя, которое должно было родиться, но и за то, что жена покушалась сама на себя. И это не единственное правило. Тем не менее, к сожалению, православные женщины шли на подобный страшный грех, на подобное преступление.

Почему Ленин легализовал абортот? Вовсе не потому, что он был заинтересован в физическом уничтожении русского народа, как у нас любят говорить некоторые недалекие пропагандисты. На самом деле он был прагматиком, ему нужны были солдаты и рабочие. Тем паче, учитывая чудовищную убыль населения во время Гражданской войны (пусть это не 12 миллионов, а 5 — всё равно цифра огромная). В данном случае он решил поплыть по течению, рассчитывая, возможно, это течение обуздать.

При этом власть делала, что могла, для пропаганды вреда абортот, и эта пропаганда была поставлена достаточно широко. Если кто помнит такое сочинение, как «Золотой телёнок» Ильфа и Петрова, — знаменитый Остап Бендер подрабатывал в качестве пропагандиста о вреде абортот. Благодаря мощной медицинской системе, выстроенной в первые годы советской власти, даже многочисленные абортот не смогли предотвратить рост населения Советского Союза, который со 120 миллионов в 1922 году смог вырасти до 167 миллионов в 1937 году. И это несмотря на голод 1933–1934 годов, который реально, скорее всего, обошелся в полтора миллиона жертв, а не в те шесть или восемь миллионов, которыми нас любят попрекать из бывшей некогда братской, а ныне враждебной Украины; причём половина потерь пришлась на Кубань и Казахстан.

Следует отметить историческое значение сталинского декрета 1936 года о запрещении абортот,

кроме по жёстким медицинским показаниям. Народ был несколько развращён, в том числе, в силу предыдущих свобод в этом вопросе, и даже во время Великой Отечественной войны, разумеется, не весь народ, а некоторые его представительницы позволяли себе роптать на вождя народа. Мне приходилось работать с материалами политдонесений госпиталя номер 1012 блокадного Ленинграда, и там такие мотивчики встречались.

Безусловно, сталинский указ сохранил жизни миллионам, а может быть, и десяткам миллионов человек. По крайней мере, это никак не менее 5 миллионов жизней. Знаю одного замечательного человека, директора завода АТИ в Санкт-Петербурге, Сергея Евгеньевича Васильева, человека глубоко православного, который благоговейно чтит память Сталина, потому что в 1949 году он бы не родился: его мама планировала от него избавиться, но испугалась уголовной ответственности за аборт при отсутствии медицинских показаний. Таким образом сохранилась его жизнь, и он до сих пор благодарит за это Сталина лично.

В планах депопуляции, проще говоря, геноцида на территории Советского Союза, в знаменитом гитлеровском плане «Ост», по которому в оккупированной России должно было остаться лишь 30 миллионов человек, особое место занимали абортот. Эти планы разрабатывались ещё с 1932 года. Для Восточной Европы, для которой характерна была, согласно Гитлеру, чрезвычайная биологическая плодовитость, должна была быть разработана хорошо продуманная политика депопуляции. Эта плодовитость должна была быть подавлена. Герман Раушнинг в своих «Застольных беседах Гитлера» сообщает, что Гитлер в 1934 году говорил ему, цитирую: «Мы обязаны сокращать население. Нам надо будет разработать технику уничтожения, технику депопуляции. Я не обязательно имею в виду уничтожение, я просто приму систематические

меры для подавления их огромной естественной плодовитости. Есть много путей систематических и сравнительно безболезненных, во всяком случае, бескровных, чтобы заставить нежелательные расы вымереть».

В 1939 году, сразу после оккупации Польши, нацисты опубликовали декрет, в котором говорилось: «Все меры, имеющие тенденцию к ограничению рождаемости, следует допускать и поддерживать. Аборты на остающейся площади Польши должны быть свободны от запрета. Средства к абортам и контрацепции следует предлагать публично, без политических ограничений. Гомосексуализм всегда надо объявлять легальным. Учреждениям и лицам, профессионально занимающимся абортами, не мешать».

Наверное, все из вас в курсе, что среди «арийцев» нацисты калёным железом выжигали гомосексуализм и жестоко карали за аборты. А для поляков и русских — совершенно другое. В 1941 году Гитлером был одобрен следующий меморандум министерства внутренних дел: «Лю-

бое средство пропаганды, особенно пресса, радио и кино, а также фельетоны, брошюры и лекции надо использовать для внушения русскому населению идеи, что вредно иметь несколько детей. Мы должны подчеркнуть затраты, которые они вызывают, говорить о хороших вещах, которые можно приобрести на деньги, затраченные на детей. Надо также намекать на опасное влияние деторождения на здоровье женщины. Необходимо будет открыть специализированные учреждения для проведения абортов и подготовить персонал для этой цели. Население будет тогда прибегать к абортам более охотно. Добровольная стерилизация должна быть рекомендована». И Гиммлер специально оговаривает в декрете: «Русские врачи не должны знать об этом приказе. Им надо дать инструкции о том, что беременность следует прерывать по социальным показаниям».

Не напоминает ли это вам, дорогие друзья, приказ министра здравоохранения РФ во времена Черномырдина от 8 мая 1996 года

о разрешении абортов на любом сроке по социальным показаниям? Отметим, что немецкие власти предлагали для оккупированных народов полную свободу сексуального поведения, то есть разврата. В меморандуме 1944 года говорится: «С целью практического ведения пропаганды надо спокойно распределять контрацептивы, причем цены поддерживает государство. Лучше держать открытым клапан для выхода естественных желаний населения с чуждой кровью, пока это не мешает сдерживанию репродукции среди народов чуждых рас».

Внимание: немецкий отдел пропаганды щедро распространял и в Польше, и в СССР порнографию, а также субсидировал варьете со всякими непотребными зрелищами. Правда, тогда, в сороковые годы, номер не прошел. В целом поляки, благодаря католическому воспитанию и движению Сопротивления, стремились сохранить высокий моральный уровень и крепкие семейные устои. А что касается русских, то один из немецких врачей пришел в шок. Почти все девушки, отправляемые в Гер-

манию на работы, при медосмотре оказались девственницами. И этот доктор заявил своему начальству: «Этот народ нам не победить».

Весной и летом 1943 года в Германии в обстановке секретности немцы разрешили аборт вплоть до срока жизнеспособности плода у женщин, которых вывозили с оккупированных территорий для подневольного труда. Их использовали как подопытных кроликов, посылая в университетские клиники в качестве живых пособий для обучения студентов и медсестер. Многие немецкие врачи, особенно католики, поначалу возражали, говоря о безнравственности подобной практики и об опасности дурного примера для немцев. Тогда Гитлер открыто заявил, что пристрелил бы любого, кто попытался бы запретить аборт на Украине.

На Нюрнбергском процессе среди обвинений нацистов в преступлении против человечества присутствовало и следующее: «Защита закона была отменена в отношении неродившихся детей русских и польских

матерей в нацистской Германии. Аборты среди этих женщин поощрялись и даже вынуждались». Напомню, что ещё делал Гитлер относительно детей этих невольниц-матерей. Детей отбирали и определяли в так называемые детдома, где 90% детей погибало от элементарного отсутствия ухода и кормежки.

Итак, аборт среди женщин «поощрялись и даже вынуждались». Защитники на Нюрнбергском процессе пытались выкручиваться: аборт не делался насильно. Тогда им предъявили следующий документ: «Расово неполноценного потомства восточных рабочих и поляков следует не допускать как только возможно. Хотя прерывание беременности должно проводиться только на добровольной основе, в каждом случае (внимание!) следует применять давление». Один из подсудимых, генерал-лейтенант Гильдебрандт, заявил протест. Мол, до настоящего дня ни у кого не было мысли видеть в прерывании беременности преступление против человечности. Его протест также не дал результата.

Судьи были непреклонны и приговорили подсудимых к двадцати пяти годам тюремного заключения. Некоторые обвиняемые по этому делу были осуждены на пожизненное заключение, а чиновник, ответственный за расовое исследование с целью определения, делать ли женщинам аборт, — сроком на десять лет.

В результате Нюрнбергского процесса и всемирного осуждения нацистской идеологии появилось новое юридическое понятие — геноцид, как перечень действий, совершенных с намерением уничтожить целиком или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу. В 1948 году ООН ратифицировала конвенцию о предупреждении преступлений геноцида и наказании за них. В конвенции утверждается, что любая нация, организация или индивидуум, применяющий подобные меры, в том числе — внимание! — рассчитанные на предотвращение деторождения, виновны в геноциде по международному законодательству. Документ гласит, что любое индивидуальное участие в таких действиях может рассматриваться как преступление против человечности, даже если подобные действия легальны в той или иной стране. Любой человек, соучаствующий в подобной деятельности, может быть обвинён в геноциде.

То есть все то, что мы наблюдаем в жизни нашего народа, — а именно — пропаганда бездетного образа жизни, роскошного образа жизни за счёт абортов, то есть за счёт убийства детей, склонение к абарту, — предшественником своим имеет Адольфа Гитлера.

Дерзну сказать, что многое делается по нацистским лекалам. Начиная с 50–60-х годов происходит целая волна легализации абортов, связанных с деятельностью Лиги по контролю над рождаемостью, которую в своё время возглавляла горячая поклонница Гитлера Маргарет Зангер. Под её влиянием в 1946 году в Швеции, в 1967 году в Великобритании, в 1973 году в США, в 1982 году во Франции легализуются аборты.

В 1955 году Хрущёв в пику Сталину, а скорее всего, под мощнейшим западным влиянием, легализует аборт и у нас. И, наконец, позорнейшим актом ельцинско-черномырдинского правительства легализуются даже аборт по социальным показаниям.

Также обратим внимание на следующее: шантаж и склонение к аборту как самая настоящая стратегия. Говорю об этом не понаслышке. В мае 2013 года мне пишет во «ВКонтакте» моя бывшая студентка из клиники в полном смятении. После УЗИ врачи безапелляционно заявили, что у ее будущего сына неизлечимый порок сердца. Жизнь родителей станет сплошным адом, а посему лучше избавить себя от страданий. Я постарался успокоить ее. Я припомнил один драматический и в чём-то комический случай, когда будущей роженице показали УЗИ её ребёнка без головы и порекомендовали сделать аборт. Но она была крепкая православная христианка и решила рожать, несмотря ни на что. И какова была ее радость, когда у нее родился абсолютно здоровый малыш. Маша успокоилась, решила рожать в любом случае. Через некоторое время после родов она отписывает мне: «Все слова врачей оказались ложью. Фёдор родился совершенно здоровым».

Ладно, если бы это были только один-два случая врачебной ошибки, но из передачи «Линия жизни» я понял, что это массовое явление. Многие матери хотя бы один раз сталкивались с предложением, временами весьма навязчивым, сделать аборт. Я встретился с любопытным комментарием на форуме многодетных родителей: «В первую беременность меня тоже записали на аборт на первом же приеме. Даже не спросили, буду ли рожать. Я тогда в первый раз пришла в поликлинику по вопросу беременности. Врач только спросил, на что жалобы. Я ответила, что жалоб нет, а есть беременность. Он кивнул и молча выписал направление на аборт. Я так же молча вышла с этой бумажкой. Больше к этому врачу не ходила».

Теперь вопрос — что надо делать.

Первое. Принять общероссийский закон об ответственности за склонение к аборту. И прописать, что является склонением. А именно изначально ложная информация пациенту о его состоянии, психологическое давление на пациента, призванное осуществить аборт.

Второе. Запрет абортивной пропаганды и лозунгов, склоняющих к аборту; в частности, подленький лозунг «Нечего плодить нищету» должен быть осуждён и в общественном мнении, и законодательно. Если говорить о связке «рождаемость и нищета», стоит процитировать великого учёного Дмитрия Ивановича Менделеева, который в своей бессмертной работе «К познанию России» чётко определил: «Главное богатство России — её народ». Соответственно, мы не плодим нищету, а умножаем российское богатство и российскую мощь. И тот, кто имеет наглость заявлять «не плодите нищету», является социал-дарвинистом. Или, проще говоря, самым настоящим расистом и фашистом.

На первом этапе необходим всеобщий закон о запрете склонения к аборту. Дальше — вывод аборта из системы обязательного медицинского страхования, потому что беременность — это не болезнь, а лишение себя младенца является в лучшем случае личным капризом или проблемой матери и, разумеется, отца, который делит с ней равную ответственность за это преступление. Пусть за своё преступление платят сами — почему православные или мусульманские налогоплательщики должны платить свои кровные деньги за этот грех и преступление?

И, наконец, третья стадия — это законодательное запрещение абортов, кроме неизбежных по медицинским показаниям. При этом речь идёт только об опасности для жизни роженицы, но никак не о потенциальном качестве плода. Нужно законодательно определить, что ребенок, находящийся во чреве матери, уже является живым существом, под-

лежащим защите, и, по сути дела, гражданином Российской Федерации, согласно Римскому праву, которое защищало интересы ещё не рождённого ребёнка.

И если мы действительно хотим соблюдать традиционные ценности, как прописано в указе президента № 809, то в число этих ценностей входит и жизнь человека, в том числе до его рождения. Или мы изменимся и победим в грандиозном противостоянии с так называемым глобальным миром, который спит и видит, чтобы на наших просторах осталось, по словам Маргарет Тэтчер, 30–40 миллионов человек для обслуживания нашей горнодобывающей промышленности, с тем миром, который навязывает нам аборт и депопуляцию, разврат и содомию, — или нас сотрут в порошок в результате либо внешнего нашествия, либо мигрантской революции. И даже 1941 год не сравнится с тем ужасом, который придёт на российскую землю, если мы не опомнимся и не начнём работать над сбережением, умножением и преображением нашего народа.

Но возникает резонный вопрос. Если население России будет прибавляться в арифметической прогрессии, что вы будете делать с миллионами родившихся детей? Где вы будете их воспитывать, учить, лечить, если уже сейчас детские сады и школы переполнены, а в поликлиники не пробиться? Ответ на это и сложен, и прост. Надо ускоренными темпами строить новые ясли и детские сады, школы и поликлиники. Не только возрождать загубленную советскую инфраструктуру, но и создавать новую, на новом технологическом уровне, а равно и создавать рабочие места для новых тружеников.

Умножение русского и иных народов в исторической России должно стать не просто одной из государственных программ, а центральным проектом развития Российской Федерации. Понятно, что это потребует серьёзных вложений и глубоких общественных изменений.

Семинар 5.

Максим КАЛАШНИКОВ.

Как спасти русских от вымирания

Максим КАЛАШНИКОВ,
историк, писатель-футуролог:

— Демографическая проблема слишком сложна. Её нельзя сводить только к запрету аборт, потому что их запрет породил массовые подпольные аборты ещё при Сталине. В моём роде с материнской стороны была гибель от подпольного аборта одной из моих троюродных бабушек. Сейчас просто-напросто всё уйдёт в подполье. Запретами мы ничего не добьёмся, потому что, если мы заставим женщину родить одного нежеланного ребенка, она больше рожать не будет. Запреты, вполне оправданные в те времена, сейчас

ничего не дадут. Сейчас совершенно иное время. Тем более что статистика ведётся неплохо, и даже если что-то скрывается, число аборт по сравнению с советскими временами действительно уменьшилось. Люди стали лучше предохраняться. Просто-напросто все будут предохраняться.

Сделаю небольшое уточнение. В 1989 году на территории РСФСР, нынешней РФ, было сделано 4 миллиона 100 тысяч аборт, а 30 лет спустя — 661 тысяча. То есть фактически аборт у нас теперь, даже на меньшее число населения, в 6 раз меньше. То есть нужный прогресс налицо.

Решение демографической проблемы — это решение нашей дальнейшей русской цивилизационной судьбы. И сейчас, когда война на Украине подходит к каким-то не триумфальным своим итогам — война, которая только ухудшила наше демографическое положение, — нужно действительно думать о том, чтобы XXI век не опустился над нами занавес. Мы пытались создать проект «Можем повторить», а не «Можем сотворить». Не надо было повторять то, что закончилось крахом. У Советского Союза в плане демографии многому не научишься, потому что Советский Союз, к сожалению, не блистал поддержкой

рождаемости. С 1964 года русские — а я считаю русских триедино, это малороссы-украинцы, белорусы и великороссы — себя не воспроизводят. У нас был краткий всплеск: сначала антиалкогольные кампании Горбачёва и надежды перестройки привели к тому, что коэффициент рождаемости больше двух подскочил тогда именно среди русских — но, к сожалению, он был недолгим. Дальше начались развалы процессы.

В чём главная причина нежелания рожать? Это огромная национальная депрессия. Что бы там ни говорила пропаганда, чувства победы, национального роста и взлёта у нас нет. Я думаю, что после того, как проект «Можем повторить» канул в Лету, когда стало понятно, что не получилось маленькой победоносной прогулки, нам надо переходить к грандиозному цивилизационному строительству. Это и обусловит успех, настоящую русскую победу.

В рамках нынешней системы — думаю, все с этим согласятся, — решить демографическую проблему невозможно. Что мы сейчас видим? Вроде бы объявлен поход за рождаемостью. Но, во-первых, материнский капитал — это паллиатив. Он не может обеспечить нужную рождаемость. Это тот случай, когда мы прыгнули, но даже не допрыгнули до самой пропасти. А нужно достигнуть того берега пропасти.

Мы не можем и посмотреть, как решается демографическая проблема в других развитых странах, поскольку там эта проблема тоже не решена. Перед ней все спасовали, что Южная Корея, что Италия, что Япония. Чем развитее страна, тем меньше коэффициент рождаемости. Советский Союз тоже не оставил таких рецептов — их просто-напросто не было. Это, что называется, горькая часть.

В чём надежда? Та нация, которая решит проблему рождаемости, к концу XXI века унаследует мир. Просто-напросто станет властелином мира. И если это будем мы, то мы ещё и Европу будем спасать. Но подчеркну:

есть опыт Израиля. Как я сказал, во всех развитых странах нет прироста рождаемости, но если мы возьмём Израиль, то там даже светские евреи (не говоря уж об ортодоксах и отделяя живущих там палестинцев) дали небольшой прирост: превысили 2,1 ребенка на женщину.

Что делать Российской Федерации? Тут я соглашусь с Юрием Васильевичем Крупновым. Нужна совершенно новая социально-экономическая модель, где во главе угла — демография, сбережение народа, и где всё увязано воедино. Нет отдельных вопросов промышленности и промышленного развития, финансовой политики и т. п. Всё увязано со всем, всё должно работать на конечную цель.

Давайте попробуем перечислить узловые пункты, некие положения такой политики.

Первое: не ухудшение положения семьи с рождением каждого нового ребенка. Обычно говорят: высокие доходы, наоборот, сбивают рождаемость, и указывают на Францию, Исландию, Голландию, Южную Корею. Да, там большие доходы, но новый ребёнок, рождаясь в городской семье, даже там ухудшает её положение. То есть нужно построить систему с очень сильными элементами социализма, когда каждый новый ребёнок семью материально и статусно поднимает, а не опускает.

Второе — роль отца, безусловно, должна быть огромной. Отец должен быть авторитетом. У него должны быть высокие заработки, высокий статус. Вспомните американские семьи времен бэби-бума. Папа работает, мама не работает, папа один содержит семью, а в ней пятеро детей. Посмотрите, кстати, сколько у американских астронавтов, летавших на Луну, было детей в семье. Это просто какие-то таджики, только белые. У них там по четыре-пять-шесть детей. Для чего нужна индустриализация? Это рабочие места, возможности роста для отцов, возможности содержать семью помимо поддержки государства.

И третий момент. Надо поднимать роль мамы-домохозяйки, хранительницы очага, потому что в советские годы слово «домохозяйка» произносилось со стыдом. Домохозяйка должна быть мамой многих детей, не меньше, чем троих, должна считаться уважаемым членом общества. У нее исправный дом, хорошая семья. И государство должно рассматривать её работу на уровне, скажем, учительницы младших классов или сотрудника дошкольного учреждения. Я прекрасно знаю, что такое неработающая мама: у меня дети уравнивания с иском-игреком решали к первому классу, до школы. Потому что мама — дома и может заниматься детьми.

Безусловно, осуществление всех этих факторов позволит нам сделать государственным лозунгом, государственным рубежом как минимум трёхдетную русскую семью. Потому что если не будет русских — не будет и России.

Что бы я предложил? Посмотреть на очень удачные практики, которые были намечены в XX веке, но не осуществлены. Я считаю, что к индустриализации должна прилагаться новая жилищная политика, новая урбанистика, скажем так. Молодая семья должна получать дом — а не деньги, как сейчас пытаются давать; это, наоборот, раздувает цену на жильё, все эти льготные ипотеки. Молодая семья должна получать готовый дом, достаточно просторный для троих детей. Это беспроцентный кредит. Отдай, а не хочешь отдавать — за рождение каждого ребёнка треть кредита должна списываться. В сочетании с тем, что у отцов будет, соответственно, работа, возможность роста, укрепления социального положения, это может сработать. Во всяком случае, я бы попробовал.

Демографическая политика должна рассматриваться в такой системе как не менее важная, чем оборона, промышленность, топливно-энергетический комплекс, продовольственная безопасность и освоение Сибири. То есть должна быть аналогия

с военными программами. Сколько нам нужно, например, для молодых семей? Мы должны планировать два миллиона новых домов. Я сторонник усадебной урбанизации и считаю, что для большой семьи нужен просторный дом, а не просто квартира.

Итак, нам нужно иметь два миллиона новых жилищ. Сколько стоит одно жилище? Это, условно говоря, четыре «Герани» по себестоимости. Если ты начинаешь программу передового строительства со снижением себестоимости, это примерно четыре беспилотника. Соответственно, ты должен потратить восемь миллионов беспилотников. (Украина сейчас производит в год 1,5 млн беспилотников, 1,6 млн завозится.) Национал-футуристическое государство должно строить эту жилплощадь и отдавать под беспроцентный кредит.

Никогда не надо говорить о деурбанизации. Это сразу же нас выкидывает в архаику. Надо говорить об урбанизации нового типа. Я предпочитаю говорить об усадебной урбанизации. Вокруг новых и старых, возрождённых заводов и фабрик должны возникать усадебные города «футурополисы», или «города-сады». И в футурополисах, этих самоуправляемых городах, должна развиваться именно русская концепция. Она должна стать альтернативой «умному городу», который сейчас толкается с Запада и идею которого у нас подхватил Собянин. Что такое умный город? Тот же человек с домами-термитниками, тотальный электронный концлагерь. Этот умный город не работает на рождаемость, на наше национальное возрождение. Наша альтернатива — это усадебный русский футурополис, город-сад.

Безусловно, должно быть изменение психологии, психологического климата в стране. Это не только пропаганда домашнего очага, крепкой семьи и многодетности. Нужно вернуть уважение русских к себе. Мы не рабы, мы снова повелители науки и техники, мы добиваемся успехов. Мы летаем на Марс, мы строим великолепные заводы и фабрики. Русский

отец должен чувствовать, что он повелитель. Вот тогда и кровать, по выражению Гундарова, скрипеть будет. Тогда и мамы будут смотреть с любовью на пап, и дети будут рождаться. Надо расковать творческую, созидательную деятельность.

Считаю, что здесь, как ни крути, придётся избавляться от игр мертвящей бюрократии. Бюрократия, конечно, нужна государству до определённого момента. Но русский должен снова стать хозяином своей судьбы. Сейчас мы винтики. За нас всё решают чиновники. Началось это, к сожалению, в моем любимом Советском Союзе, и это не было его сильной стороной. Мы были лишены самоуправления и самоорганизации. Я считаю, что наряду с этой новой футурополисной усадебной урбанизацией должно развиваться местное самоуправление, и должна быть проведена бюджетная реформа. Да, у центра очень серьёзные задачи. Ему 50% налогов, пожалуйста. А 30% налогов — местному самоуправлению. Местное самоуправление — это школа овладения своей судьбой.

Это формула Ивана Грозного: сильное централизованное государство, опирающееся на сильное местное самоуправление. Народ должен понимать: чем больше у меня станет заводов и фабрик, тем лучше я буду жить. И местное самоуправление лучше будет контролировать свой аппарат. Для этого у нас есть концепция нейромира, которую я не хочу сейчас пересказывать. А сегодня гражданин Российской Федерации придавлен, над ним довлеет чиновник, иногда самодур.

Следующий момент. Нам надо повысить наши производительные силы, избавившись от зависимости от слишком маленького внутреннего рынка по сравнению с китайским, европейским, американским — у нас он охватывает 150 миллионов. Неудача СВО привела к тому, что мы не создадим сейчас объединённый рынок с Малороссией и Новороссией. Мы не сможем в рамках традиционной индустриализации экономить

на издержках за счёт расширения производства. Поэтому мы должны сделать государственной программой трудосберегающее роботизированное производство. У нас есть Александр Оликевич и его команда. Они пытаются на общественных началах создавать роботизированные самовоспроизводящиеся фабрики — не только производящие отдельные изделия, но и воспроизводящие себя. Это должно стать неким новым Манхэттенским проектом, потому что людей в нашем Русском мире физически мало.

К сожалению, в результате последних событий мы не преодолели последствия развала Советского Союза, мы их скорее закрепили. Соответственно, нужно дерегулирование малого предпринимательства. Надо поощрять миграцию белых европейцев сюда. Кельты, германцы, романцы, скандинавы, вам там душно — езжайте к нам, как это было при Екатерине Второй.

Если у нас не хватает рабочих рук, надо завозить трудовых мигрантов из Средней Азии в качестве временной меры, но так, как это описано у Жюль Верна в «Пятистах миллионах бегумы»: казарма, получение расчёта только по завершении работы, никакой семьи с собой и вывоз отсюда — вот обязательство того, кто завозит. У Жюль Верна город будущего воздвигается за счёт 12 тысяч китайских кули: они работали — и всё, обратно в Китай.

Потребуется новый социально-экономический строй. Можно назвать его нейромиром или национал-футуризмом. Сейчас родилась концепция патриотического социализма, она пока ещё в зародыше. Тем не менее надо об этом думать, потому что ныне существующая модель бессильна решить эту проблему, нынешняя система не заинтересована в капитальном ремонте, в радикальной перестройке. А задачи эти обойти никак не удастся.

После Крымской войны была великая крестьянская реформа. После Русско-японской войны тоже

были большие изменения. Я думаю, что и мы попадаем в такую зону бифуркации, ветвления, и надо сделать так, чтобы это не кончилось новой национальной катастрофой, а вышло на траекторию роста и развития.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ:

— У нас есть город Москва, в котором живёт 40 миллионов человек, по данным Собянина. Понятно, что это огромный спрут, в котором низкая рождаемость. И вот простой вопрос: мы не можем убедить горсть наших строителей, чтобы они не развивали Москву под восточных людей?

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Доброе слово и винтовка Мосина способны творить чудеса. Например, ты в рамках новой индустриализации создашь новые возможности: скажем, в Переславле-Залесском возникает производство, там ставится фабрика, которая производит все процессоры нашей процессорной архитектуры. У нас их три: «Мультиклет», «Байкал» и «Эльбрус». Пока они делаются на Тайване. Но если ты начинаешь производить их у нас,

возникает переславльская компьютерная или процессорная долина. Туда едут люди, там строятся купольные быстровозводимые дома.

Люди туда поедут делать жизнь. В 1963 году мой отец уехал из Одессы: места не было, связей не было, он поехал делать жизнь. Но тогда можно было сделать жизнь на периферии СССР, к примеру, в Туркмении. В Одессу он вернулся уже с семьёй, с положением. Так же люди ездили в Сибирь, кто-то оставался, кто-то возвращался на свою малую родину. Если здесь, внутри России, возникают такие точки роста, где ты можешь, не тратя 20 миллионов рублей на квартиру в Москве, ты будешь делать жизнь на периферии. А если это еще и футурополис и ты до Москвы можешь долететь на аэрокаре или сесть на наземный вид транспорта, который идёт со скоростью 300 км в час, и за час-два оказаться в Москве — то это меняет всю картину.

Александр ПРОХАНОВ:

— Каким образом остановить убывание русского народа? Какие рецепты необходимы для того, что-

бы остановить это стремительное и трагическое убывание? В этом случае согласен с отцом Владимиром, мне понятен его подход. Для того чтобы уменьшить убывание, необходимо запретить аборт, и если этот рецепт будет осуществлен грамотно, тогда число рождающихся русских людей увеличится. Из всего того, что ты, Максим, сказал, квинтэссенция такова: увеличить рождаемость можно только при изменении социально-политического строя в стране.

В 1917 году была сделана грандиозная, великая попытка создать другую страну, и в этой другой стране должно было быть колоссальное количество новых русских людей, по Менделееву. Посмотрите, что получилось. Во-первых, само переписывание русской истории, создание новой страны и нового народа потребовало гигантского количества жертв. Русское население в итоге не увеличивалось, а убывало, и к концу советского периода оно стремительно стало убывать — демографические ямы наметились уже тогда. Вот ты переписываешь всю историю, на это тебе потребуется примерно лет 50, и потом, через 50 лет,

ты будешь считать, какое количество женщин рождает или не рождает? Этот эксперимент не обеспечивает положительных результатов. Он может закончиться катастрофой. У тебя есть ряд предложений, которые ты, забыв, что собирался перелицевать русскую историю, предлагаешь реализовать в рамках нынешнего уклада, нынешней истории, нынешнего государства. Я в этом вижу противоречие. Твоя концепция увлекательна, но для меня она кажется неубедительной и нецелостной.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Я не хочу перелицовывать русскую историю, я, наоборот, иду в русской традиции. Я ни в коем случае не хочу, чтобы страна сейчас проходила через страшную ломку распада. Все мои надежды — на то, что удастся избежать нового 91-го года, прихода новых прозападников, сторонников горбо-мышления, новомышления и прочего. Я просто прекрасно знаю, что та система, которая есть сейчас, объективно уже не сохранится. Я не собираюсь ни в коем случае устраивать смуту. Но если ничего не менять, то по итогам того, что случилось сейчас, положение очень рискованное.

Александр ПРОХАНОВ:

— Есть такие болезни, которые лучше не трогать, потому что от этого они стремительно ускоряются, и от них умирают. Есть ещё какой-то загадочный элемент, ещё не названный, который незримо присутствует и обрекает нас на вымирание. Всё, что говорено нашими докладчиками, — всё это паллиативы: «может быть, это, может быть, то...». Но, повторяю, не нащупана какая-то онтологическая тайна. Мы говорили и о подорванности русского сознания, о том, чтобы запустить русский реактор, чтобы русский гражданин проснулся; внушить ему победность, внушить ему величие. А ведь бум русской рождаемости был в самых тяжёлых

для России социальных условиях: крепостничество, бесправие, засилье каких-то чиновников, губернаторов, которые секли, вешали...

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Александр Андреевич, если нас насильно переселить в деревню, как иногда говорит Александр Гельевич Дугин, погибнет примерно половина переселённых из городов — они не приспособлены к такой жизни. А дальше мы можем ввести те же принципы землепользования, чтобы делить землю на число едоков, лишить людей доступа к лекарствам, к медицинской помощи, и они начнут рожать, чтобы не сдохнуть с голоду. Но это вряд ли решит проблему рывка.

Александр ПРОХАНОВ:

— Я говорю о другом — о том, что неблагоприятные социально-политические условия, которые были в России в середине XV века, не помешали русским бурно размножаться.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Мы не можем вернуться в XV век. И я думаю, что главная онтологическая тайна — это национальное воодушевление и победа, которая придаёт нам крылья, избавляет нас от национальной депрессии. Пока ничего для того, чтобы наша национальная депрессия ушла, нет, истинной победы ещё не было.

Протоиерей

Владимир ВАСИЛИК:

— Есть один вопрос. Вы упомянули о срыве СВО и больших потерях, возникших в результате СВО. Не кажется ли вам, что значительная часть этих потерь связана с двумя страшными вещами, которые коренятся в безрелигиозном состоянии? А именно: неуважением к человеческой жизни у ряда наших командиров и политиков и коры-

стью на крови. Не кажется ли вам, что временами ситуация с потерями в СВО, когда солдат кидали на «мясные штурмы», очень напоминает ту самую ситуацию с абортами, которую я расписал, с её коммерческой и политической составляющей? Считаете ли вы возможным решение какой-либо серьёзной общественной проблемы без законодательной защиты того или иного положительного явления или, напротив, уничтожения отрицательного без, так сказать, юридического обеспечения? Скажем, борьба с коррупцией: можно сколько угодно петь о безнравственности коррупции, рисовать блестящие перспективы человека, который не берёт взяток, но если мы не вводим соответствующих статей и, самое главное, не проводим их в жизнь, то боюсь, что всё это кончится мостами через пруды — маниловщиной.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Во-первых, я очень ценю человеческую жизнь и гуманистический потенциал христианской веры. Но, к сожалению, официальное православие не мешало и в царские времена кидать людей в «мясные штурмы» — вспомните Плевну во время русско-турецкой войны за освобождение Болгарии. Я не отрицаю того, что нужно крепкое православное воспитание и что надо проповедовать ценность, священность жизни. Но кроме этого, нужно всё-таки смотреть, как удаётся другим цивилизациям избегать «мясных штурмов». Надо и у американцев учиться — у них есть чему поучиться. Огромные жертвы в СВО вызваны грубейшим нарушением технологии современных войн. Воздушно-наступательная операция не была проведена. Если бы американская армия 2003 года столкнулась сейчас с украинской, то от украинской не осталась бы ничего, без всякого применения ядерного оружия. И дроны не помогли бы. А в том, что касается коррупции, — я с вами согласен.

Семинар 6.

Вардан Багдасарян.

Время радикальных решений

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Нет ничего невозможного. Вопрос о возможностях — это вопрос о средствах. Когда что-то кажется невозможным, это означает отсутствие или необходимого ресурса, который следует сформировать, или решимости его применить. Во втором случае некий пакет действий считается неприемлемым ввиду представлений о его радикальности. То же, что считать радикальным, определяется, как правило, принятыми идеологическими установками.

Эти методологические оговорки необходимы для решения задачи изменения тренда демографического угасания России, депопуляции с перспективой цивилизационной смерти.

Как кажется многим, ничего с этим сделать нельзя, побудить к высокой детности современного человека невозможно. Предпринимаемые с 2006 года в рамках демографической политики России действия ситуации не исправили. Весь мир с разной скоростью идёт в том же направлении, что и Российская Федерация. Из чего и следует выносимый вердикт: невозможно. Вот тут и важна отсылка к методологической преамбуле: невозможно — в рамках принятой системы нормальности. А пробовались ли радикальные рецепты? Очевидно, нет, так как они считаются неприемлемыми.

Важно тогда оценить оправданность применения радикальных средств исходя из перспектив раз-

вития демографической ситуации в России. **Диагноз «Россия вымирает» должен снять табу с радикальных средств, так как и сама проблема предельно радикальна: угроза цивилизационной и геополитической смерти.**

Осмысление 80-летия Великой Победы даёт возможность акцентировать одно из ключевых в рамках демографической проблематики положений — Россию как популяционную общность пытались убить. Принятие в 2025 году формулировки «геноцид советского народа» на законодательном уровне делает положение о намерении цивилизационного убийства юридическим фактом. Намерение такое было, оно есть и, главное, — оно реализуется,

Рисунок 17.
Соотнесение численных потенциалов СССР и Германии

пусть и другими приёмами, чем те, которыми пользовались оккупационные власти в период Великой Отечественной войны.

В год 80-летия окончания Великой Отечественной войны, анализируя факторы Победы, необходимо в качестве одного из важнейших её факторов указать на фактор демографический. От численности населения зависит численность армии и количество рабочих рук, а соответственно, демографические ресурсы всегда являлись важнейшим военным фактором. Трудно поверить сегодня, что СССР в довоенный период из всех значимых геополитически государств мира занимал первое место по показателям рождаемости. «Милльоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы», — писал в 1918 году Александр Блок в перспективе актуального столкновения России и Европы. После фиксации «тьмы» против «миллионов» следовали слова: «Попробуйте, сразитесь с нами!»

Демографические преимущества СССР понимали и в Германии,

и этот фактор, судя по высказываниям нацистского руководства, его особенно сильно беспокоил (см. рисунок 17). К началу войны Советский Союз имел численность населения 198,7 млн человек. Около 20 млн дали присоединённые в предвоенный период западные территории. Германия явно уступала — 70,2 млн человек. Но если подсчитывать вместе со всеми европейскими сателлитами и населением присоединённых территорий — выходило несколько более 200 млн. Совокупные силы оказывались примерно равны. Но по уровню консолидации населения, самосознания, единой идентичности Советский Союз имел безусловное преимущество. Государствообразующее ядро советской общности — русский народ — имел, по данным переписи 1939 года, численность в 99,6 млн человек, что было выше численности этнических немцев почти на 30 млн.

Нацистское руководство мыслило в мальтузианских параметрах и понимало, что в разрезе столкновения демографических потенциалов Германия проигрывала. Но отсрочка

«большой войны» шансы её только понижала. По данным на 1923 год, когда родились те, кому в 1941 году исполнилось 18 лет, суммарный коэффициент рождаемости в Германии составлял 2,62 рождений. В СССР в том же году он имел показатель 6,68 рождений — кажущийся немыслимым при современной малодетности. В последующие годы и в Германии, и в Советском Союзе показатели рождаемости устойчиво снижались, что соответствовало в целом описанию уже выдвинутой тогда теории демографического перехода. Минимальный суммарный коэффициент рождаемости в Германии в этот период фиксируется в 1933 году — 1,58, в СССР в 1934 году — 3,8.

Далее, вопреки теории демографического перехода, следовал подъём. И германское, и советское руководство приняли комплекс мер, направленных на повышение численности населения, что дало определённые результаты.

К началу Второй мировой войны в 1939 году суммарный коэффициент рождаемости в Германии составлял 2,39 рождений, в СССР — 4,98. Советский Союз при пролонгации соответствующих демографических тенденций уходил бы в отрыв. Уходил он в отрыв не только от Германии, но и от других ключевых геополитических акторов мира, включая США. Причём высокий суммарный коэффициент рождаемости в СССР обеспечивался за счёт не только национальных окраин, но и русского демографического ядра. Среди русского населения он составлял накануне войны 4,9 рождений.

Отсюда — и гитлеровская идея войны на уничтожение, поставленная в качестве стратегического ориентира военной кампании на Востоке. Помимо установок ксенофобии и расизма, которые нельзя снимать со счетов, был в ней и нескрываемый прагматический расчёт демографического соперничества. В понимании Гитлера противостояние с историческими врагами на Востоке — русскими, славянами в целом, «азиатским

варварством» — не будет успешным без подрыва демографической базы врага.

Особое внимание тема демографических войн занимала в риторике рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Во время своего визита в Харьков в апреле 1943 года, то есть уже после фиаско Сталинградской битвы, рейхсфюрер рассуждал о войнах Европы с Азией в прошлом и будущем, акцентируя внимание на численном соотношении сил. О реалиях продолжающейся войны он говорил в перспективе войн будущих. Возможно, Гиммлер считал, что нынешняя война Германией уже проиграна. Но следовало, согласно его рассуждениям, создать задел для войн будущего, максимально подорвав демографические потенциалы противника. Достигнуть этого было возможно в его логике путём физического уничтожения вражеского населения. Подрыв демографических потенциалов, пусть и не в тех масштабах, как замысливалось нацистским руководством, действительно произошёл.

Демографическая политика Третьего рейха на оккупированных территориях хорошо известна. Она сводилась к двум целевым ориентирам — снижению численности населения общности противника и ослаблению его консолидированности. Для этого использовались следующие средства: распространение абортов, установление упрощённой процедуры разводов, пропаганда малой детности, разрушение системы здравоохранения, сокращение численности врачей, снятие половых запретов, предоставление свободы религиозного выбора, уравнивание традиционных религиозных общностей с сектами.

Но чем всё это отличается от реалий постсоветского периода? Рецептура плана «Ост» была практически реализована без войны в её классическом понимании. И война в этом смысле не была окончена в 1945 году. Она была продолжена другими средствами. Врага можно убивать физически. А можно действовать иначе: внушить врагу отказать от самовоспроизводства,

убедить не рожать детей, а пожить для себя. Результат в обоих случаях будет один — депопуляция противника. Второй способ даже выглядит более предпочтительным, так как снимает моральные обвинения в геноциде.

В настоящее время Россия, будучи по-прежнему крупнейшим государством, занимает только девятое место по численности населения. Ещё 50 лет назад РСФСР находилась на четвёртой позиции, уступая по этому показателю лишь Китаю, Индии и США. При совокупном же учёте всего населения СССР советская популяция опережала американскую. Однако к концу тысячелетия Россию обошли Индонезия, Бразилия, Пакистан, Нигерия, Бангладеш. Бангладеш в этом перечне особо показательна.

Согласно долгосрочному прогнозу ООН, к 2050 году Российская Федерация по показателю численности населения будет находиться на 14-й позиции в мире, а в 2100 году — на 20-м месте (рисунки 18). Станет ли страдающее от перенаселения миро-

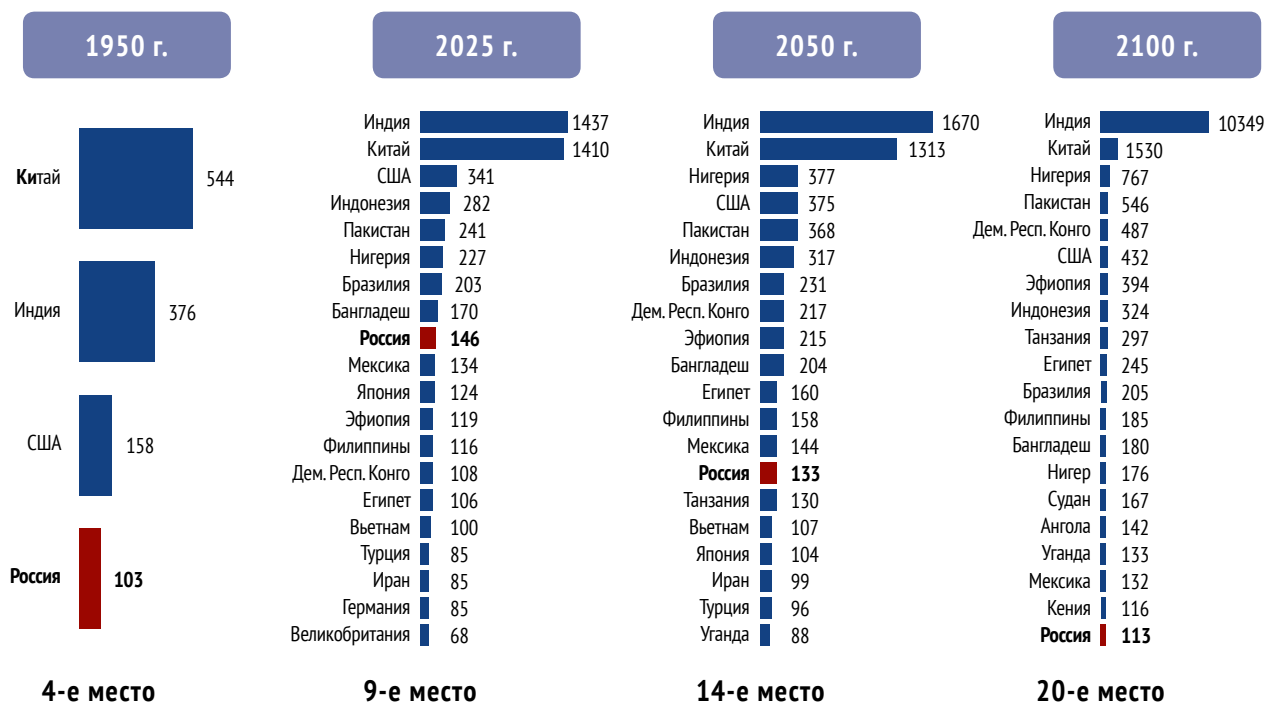

Рисунок 18.

Численность населения России в прогнозах ООН, млн. чел.

вое сообщество спокойно взирать на малозаселённую, богатую природными ресурсами Россию? Следует прогнозировать выдвигание со временем требований о «справедливом» перераспределении принадлежащей всему человечеству территории земного шара в соответствии с численностью населения.

Уже сейчас плотность населения в азиатской части Российской Федерации, составляющей 75% территории страны, не превышает трёх человек на 1 кв. км. Между тем на 1 кв. км в США проживают 29 человек, а в Европе и вовсе 119.

Данные тенденции означают фактически для России геополитическую смерть. Очевидно, что, имея крупнейшую территорию в мире и находясь при этом лишь на 20-м месте по численности населения, российское общество удержать свою суверенную территорию будет не в состоянии. Причём выход даже на уровень суммарного коэффициента 2 (сейчас официально — 1,4) — простого естественного воспроизводства — ситуацию принципиально не исправит и от геополитической гибели в перспективе не спасает. Выживание России требует достижения гораздо более высоких показателей рождаемости. Это гипотетически возможно только при восстановлении многодетных семей в качестве общественной нормы. Возможно ли это? Скорее нет, чем да. Но такое восстановление есть единственный шанс самосохранения России, и потому он должен быть непременно использован.

Сам факт появления понятия демографической политики в России стал результатом серьёзного идеологического противоборства. Только с 2006 года понятие было привнесено в государственный дискурс. До этого преобладала либеральная позиция, согласно которой вмешательство государства в демографические процессы считалось неприемлемым. Неприемлемым этически, так как затрагивает частную жизнь человека, и научно, так как изменить тренды

падения рождаемости было якобы невозможно. Таким образом, сама по себе институционализация демографической политики была связана с делиберализацией.

Сохраняющаяся депопуляция формирует запрос на качественно иную демографическую политику. Для этого нужна соответствующая демографическая теория. Однако доминируют в демографии подходы прямо противоположные такого рода задачам. Суть этих подходов сводится к утверждению, что депопуляция России есть естественный процесс, и изменить ситуацию не получится. Фактически официальная демографическая теория вступает в противоречие с повесткой государственной политики.

Обоснование естественности и фатальности снижения репродуктивных потенциалов при переходе к современному западному типу воспроизводства (низкая смертность и низкая рождаемость) было представлено в рамках теории демографической модернизации. Снижение репродуктивности преподносилось в ней как неизбежное следствие урбанизационных процессов и вступления в фазу индустриального развития.

Характерно, что сама концептуализация тезиса о демографическом переходе («демографической революции», «демографической модернизации») в трудах Леона Рабиновича, Адольфа Ландри, Уоррена Томпсона пришлась на конец 1920-х — начало 1930-х годов, на время, казавшееся необратимым кризисом репродуктивности на Западе. История не замедлила опровергнуть фаталистов. Наступившая в скором времени эпоха бэби-бума дезавуировала все их прогнозы и теоретические построения.

Но для постсоветской России теория демографического перехода стала фактором политическим. Феномен стремительной российской депопуляции получил образное определение в публицистике в качестве «русского креста» (пересечение

снижающейся кривой рождаемости и возрастающей кривой смертности). Однако либеральные демографы ставили под сомнение сам факт разыгравшейся человеческой трагедии. Полагая, что достижение состояния современного воспроизводства населения является «столбовой дорогой» развития человечества, они объясняли депопуляцию в России и странах, близких к ней по характеру социально-экономического развития, результатом объективных тенденций снижения детности в современном мире. Никакого «русского креста» будто бы нет, а есть объективно заданный переход к малодетному современному типу репродуктивного поведения. Репродуктивное угасание интерпретируется ими как следствие повышения качества жизни и индустриально-урбанистической трансформации. Посредством установления данной связи проводилась мысль о рудиментарной сущности феномена многодетности по отношению к современной социально-экономической структуре общества.

Казалось бы, на самом деле в тренде сокращения рождаемости находится в настоящее время весь мир. Снижаются показатели всюду — и статистически диагностировка теории демографического перехода верна. И даже в странах Африки, ранее считавшихся зоной устойчиво высокой рождаемости, фиксируется снижение показателей. Верна фиксация, но не объяснение причин.

На фоне утверждений о якобы универсальном характере снижения рождаемости возникает закономерный вопрос: а возможно ли иное? Примеры (пусть и немногочисленные) стран, демонстрирующих рост рождаемости, существуют. Среди них — Израиль (государство с высоким уровнем технологического развития) и, что особенно важно для нас, страны Центральной Азии — Казахстан, Киргизия, Узбекистан, где после постсоветского падения показатели рождаемости пошли вверх. Если это не статистическая флуктуация, тогда необходимо за-

даться фундаментальным вопросом: что объединяет эти страны? Каков тот структурный фактор, который позволил изменить демографическую траекторию? Ответы, как представляется, следует искать в сфере идентичности, традиции и религиозного сознания.

Хитрость статистических расчётов, предоставляемых в доказательство объективности падения рождаемости в мире, состоит в том, что за точку отсчёта берутся 1960-е годы. Мол, раньше-то и статистики не было. Но историческая демография позволяет оперировать данными и на гораздо более длительную ретроспективу. И тогда теория демографического перехода перестаёт работать. Оказывается, что и в доиндустриальную эпоху имели место процессы устойчивого падения рождаемости. Такое падение наблюдается почти всякий раз в фазе гибели цивилизаций прошлого. В связанном с падением репродуктивного потенциала населения режиме функционировали на финише своего существования доарийская дравидская Индия, пострамзесовский Египет Нового царства, крито-микенское культурное сообщество, поздняя Римская империя, поздняя Византия, цивилизация майя. Депопуляция являлась, в частности, наглядной иллюстрацией цивилизационного заката Римской империи. Снижение ценности детности среди римлян соотносилось с падением духовных потенциалов римской цивилизации. Историки охарактеризовали этот процесс как саморазложение.

Путь Рима к гибели начался задолго до варварских вторжений. Варвары лишь подвели черту, исторически оформили факт цивилизационной смерти. Вначале Римская империя деградирует духовно и только затем гибнет физически. Очевидный демографический надлом фиксируется уже во II веке. Процесс депопуляции не ограничивался самим Римом, что можно было бы объяснить конъюнктурными обстоятельствами переноса в начале IV века

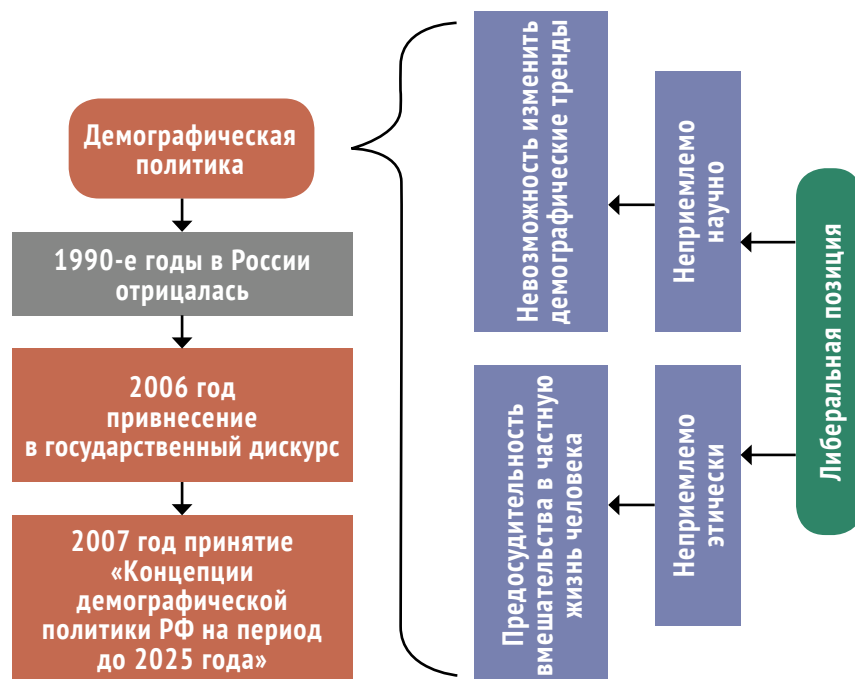

Рисунок 19.

Преодоление позиции о нецелесообразности и неприемлемости институционализации демографической политики

столицы в Константинополь, а распространялся на всю империю. В динамике демографического падения находилось большинство римских провинций. А между тем никакого индустриального и урбанистического перехода, что рассматривается многими современными демографами как главное условие малодетности, не было и в помине. В масштабах империи безоговорочно доминировало аграрное население. Следовательно, причина депопуляции состояла не в материально-социальной трансформации, а именно в духовном кризисе римской цивилизации (рисунок 19).

Первой страной, исторически перешедшей к современному типу воспроизводства в Новое время, являлась Франция. Устойчивая тенденция сокращения рождаемости наблюдалась там ещё с XVIII века. Однако по степени урбанизации Франция заметно отставала от других ведущих стран Запада. В 90-е годы XIX века, являющиеся периодом особо острого кризиса репродуктивности, доля городского населе-

ния страны составляла лишь 37,4%. Следовательно, урбанизация далеко не исчерпывала причин снижения демографической динамики. Процесс депопуляции во Франции коррелировался с «передовыми» форсированными темпами секуляризации французского общества. Рубежный характер в смене репродуктивной парадигмы у французов XVIII столетия неслучаен. Он был отражением влияния на демографические процессы просветительской дехристианизации. Франция долгое время являлась своеобразным символом полового аморализма, разрушения семейных ценностей. Показательно, что сравнительно краткосрочный период выправления демографической ситуации приходится на время правления Наполеона III, характеризующееся попыткой реанимации консервативных приоритетов.

Первая фаза демографического надлома западного мира приходится на 1910–1920-е годы. Данный феномен совершенно не синхронизируется с индустриально-урбанистическими процессами в западных

странах, высшая точка которых была пройдена там существенно раньше. Зато 1920-е стали временем широко импульсивного распространения материалистического миропонимания, атеистической пропаганды, аксиологии прагматизма. Репродуктивный кризис определялся, таким образом, парадигмой установившегося как на теоретическом, так и на бытовом уровне материализма.

Второй фазой генезиса современного типа воспроизводства явились для Запада 60-е годы XX века. Пришедший на них системный взрыв сексуальной революции, приведший к нивелировке патриархальных семейных ценностей, не мог не иметь негативных последствий для показателей рождаемости. Традиционный образ женщины-матери (для христианской семиосферы — архетип Богородицы) утратил в процессе феминизационной псевдоэмансипации свою привлекательность. Подлинный антирепродуктивный перелом в настроениях европейцев, пишет Патрик Бьюкенен, произошёл не с наступлением эпохи индустриализации, а в 1960-е годы, когда «западные женщины стали отказываться от образа жизни своих матерей».

Третья фаза продолжается в настоящее время и сопряжена с установками потребительского общества, «гедонистической дорожки», индивидуалистического самовыражения, постмодернистского релятивизма. Всё это, очевидно, несовместимо с детностью. Именно ценностная эрозия, прежде всего, и является главным фактором демографического кризиса. А соответственно, и выход из него есть вопрос ценностей и мировоззрения.

Диагноз — падение рождаемости в мире — зафиксирован точно. Но вот причины, на которые ссылается господствующий дискурс, требуют радикального пересмотра. Представление, что снижение рождаемости обусловлено технологическим и социальным прогрессом, а потому надо выбирать между про-

грессом и рождаемостью, является ошибочным. Реальные механизмы современного репродуктивного кризиса лежат глубже — в ценностных основаниях сознания.

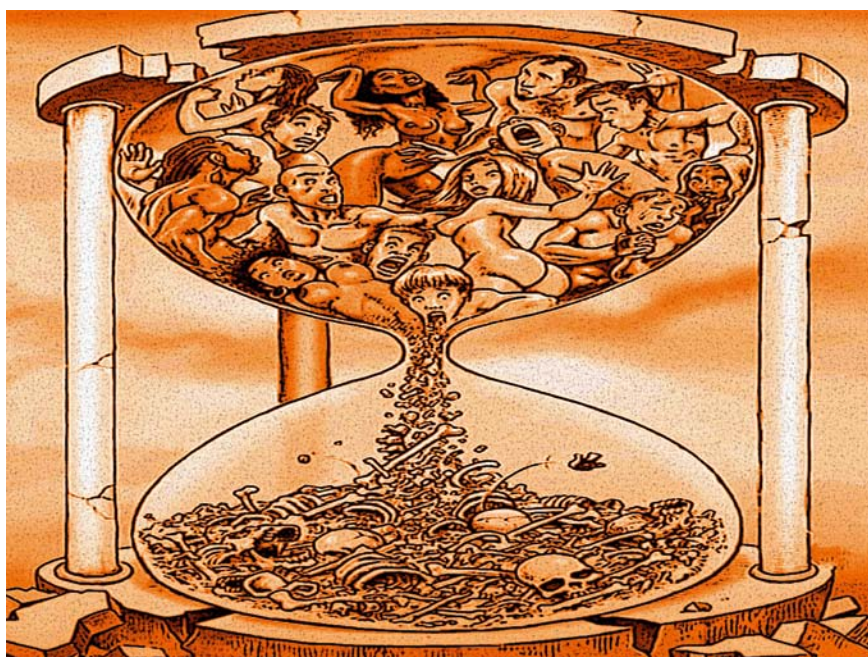
Религия и традиция формируют установки на высокую детность. Во всех традиционных религиозных системах деторождение мыслится как благо, долг, реализация высшего предназначения человека. Именно сфера сознания, установок становится тем решающим фактором, который определяет демографическую динамику.

И наоборот, секуляризм и детрадиционализация формируют установку на снижение детности, на отказ от продолжения рода как ценности. Падение рождаемости в современном мире определяется, таким образом, не технологическим развитием, а процессами секуляризации и детрадиционализации. Значит, и для восстановления высокой детности надо менять сознание человека, возвращая его к традиционным культурным кодам.

Некоторые данные оказываются весьма индикативными и в отношении состояния, а также направлений демографического развития нашего Отечества. Период с середины 1930-х годов демонстрирует важный

сдвиг: на фоне идеологического поворота в СССР наблюдается подъём рождаемости, прерывающийся предшествующее снижение. Это стало возможным благодаря целенаправленной установке на укрепление семьи, ценности детности и в целом идеологическому повороту в сторону цивилизационной идентичности. Война, безусловно, нанесла тяжёлый урон, но после 1945 года страна вышла на стабильное демографическое плато. Важно, что, вопреки концепции демографической модернизации, в сталинский период была продемонстрирована возможность изменения вектора репродуктивного падения. Первый цивилизационный надлом приходится на период Хрущёва — начинается устойчивое падение суммарного коэффициента рождаемости. Затем — кратковременная стабилизация. При Горбачёве — поначалу вновь рост, соотносимый с запросом на обновление общества. Но далее, ещё до экономического обвала 1990-х, начался новый спад, что стало второй точкой цивилизационного надлома.

Интересно соотнести показатели рождаемости с динамикой смертности и продолжительности жизни. В послевоенный период, вопреки распространённым стереотипам

о сталинизме, фиксируется устойчивое снижение смертности и рост продолжительности жизни. СССР впервые в отечественной истории приблизился к европейскому уровню продолжительности жизни при «сталинской кровавой диктатуре». Но с 1960-х годов начинается движение в противоположную сторону. Смертность растёт, продолжительность жизни у женщин перестаёт расти, а у мужчин — снижается. Всё это было в явном диссонансе с теорией демографического перехода и сугубо материальными факторами не объясняется. А вот при объяснении с позиций цивилизационного кризиса — кризиса сознания, утраты смысловых ориентиров, разрушения ценностной основы жизни — всё встаёт на свои места.

Показательно в этом контексте обратиться к давней, но методологически важной работе В. И. Якунина, С. С. Сулакшина, В. Э. Багдасаряна и др. «Государственная политика вывода России из демографического кризиса». В рамках этого исследования была выстроена четырёхфакторная модель демографического развития, предпринята попытка оцифровать посредством привлечения математического инструментария вклад каждого из факторов. На первом месте оказался фактор, условно определённый как идейно-духовный. На втором — фактор цивилизационной идентичности, игнорируемый, как правило, традиционной демографической наукой. На третьем — качество государственного управления. И лишь на четвёртом месте — материальные условия жизни.

Да, материальный фактор влияет, но его вес значительно уступает влиянию смысловых и идентичностных оснований. Более того, в ряде случаев зафиксирована отрицательная корреляция: материальное положение населения улучшается, но рождаемость падает.

Для современного экономоцентричного мира фиксация того, что есть сферы, не определяемые

действием экономических факторов, ломает всю привычную систему объяснительных материальных детерминант. Демография не то что не детерминируется экономикой, но часто проявляется прямо противоположно её направленности. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить суммарный коэффициент рождаемости по странам мира с показателями ВВП на душу населения. Наивысшие показатели суммарного коэффициента рождаемости среди стран мира за 2024 год имели по убыванию: Нигер — 6,89, Сомали — 6,42, Чад — 6,35, Демократическая Республика Конго — 6,21. Все эти страны имеют в то же время низкий ВВП на душу населения, являются экономическими аутсайдерами. Последние места в условном рейтинге по суммарному коэффициенту рождаемости имеют Виргинские острова — 0,98, Пуэрто-Рико — 0,9, Гонконг — 0,87, Республика Корея — 0,72. Во всех них высокий уровень ВВП на душу населения. Объединяет их также наличие развитой инфраструктуры развлечений.

Обе группы стран оказываются кластерно объединёнными. И получается, что высокодоходная экономика, которая могла бы обеспечить условия для высокой детности, оказывается в современном мире фактором, действующим в отношении показателей рождаемости отрицательно. Соответственно, определяет демографию не экономика, а сознание. И это означает, что экономический детерминизм, не работая в ключевой для человека демографической сфере, не работает вообще.

Если обратиться к показателям суммарного коэффициента рождаемости по субъектам Российской Федерации, мы увидим определённые закономерности кластеризации. На верхних строчках рейтинга — исключительно национальные образования. Причём не только исламские. На второй позиции после Чеченской Республики находится Тыва, на третьей — Алтай. На нижних позициях

почти исключительно регионы с неакцентированной идентичностью. Последнее место с коэффициентом 0,891 в 2025 году занимает Ленинградская область.

Что объединяет регионы с высокими показателями? Прежде всего — выраженная этническая идентичность. Там, где сохраняется сильная идентичность, наблюдается и более высокая рождаемость. И наоборот, в регионах с неакцентированной идентичностью показатели рождаемости устойчиво ниже. Следовательно, можно предположить, что, если бы в Рязанской или Ленинградской областях идентичность была бы столь же выражена, как в Чеченской Республике или Тыве, ориентир на продолжение рода (воспроизводство идентичного сообщества) там был бы выше.

Рецептура противодействия демографическому кризису не сводится к архаизации. Отказа от развития в пользу рождаемости не предлагается. Отказ от развития при интенсивном развитии конкурентов будет означать другую версию геополитической смерти. В реальности свой немалый вклад в повышение показателей рождаемости может и должна внести наука. Ранее она, как известно, внесла большую лепту в минимизацию смертности младенцев при родах и в целом младенческой смертности. Сегодня её факторная роль может состоять и в другом.

Результаты социологических опросов в отношении намерений населения иметь детей, если бы они реализовывались в реальное деторождение, соответствовали бы показателю суммарного коэффициента 2,5. Это, безусловно, не показатель традиционного общества, но уровень выше простого естественного воспроизводства. Фактический суммарный коэффициент рождаемости в Российской Федерации, как известно, 1,4. Возникает вопрос: откуда взялась дельта в 1,1 суммарного коэффициента между намерениями рожать детей и реальным деторож-

дением? Очевидно, что-то не позволило воплотить намерения в жизнь. Анализ показывает, что этой помехой оказывается физическая невозможность — бесплодие. Проблема эта медицински устранима, но она не решается (по разным причинам, как этическим, так и организационным). А между тем её решение дало бы само по себе прорывной по современным меркам демографический прирост.

Теперь необходимо обратиться к тем факторам, которые подрывают процесс естественного воспроизводства.

Говоря о факторах, подрывающих установки на детность, необходимо сказать и о смене образа жизни современного человека. Одним из ключевых процессов здесь выступает цифровизация — не как технология, а как новый формат повседневности. Происходит перераспределение времени и внимания. Время, проводимое онлайн, всё более доминирует над временем, проведённым с семьёй, друзьями, в сообществе, в храме. Цифровое присутствие вытесняет живое общение, а с ним и утрачивается сам контекст, в котором возможно рождение детей как событие, укоренённое в отношениях, доверии, общности. Цифровое пространство, как показывает социология, не просто вытеснило реальную среду — оно заместило собой всё, что когда-то формировало человека как существо общественное, семейное, укоренённое. И это перелом, произошедший сравнительно недавно.

Куда уходит время, туда уходят и смыслы. Цифровизация, будучи внешне нейтральной, на деле становится фактором деструкции семейных связей и обесценивания детности как жизненного приоритета.

Особую остроту в связи с дискуссиями по демографической проблематике приобрёл вопрос об абортах. Аборты в Российской Федерации, как известно, легализованы. Между тем далеко не во всех странах мира

это так. Безусловно, Запад, перешедший в фазу секуляризма, а затем постмодерна, навязал в значительной мере свои подходы остальному человечеству. Приоритетным в этой повестке оказалось право женщины распоряжаться собственным телом по принципу феминистского лозунга «моё тело — мой выбор» («моё тело — мое дело»). Тем не менее в 47% государств мира аборты либо запрещены, либо ограничены. Из них есть группа стран — 18,5% — с полным запрещением абортивной практики.

Обнаруживается и тенденция мирового реверса в отношении к абортам, возвращения к запретительным установкам. В Соединённых Штатах Америки легализация абортот на федеральном уровне состоялась в 1973 году на основании решения Верховного суда по делу «Роу против Уэйда». Однако в 2022 году это решение было отменено как неконституционное, а вопрос о праве на аборты отнесён на усмотрение штатов. Американский президент Джо Байден выразил крайнее неудовольствие решением Верховного суда, заявив, что Америка оказалась отброшена на 150 лет назад. Солидарность с американскими женщинами, чьи права были будто бы ущемлены, выразил и президент Франции Эммануэль Макрон. Но консервативный реванш в США по вопросам абортот стал свершившимся фактом.

Аборты в Китайской Народной Республике не просто разрешались, но и поддерживались до недавнего времени целевым образом. С 1979 года КНР реализовывала курс «одного ребёнка». Происходила борьба с перенаселением. Но вот уже Китай сам столкнулся с перспективой демографического спада. Он уже не первая держава по численности населения. На первое место по этому показателю вышла Индия.

И Китай под давлением обстоятельств меняет демографическую политику на прямо противоположную. В 2021 году в КНР абортот в немедицинских целях были запрещены. Взял курс на семью с тремя детьми

в качестве образца для китайского общества.

А что же в России? В России по праву на абортот идёт дискуссия. Пока законодательство не изменено.

В СССР имелся разнонаправленный исторический опыт отношения к абортот, и этот опыт показывает высокую степень корреляции с уровнем рождаемости. Запрет абортот в 1936 году коррелирует с заметным ростом рождаемости. Напротив, отмена запрета при Н. С. Хрущёве чётко совпадает с началом устойчивого снижения.

Вместе с тем сводить сталинскую демографическую политику исключительно к запрету абортот методологически неверно. За счёт одного запрета абортивной практики повысить показатели рождаемости вряд ли удалось бы. Речь шла о цельной, комплексной системе мер, направленной на восстановление института семьи как основы государства.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года включало не только запрет абортот, но и:

- борьбу с легкомысленным отношением к семье;
- усложнение процедуры разводов;
- увеличение материальной помощи роженицам;
- установление государственной поддержки многодетных;
- расширение сети родильных домов, яслей, детских садов;
- усиление уголовного наказания за неуплату алиментов.

Это была развёрнутая демографическая стратегия, органично сочетающая административные меры и ценностный поворот к семье. Признание ценности семьи означало признание ориентира рождения и воспитания детей.

Поворот к семье вызвал особое раздражение у троцкистской оппозиции. Показательно, что в книге «Преданная революция» наиболее жёсткую критику Троцкий направляет именно на восстановление в СССР роли семьи. Этот поворот он охарактеризовал как «семейный термидор»,

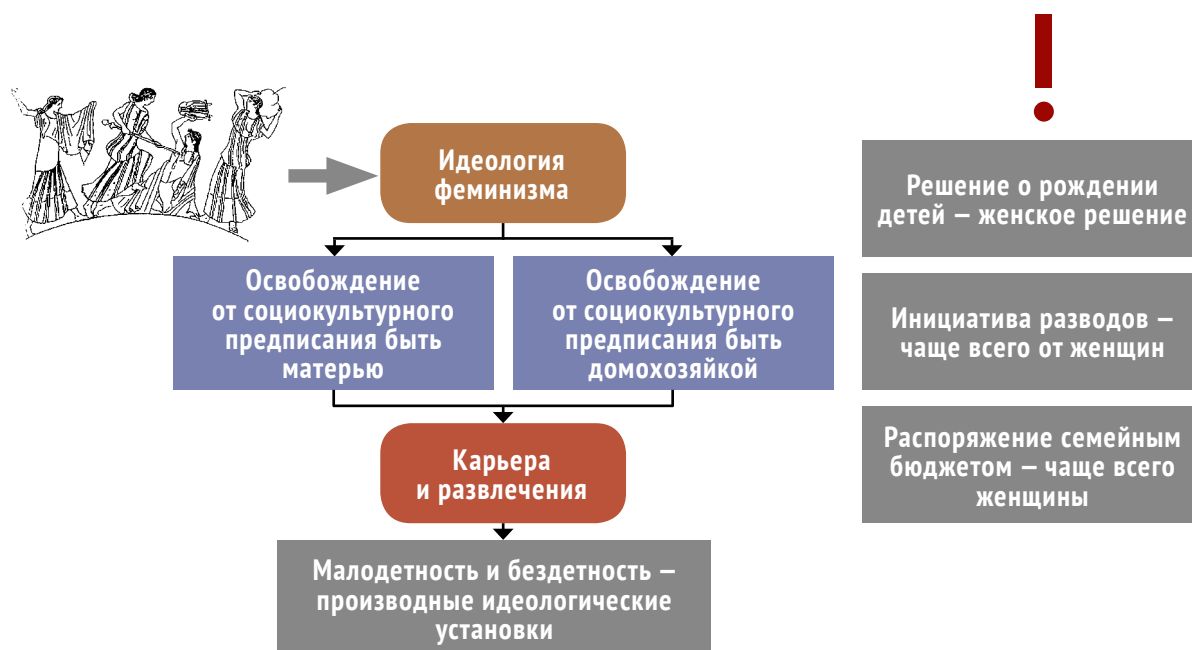

Рисунок 20.
Феминизм — деструктивная идеология

воспринимаемый им как символ предательства революционных идеалов. И также именно в семье видят главную угрозу для свободы современные враги традиции.

Если для Троцкого семейный поворот стал символом «термидора», то для современных либералов разрушение семьи — уже не отклонение, а осознанная и целенаправленная норма их идеологического вектора. Либеральный проект строится вокруг центральной фигуры — человека-индивидуума, чья свобода трактуется как освобождение от любых форм коллективной идентичности и принадлежности. Это предполагало последовательное освобождение — от религии, этноса, класса, гражданственности, семьи, пола и, наконец, от самого человеческого в человеке. На последней ступени этой лестницы — смерть человека как антропологической формы. Именно поэтому разрушение семьи является не побочным следствием либерального дискурса, а его обязательным элементом.

Разумеется, нельзя обойти вниманием процесс насаждения содомии и всей сопряжённой с ним ЛГБТ-пропаганды (ЛГБТ — запре-

щённое в РФ экстремистское движение. — Ред.), который в последние десятилетия стал одним из наиболее агрессивных векторов культурной трансформации Запада. Этот процесс — не стихийный, а форсированный, что наглядно видно по хронологии: ещё сравнительно недавно гомосексуализм был уголовно наказуем в большинстве западных стран, но менее чем за полвека произошла радикальная инверсия нормативности. Считать, что подобная философия не влияет на рождаемость, наивно: она её подрывает фундаментально.

Ричард Флорида, один из главных идеологов «креативной экономики», напрямую связывает развитие города с числом представителей ЛГБТ-сообщества. Чем больше в городе геев и лесбиянок, тем выше, по его мнению, его инновационный потенциал.

Так формируется новый образ нормы: семейность и ориентированность на детей — признак отсталости и архаики («отстоя»), тогда как бездетность, нестандартность, разрыв с традицией — символ передовитости. Происходит инверсия культурных ориентиров: не те,

кто продолжает жизнь, считаются главными субъектами будущего, а те, кто сознательно отказывается от воспроизводства.

Подобно чайлдфри, деструктивной идеологией должен быть признан феминизм (рисунок 20). В основе феминизма лежит отказ от двух базовых социокультурных ориентиров, которые традиционно определяли роль женщины в обществе, — предписаний быть матерью и хранительницей домашнего очага. Вместо них на первый план выдвигаются карьера и развлечения, воспринимаемые как главные цели жизни и мерило личной успешности. Из этой установки естественным образом следуют малодетность и бездетность — не как исключение, а как идеологически поощряемая норма. Женская реализация связывается не с продолжением жизни, а с самореализацией в сферах, оторванных от семьи и детства.

Современная социология фиксирует, что именно женщины чаще всего принимают решение о рождении ребёнка, чаще всего инициируют развод, чаще всего распоряжаются семейным бюджетом. Но при этом под влиянием феминистского дис-

курса уходит из сознания установка на материнство и семейную ответственность.

Мужчина и женщина — два разных социокультурных мира. Их природа, роль и предназначение различны, и именно на этом различии зиждется основание семьи как союза, в котором встречаются не одинаковые, а дополняющие друг друга начала. Следовательно, и воспитание мальчиков и девочек не может быть одинаковым. Это разные педагогические подходы, разные ценностные акценты, разная модель поведения. Именно поэтому в 1943 году на уровне советского государства было принято сознательное решение о восстановлении раздельного обучения, в том числе на основании уроков первых лет Великой Отечественной войны.

Однако уже в 1954 году, в условиях хрущёвской реформаторской волны, раздельное обучение было упразднено и вновь был взят курс на унификацию воспитания мальчиков и девочек. Эта унификация разрушает педагогическую систему в её базовых основаниях и, что особенно важно, негативно сказывается на демографических показателях. Стирание различий в воспитании ведёт к стиранию половой идентичности, а значит — к подрыву основ будущей семьи.

Демографические процессы управляемы на глобальном уровне. И это не конспирология, а принятая на уровне международных структур норма. Ещё в 1974 году по распоряжению президента Ричарда Никсона за подписью госсекретаря Генри Киссинджера в основные американские ведомственные структуры — Министерство обороны, ЦРУ, Министерство сельского хозяйства, Агентство по международному развитию — был направлен запрос об изучении «влияния роста мирового населения на безопасность США» и соблюдения их международных интересов. Результатом такого исследования явился составленный на уровне Совета национальной без-

опасности план NSSM-200 — Меморандум национальной безопасности США. В 1989 году с документа был снят гриф секретности, что частично приподняло завесу над стратегией американской администрации. Текст меморандума даёт основание утверждать, что снижение репродуктивности населения в мире являлось целевым политическим ориентиром. Среди инструментов этой политики использовалось, в частности, продвижение на уровне национальных государств программ планирования семьи.

А теперь соотнесём принятие соответствующих политических ориентиров глобальными политическими акторами с динамикой показателей рождаемости в мире. Вопреки представлению сторонников теории демографического перехода после Второй мировой войны и до середины 1970-х годов показатели рождаемости по миру в целом оставались примерно на одном уровне. Падение началось именно после принятия соответствующих политических решений. Вот как выглядят данные по суммарному коэффициенту рождаемости в мире по пятилетиям: 1951–1955 годы — 4,86, 1956–1960 годы — 5,01, 1961–1965 годы — 4,70, 1966–1970 годы — 5,08, 1971–1975 годы — 4,85, 1976–1980 годы — 4,08, 1981–1985 годы — 3,75, 1986–1990 годы — 3,52, 1991–1995 годы — 3,31, 1996–2000 годы — 2,88, 2001–2005 годы — 2,73, 2006–2010 годы — 2,62, 2011–2015 годы — 2,59, 2016–2020 годы — 2,52, 2021–2025 годы — 2,35. Перелом демографических показателей (причём перелом резкий) пришёлся на 1970-е годы, что трудно объяснить экономическими или социальными трансформациями, тогда как включение соответствующего политического фактора фиксируется.

В отличие от стран Запада, Советский Союз последовательно отказывался поддерживать глобальные программы «планирования семьи», основной целью которых было сдер-

живание роста населения в странах третьего мира. Более того, СССР вообще не принимал идеологии мальтузианства, лежащей в основе этих программ. В советской демографической политике не допускалась сама постановка вопроса о необходимости сокращения народонаселения как условия развития.

Особенно показательно в этом отношении признание либерального демографа, видного сторонника теории демографического перехода Анатолия Вишневого. Оценивая позицию СССР, он писал: «Международные организации стали принимать меры, чтобы в развивающихся странах замедлить рост населения, который был чреват, как было понятно с самого начала, серьёзными последствиями. Но надо сказать, что довольно серьёзным тормозом этому было опять наше любимое Отечество. Потому что позиция Советского Союза была, ну я бы так сказал, в этом смысле штрейкбрехерской. Потому что, когда все развитые страны думали о том, как сократить, замедлить рост населения в развивающихся странах, в Советском Союзе, вопреки своим собственным интересам, как это мы теперь понимаем, занимали противоположную позицию и всячески отказывались от того, чтобы участвовать в этих усилиях». Советский Союз был маркирован как цивилизационный штрейкбрехер. А что делают с теми, кого считают штрейкбрехерами, хорошо известно.

Сторонники точки зрения об эффективности тенденции депопуляции в России зачастую упускают из виду, что вплоть до **недавнего времени Российское государство официально реализовывало стратегию сокращения рождаемости**. Ещё в декабре 1991 года, при прямом содействии правительства, была учреждена Российская ассоциация «Планирование семьи». Активно реализовывалась Федеральная целевая программа «Планирование семьи», получившая с 1994 года статус пре-

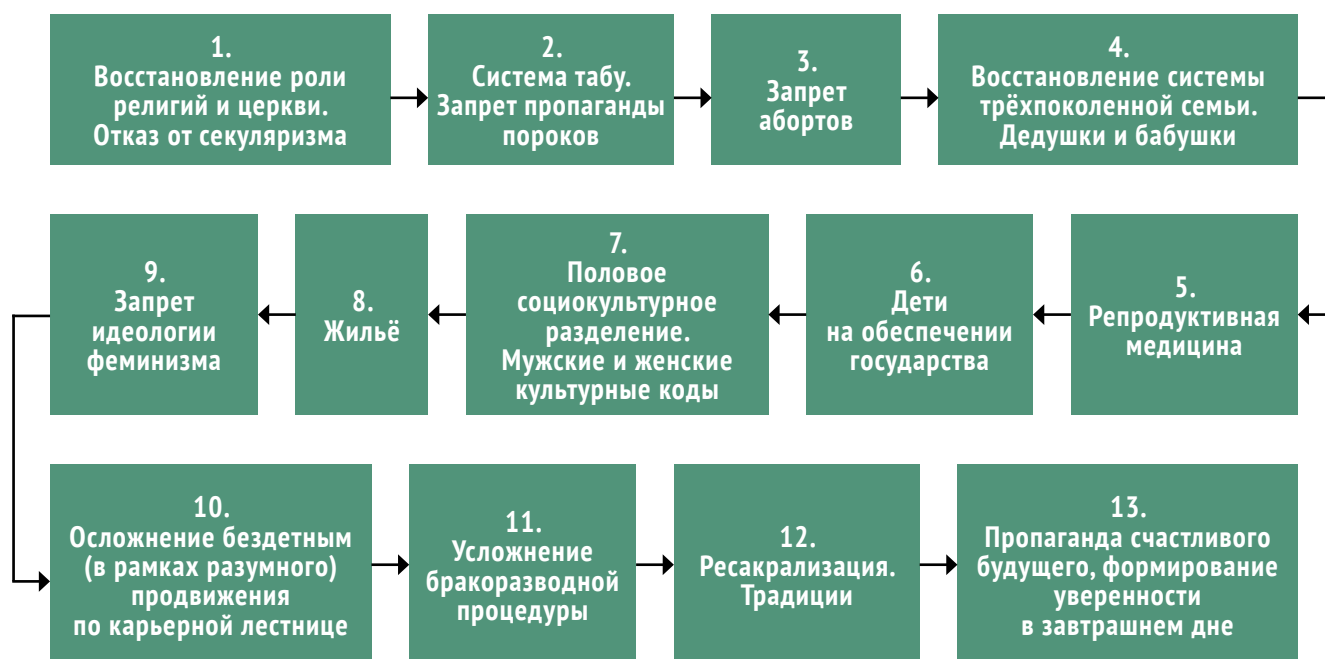

Рисунок 21.

Тринадцать стратегических шагов демографической политики

зидентской. Соответствующие региональные программы были приняты более чем в 50 субъектах Федерации. И только в 1997–1998 годах Государственная дума лишила программу «Планирование семьи» финансирования из федерального бюджета. Внедрение программ сексуального образования в школах было также приостановлено.

Демографический кризис в России был рукотворным. Вначале разращение населения, а потом уже по инерции воспроизводимые по сей день установки. Тем, кто скептически относится к таким обвинениям, можно порекомендовать обратиться к тексту Федеральной целевой программы. Её положения звучат как выдержки из плана «Ост»: «Создать российские радио- и телевизионные программы по проблемам семьи, репродуктивного и сексуального поведения... Организовать республиканские семинары для журналистов по вопросам планирования семьи и сексуальной культуры... Организовать подготовку (на конкурсной основе) и издание литературы для населения и медицинских работников

по тематике: методы и средства предупреждения беременности, здоровье родителей — здоровье детей, о сексуальной культуре для молодых супругов, профилактике СПИДа, аборте и его последствиях, беременности, родах, абортах у подростков... Разработать и утвердить программы сексуального образования и воспитания подростков, молодёжи, включающие учебный курс и учебное пособие... Обеспечить создание мультипликационных и видеофильмов, видеоклипов для детей различных возрастных групп и взрослых в области физиологии пола, сексуальной культуры, планирования семьи и профилактики СПИДа...»

Всё вышеизложенное подводит к целесообразности принятия комплекса мер, направленных на репродуктивную активизацию демографических потенциалов России.

В таблице (рисунок 21) представлены 13 стратегических шагов демографической политики страны. Все они в совокупности и многие по отдельности могут показаться радикальными и несовременными. Да, они радикальны и несовременны,

если иметь в виду, что парадигма современности завела человечество в тупик и её следует менять.

«Ну а если и это всё не поможет?» — засомневается скептик. Попробуй измени сознание современного потребителя! Должно смениться не одно поколение, а к тому времени страна может окончательно вымереть.

Что же, на этот случай есть козырь. Этот козырь есть, но по существующим правилам игры применять его запрещено. Да что там применять, даже думать о его применении нельзя. Но чтобы победить врага, надо перестать действовать по правилам врага, сменить систему правил. Правила же эти заданы системой свобод индивидуума, на которые не покушаются даже далеко не либеральные государства.

Так в чём же состоит козырь? Он предельно прост: если нельзя убедить, остаётся единственное средство — принудить. «Как это возможно?! — возмутится вся либеральная общественность. — К чему это приведёт!» И миллионы проклятий от всех феминисток и блюстителей прав человека в мой адрес...

Да так: традиционное общество побуждало и убеждало рожать детей, но, если кто не хотел, того принуждали системой установленных правил, порицаний и остракизма. Рождение детей было требованием социализации и мужской, и ещё в большей степени — женской. Допускались и исключения. Традиционная система была жёсткой, но не тоталитарной.

«Но мы-то ведь не в средневековом обществе живём!» — опять возмутятся либералы. Полностью согласен, правильно. Об этом и речь — чтобы изменить показатели рождаемости, требуется изменить систему общества в его ядре. Ядром же этим является автономность индивидуума. При автономности индивидуума рождаемость и будет объективно снижаться. Для того чтобы рождаемость росла, должно быть общество социоцентричное или теоцентричное. А для того, чтобы к такому обществу перейти, надо радикально менять всё.

Сложно? Да, насколько сложна любая системная трансформация. Возможно? Возвращаемся к исходному тезису: нет ничего невозможного. Вопрос о воле субъекта стратегического действия.

На кону между тем существование России. И экзистенциальность вызова побуждает к ответу предельно радикальному, поскольку другие, по-видимому, функционально не пригодны.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— В перечне 1 и 13 пункты кажутся тавтологией. Отказ от секуляризма подразумевает, что вместо него может быть только сакральная традиция. Тут вариантов нет, свято место пусто не бывает.

Вардан БАГДАСАРЯН:

— «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир», поэтому восстановление роли церкви в этой логике ведёт за собой и все остальные пункты. На самом деле тут все логически связано, все 13 пунктов.

Пётр КАЛАШНИКОВ, режиссер «Рой-ТВ»:

— Скажите, пожалуйста, а нужно ли вводить дифференциацию помощи многодетным семьям в зависимости от коэффициента рождаемости в разных регионах? Где этот коэффициент больше, там меньше помогать, а, допустим, в Рязанской области — больше?

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Понятно, что нужно учитывать все риски. Для этого и должна, собственно, реализовываться государственная политика, она на то и существует, чтобы не вводить какие-то общие стандарты, а усиливать там, где недостаёт, и концентрировать ресурсы там, где это необходимо. Поэтому любая государственная политика, если она проводится профессионалами — в экономике ли, демографии и других сферах, — всегда предполагает диверсификацию. Единые установки стандарта — это непрофессионально.

Александр ПРОХАНОВ:

— Когда вы сказали, что предлагаете радикальные пути восстановления

рождаемости, я почему-то думал, что вы упомянете один из самых радикальных способов, а именно: индустриальное воспроизведение человечества. Называйте его клонированием или как угодно, но этот способ существует, в биологии он уже применяется, и почему бы его не рассмотреть как, может быть, парадоксальный и суперрадикальный?

Вардан БАГДАСАРЯН:

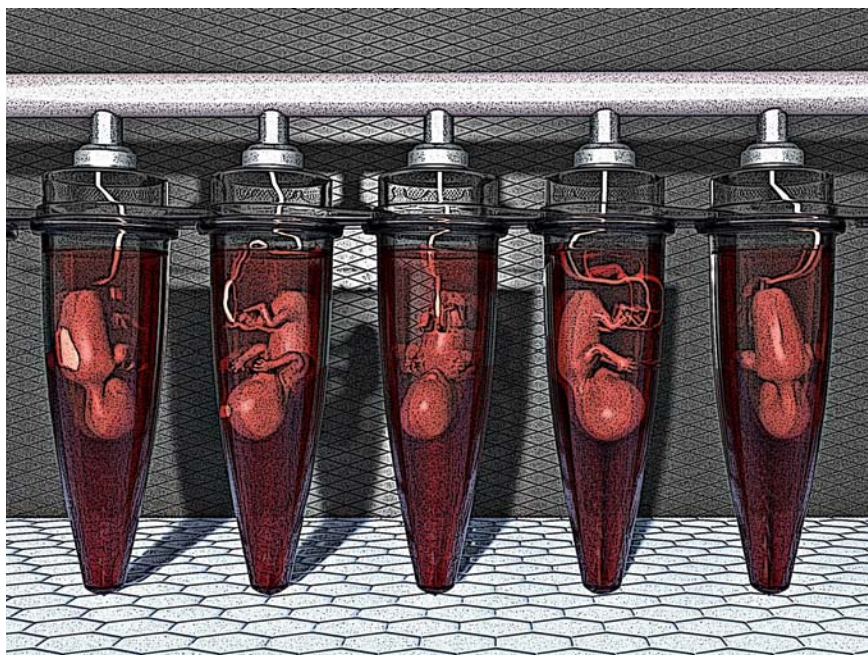
— Это вопрос фундаментальный, который выводит на отношение к смыслу жизни, к бытию. Что выше и важнее: рождаемость или спасение души? И уйдя в эти подходы, связанные с клонированием, мы можем наштамповать людей, но я, к примеру, не уверен, не будут ли это чудовища Франкенштейна в новом переиздании.

Александр ПРОХАНОВ:

— Что касается деторождения и спасения души — Иисус был бездетным.

Вардан БАГДАСАРЯН:

— И монашество, и Сам Иисус — это не тотальная установка даже в самом христианском социуме. Должны

быть в обществе и монахи, и миряне, и брахманы, и вайшьи, и аскеты, и отцы семейств. Когда все будут выполнять свои функции: брахманы будут молиться и нести духовное, воины будут воевать, ремесленники — создавать ремесленные шедевры, — тогда в этой гармонии всё установится, и рождаемость в народе будет высокая.

Вячеслав ШТЫРОВ,
экс-президент
Республики Якутия:

— Вопрос первый. Вы показали, что в 1964–1965 годах произошёл перелом некоторых демографических показателей. А что именно произошло в эти годы?

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Я не случайно назвал это «цивилизационный надлом» и пытался посмотреть на эти процессы, исходя из развития российской цивилизации. Когда цивилизация усиливает свои потенциалы, тогда и показатели рождаемости идут вверх. Когда цивилизация находится в состоянии кризиса, это отражается на всех сферах, в том числе на демографической. Так вот, период, который можно назвать сталинским, по разным оценкам, с которыми я согласен, был высшим периодом развития Российского государства-цивилизации.

Несмотря на то что решались вопросы индустриального прорыва, которые по концепции демографического перехода должны были сыграть вниз, удалось соединить традиции и индустриальный прорыв и обеспечить в этот период времени подъём показателей рождаемости. А дальше — мы как раз говорили о влиянии идейно-духовного фактора — переходят к другим ориентирам: максимальное удовлетворение потребностей граждан, главное — материальное, главное — комфорт. Из «главное — комфорт» заключается: зачем детей-то иметь? Меняется мировоззрение, и этот мировоззрен-

ческий надлом начинается в хрущёвские годы. Эта точка надлома удивительным образом проявляется и в демографии. Мы рассуждаем, что отступили от идеалов, нанесли удар там-то и там-то, в экономике и т. п. — и в демографии это проявилось, что подтверждает общую оценку произошедшего.

Андрей КОБЯКОВ:

— Несколько раз во время вашего доклада упоминалось о положительном влиянии на повышенные показатели суммарных коэффициентов рождаемости национальной идентичности, национального самосознания. Как тогда объяснить, что две такие супернационалистические, замкнутые страны с ярко выраженным национальным соотношением, как Южная Корея и Япония, оказываются во главе стран с самыми низкими показателями рождаемости?

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Объяснить все случаи, которые существуют, я бы не взялся. Но тем не менее вот моё мнение в отношении Японии и Кореи. До Второй мировой войны у Японии были очень высокие показатели рождаемости, мы были первыми, японцы — вторыми. Так что до войны Япония, несмотря на ту же индустриализацию, демонстрировала, так сказать, высоту. По поводу Кореи у меня нет таких сведений.

Ну а дальше — во-первых, оккупация, во-вторых, в то время когда Рейган пришел к власти в США, были заявлены две позиции: борьба с Советским Союзом и борьба с наступлением японской экономики. Как с ним бороться? Среди прочих средств — это пропаганда американского образа жизни и тому подобного. Капитализм не способствует демографическому развитию. Пропаганда в рамках капитализма при- были как мерила успешности — это ужасная вещь. И в проникновении

на азиатскую почву, как и всюду, она сыграла отрицательно в отношении демографии. Что же касается социализма, мне представляется, что социализм бывает разный. Соединение социализма с традицией и религией даёт определённый синергический эффект. А когда социализм отрывается от традиции (это другой тип социализма — по Троцкому, условно говоря), эффект прямо противоположный. Капитализм однозначно играет в минус, социализм — в зависимости от того, какой он.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ:

— Давайте спустимся с прекрасных религиозных небес на нашу грешную землю. Я уже здесь говорил, что церковь ежедневно освящает три храма. У нас Башкирия считается мусульманской республикой, и в ней 700 мечетей. Я попросил своих коллег выяснить, сколько же людей в них ходит? Ведь есть конкретные праздники, когда любой правоверный мусульманин непременно должен быть в мечети. Как вы думаете, сколько? Два с половиной процента. Не получается ли, что мы наливаем новое вино в старые мехи? Поэтому хотелось бы понять, как нашу громадную бюрократическую религиозную систему совместить с вашим прекрасным тезисом?

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Прекрасный вопрос. С ответа на него я перейду к демографии, но начну с другого. Президент заявил патриотизм национальной идеей России. Мы вспоминаем период Российской империи. 200 лет Полтавской битвы, 300-летие дома Романовых... Массовые торжества и парады. Несмотря на это охватить идеями патриотизма массы не удаётся. Бюрократизация патриотизма приводит в итоге к 1917 году. Мы смотрим поздний Советский Союз — та же самая история. Ленинские зачёты, юбилеи революции, юбилеи Советского Союза — всё это

огромный поток бюрократии, которая, перейдя критическую массу, играет в прямо противоположную сторону.

Понятно, что есть феномен и церковной, религиозной бюрократии. Как царь Мидас, который прикосновением всё обращал в золото, — к чему ни прикасается бюрократия, она уничтожает всё. Принципиально мы, естественно, за церковь. Но помните, в Откровении Иоанна Богослова начинается эта развёртка: разные церкви есть, некоторые церкви заявляют, что они с Богом, но «он не холоден и не горяч, а если бы он был холоден и горяч, взял бы в Царствие своё, но он не холоден и не горяч, а тёпл» — бюрократ то бишь — «и поэтому отвергаю тебя из чертогов своих». На бюрократизации попался и Советский Союз, хотя идея была великая.

Мы работаем в такой методологической парадигме на основании ценностного подхода, в которой образуются ценности, дальше цели, дальше проблемы, дальше решение проблем и средства — и достигается результат. Что такое бюрократия на этом языке? Это когда средства становятся целью и смыслом. Происходит подмена. Надо не допустить, чтобы средство стало целью и ценностью. Средство важно, и бюрократы важны, но на своем месте. А доминировать должны ценности и смыслы. Вот когда будет выстроена эта управленческая развёртка, тогда мы и победим бюрократов.

Протоиерей Владимир ВАСИЛИК:

— Можно ли сказать, что Советский Союз находился в известном философском парадоксе? «Человек произошёл от обезьяны, а потому нет больше любви, чем положить свою за ближних душу». В сталинский период доминировала душа. При Хрущёве восторжествовала обезьяна, точнее, обезьяна-потребитель. И навязывание плоскостной потребительской модели, в которой

всё «здесь и сейчас», жевать надо сейчас, а о будущем не думать, в конечном счёте погубило Советский Союз и губит сейчас нас. И, соответственно, сама демографическая проблема, малодетность-бездетность, связана с принципиальным отсутствием горизонта будущего. Заметьте, что у нас сейчас даже в прессе и в электронных СМИ слово «будущее» не звучит. Плана как такового нет. Собственно говоря, перспектива — «живи и наслаждайся сейчас». Но человек-потребитель рано или поздно станет человеком-свиньей и, соответственно, свиньей для чужого ножа. Как вы считаете, возможно ли в наше время выдать этот большой план бытия, большую веру — в Бога, в Абсолют, веру в ценность своей жизни, которая бы могла способствовать тому великому прорыву, который был бы сравним со сталинским?

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Я услышал два связанных между собой вопроса, первый — о соотношении идеального и материального. Любая цивилизация развивается, когда идеальное ставится выше материального. Когда материальное ставится выше идеального, цивилизация гибнет. Развитие возможно только в движении к идеальному. Когда народ разлучается с идеалом, приручается миром дольным, цивилизация сыплется. Все мыслители, которые работали в цивилизационной парадигме, и Шпенглер, и Леонтьев, говорили: материализм не как идея «что первично, что вторично», а материализм как этический подход — «материальное выше идеального» — это признак гибели любых цивилизаций. Любое общество, в моем видении, выстраивается на определённой ценностной вертикали, а именно: идеальное выше материального, воин выше торговца, учитель выше ученика, учёный выше профана и так далее. Это вертикальное общество не в плане социальной иерархии,

а в плане естественного паритета ценностей, которые развиваются в обществе.

Дальше возникает общество, так сказать, горизонтальное. Учитель равен ученику, воин равен торговцу, а может быть, торговец и выше, профан равен учёному. А дальше — вектор-то задан — возникает перевёрнутое общество. И то, что было внизу, оказывается вверху. И когда Мамона начинает доветь, будущего у этого общества нет. В православный период было понимание будущего, в советский период тоже. А сегодня, куда мы идем, непонятно. Даже сейчас обсуждается новая стратегия образования России, в которой нет главного: какого человека мы формируем. Ведь исходя из того, какой человек как целевой ориентир, это разные пути, разные институты, технологии, разные предметы и так далее.

Поэтому действительно должно быть понятно, что показатели рождаемости не могут быть высокими, если нет уверенности в завтрашнем дне. Если есть уверенность, что твоя страна будет побеждать, развиваться, о чём говорил Максим Калашников, значит, есть уверенность за своих детей. И этот образ будущего является, в том числе, фактором демографии.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Вы не рассматривали эффект первого, условно говоря, поколения, которое пришло в индустриальное общество из села и ещё рождает, тогда как их дети (второе поколение индустриального мира) уже не хотят рожать?

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Это, безусловно, важный фактор, что есть люди, пришедшие из села, и у них есть традиционные христианские установки. Всё это правильно, и это работает, но дальше возникает следующее. По этой логике показатели рождаемости должны снижаться, но там, где восстано-

ливаются ценности и государство акцентированным образом ведёт политику восстановления этих ценностей, происходит подъём. Примеры: сталинский СССР, фашистская Германия, где после Веймарского падения они тоже смогли это сделать. Был такой же период в Иране, а потом, как началась секуляризация, они в плане рождаемости пошли вниз. Вся дискуссия по демографии происходит на предмет того, возможно ли изменить вектор демографического угасания. Я пытаюсь дать некую надежду: этот вектор возможно изменить, переломить, влияя на сознание. Человек обладает сознанием, он имеет возможность выбора той или иной стратегии, выбора в конечном итоге между добром и злом. И сознание — это главная установка.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Все-таки в селе каждый новый ребёнок — это подмога, а в городе, в квартире — это лишний рот.

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Безусловно, мы смотрели на фактор урбанизации. Городская среда менее комфортна для демографических показателей. Но является ли это приговором? Когда мы про-

водили исследования, мы ссылались на опыт Латинской Америки. При высокой степени урбанизации там были достаточно высокие демографические показатели. Сейчас, правда, там не так, но был период, который показывает, что это возможно, то есть однозначного приговора нет. Сторонники демографической модернизации говорят: нельзя ничего сделать, город выносит приговор человеку. А мы пытаемся найти основания — и исторические, и современные прецеденты, — когда есть иное. Давайте решать среди 13 позиций и жилищный вопрос — и соединить, как вы предлагаете, высокое промышленное развитие с высокой детностью. Пусть это будет, так сказать, наша сверхидея.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Я думаю, что все равно нужен, как сказано в «Аэлите», хороший дом, летающая лодка и не меньше десяти хашей. И третий вопрос. Не поспешен ли вывод, что экономика не влияет на рождаемость? Может, всё-таки дело в самой модели экономики? При высоких доходах рождение ребёнка ухудшает материальное положение, а при низких — улучшает. Может быть, всё же подкрепить духовное материальным?

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Без всякого сомнения. Экономика на рождаемость влияет, но в меньшей степени. Наша четырёхфакторная модель показывает, что на первом месте — идейно-духовный фактор, там корреляция близка к одному. Материальное тоже влияет, но оно находится на своей позиции, оно не выше позиции идейно-духовной. Поэтому предложение подкрепить я разделяю.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Я хочу напомнить, что у нас уже звучал этот тезис: мелкобуржуазный тип экономики убивает демографический потенциал в любом случае, даже если этот мелкобуржуазный уклад распространяется на большую часть общества. То есть общество просто теряет мотивацию к размножению по мере роста потребительской мотивации. Социализм у нас именно на эти рельсы перешёл в 60-е годы, так называемый «потребительский социализм», «гуляш-коммунизм» и т. д.

Вячеслав ШТЫРОВ:

— Царская Россия была мелкобуржуазной и при этом большеродной...

Вардан БАГДАСАРЯН:

— В данном случае понятие буржуазности рассматривается не в марксистском дискурсе — русский общинник этически не был европейским буржуа. Это скорее не буржуазность по типу деятельности, как её классифицировал Карл Маркс, а буржуазность по ценностным ориентирам. Хотя и был, безусловно, выведен в «Челкаше» Горького Гаврила, мелкобуржуазный тип с кулацкими ориентирами. Но в России доминировало другое начало, оно определяло ценностные ориентиры русской цивилизации. Поэтому я бы в нашей постановке вопроса о мелкобуржуазности русского крестьянина не говорил.

Финальная часть дискуссии в Изборском клубе.

Решение – за комплексным подходом

Вячеслав ШТЫРОВ:

— Я не буду излагать свои взгляды на демографическую политику, которая должна реализовываться в нашей стране. Я затрону вопросы, которые носят чисто методический характер и над которыми надо подумать всем вместе.

Создатель создал нас и наделил разумом и волей. При помощи разума мы должны постичь проблему, которая стоит перед нами. А дальше у нас свободная воля: будем ли мы её решать, или не будем. И когда мы решаем эту задачу, мы долж-

ны подходить к ней с точки зрения естественнонаучного подхода, который, к сожалению, всё время уменьшается в целом по стране. Вот и сегодня наш разговор в основном свёлся к метафизическим вопросам. Якобы какие-то негодяи изобрели теорию демографического перехода, используют её для того, чтобы вручить, скажем, Киссинджеру, чтобы он организовал движение, направленное против нас.

Так-то оно так, но, на мой взгляд, жизнь гораздо сложнее.

Мы должны воспринимать человека во всех его ипостасях с точки

зрения естественнонаучного подхода. В человеке есть, в том числе, и материальная основа. Человек — это физическое тело, как говорил Карл Маркс, белковое тело, которое обменивается с окружающей средой веществом, энергией, информацией. Человек — не только биологическое существо, он наделён разумом и не может существовать вне общества, потому что прожить в одиночку он не сможет. Амёба сможет, тигр сможет, а человек — нет. Поэтому он одновременно выступает в трёх ипостасях: биологическое существо, социальное существо и человек раз-

умный, который способен воспринимать абстрактные понятия, способен понять роль Создателя и воспринять какие-то идеи, которые реализуются через его деятельность и, между прочим, через его физиологическое состояние.

О чём я хочу сказать? Демографический переход существует, и он связан с биологической сутью человека. Потому что человек с биологической точки зрения рождается на свет только для того, чтобы оставить потомство. Это вытекает из фундаментальных законов бытия, из второго закона термодинамики, закона сохранения энергии и так далее. Человек приходит на этот свет только для того, чтобы оставить после себя потомство, вырастить его до работоспособного состояния. На этом его миссия как биологического существа закончена, он может отправляться в мир иной. У разных существ этот период разный. Применительно к человеку это примерно 40 лет. После 40 лет человеку уже нечего делать на этой планете. Он достиг зрелости, и половой, и социальной, и любой другой, и вырастил себе смену. На всякий случай природа заложила двукратный резерв, поэтому человек живет до 80 лет. Поскольку вероятность гибели конкретного существа очень высокая, он на всякий случай должен в 40 лет вновь начать этот цикл. Вот почему на рассматриваемых сегодня графиках ни западные страны, ни мы не можем пересечь условную границу продолжительности жизни — 80 лет. Редкие человеческие экземпляры доживают до 120 лет, но большинство погибает раньше. Такие границы заложила природа.

В чём тут смысл? Биология подталкивает человека к тому, чтобы воспитать себе потомство и потом ещё немножко пожить. Но как ты будешь жить в этот период дожития после сорока? Тебя должны содержать твои потомки, поэтому должны существовать одновременно три поколения. Это биологическая по-

требность человека, независимо от идеологии.

И демографический переход означает следующее: в ходе развития техники, технологий, науки, систем медицины и, самое главное, социального и пенсионного страхования человек достигает такой стадии существования, когда ему уже не надо рожать много детей. Раньше, чтобы выжило два человека, рожали 10. Покопайте свою биографию, пойдите в архивы — вы узнаете удивительные вещи про свои семьи. У ваших предков было не по пять-шесть детей. Их было человек по 15, они все поумирали в младенческом возрасте. Надо было иметь десять детей, чтобы двое достигли взрослости и могли потом содержать стариков. Вот откуда огромная рождаемость в так называемом традиционном обществе. 50% детей в царской России умирали в возрасте до двух лет. Вторая полоса смертности — четыре года. И только единицы доходили до зрелого возраста.

Вторая причина высокой детности — нужны были рабочие руки. За исключением перенаселённых районов России, где не хватало рабочих рук. И маленький ребёнок с самого детства был работником. Я вырос в крестьянской семье и с пяти лет уже знал свои обязанности, и чем старше становился, тем больше обязанностей у меня появлялось.

По мере развития медицины, системы социального обеспечения, особенно пенсионного, стала отпадать необходимость рожать десять детей, чтобы осталось два. Более того, тебе вообще не нужны потомки: на пенсию проживёшь и так. Это и есть демографический переход. Его достигают страны определённого уровня развития, даже не технологического, не научного, а достигающие определённого уровня богатства.

Когда вы показываете, что в Советском Союзе было по-другому — да, было, благодаря целенаправленной политике партии и правительства.

Но с другой стороны, развивался точно такой же процесс, как и везде. В 1920-е годы Советский Союз был типичной бедной аграрной страной, в которой не было ни пенсионного, ни какого-либо другого обеспечения, в которой большинство населения было занято в сельском хозяйстве. Индустриализация началась только в 1930-е годы, и даже люди, которые попадали в сферу индустриального производства, вынуждены были содержать свои земельные участки, чтобы сажать огороды. Вот почему у них были большие семьи. Только в 1960 году ввели пенсионное обеспечение всех жителей нашей страны. Оно шло поэтапно, в 30-е годы даже не все рабочие имели пенсию, колхозники её не имели и так далее. Поэтому действовала биологическая необходимость иметь много детей. По мере развития, накопления богатства период демографического роста закончился, и как раз в 60-е годы начался демографический переход, рождаемость стала падать в соответствии с теми законами, которые были открыты учёными-демографами.

Почему я про это говорю? Мы с вами должны понимать, что действуют не только субъективные обстоятельства, не только пропаганда бездетности, ЛГБТ, не только пьянство и аборт, но ещё и объективные закономерности, и нам надо научиться им противостоять. У нас другого выхода нет, мы должны преодолеть этот переход, повернуть его вспять. Но нам нужно понимать, в чём его причины, и подход у нас должен быть комплексный: и биологический, и социальный, и экономический, и идеологический. Идеология здесь играет огромную роль, я с вами согласен. Поэтому я думаю, что тут должен быть целый план, и все эти вопросы мы должны понимать в комплексе. Только тогда мы сможем выработать нужную политику.

В плане рецептов мне очень нравится, что здесь говорится. В частности, идея народооборота, о кото-

рой говорил Сергей Валентинович Чесноков. Это великолепная основа для целого плана действия, для государственной программы, для стратегии развития, потому что она охватывает жизнь человека начиная с зачатия, даже с подготовки к зачатию. В этой концепции выявлено много разных проблем, с которыми надо работать. Там и аборт, и тот факт, что беременную женщину не принимают на работу, и вопрос зарплаты мужчин-отцов.

Здесь сегодня прозвучали великолепные предложения, на мой взгляд, они никакие не радикальные, а мягкие, умеренные. Но мы должны понимать, что проблема комплексная, мы должны её по полочкам разложить, подробно расписать. Мой доклад — это чисто методическое замечание; кстати, могу сказать, как проверить его правоту. Давайте отменим систему пенсионного обеспечения — вы увидите, как сразу же подскочит рождаемость.

Ещё интересный момент насчёт национальных республик, из 20 субъектов 13, где сейчас наибольшая рождаемость. Мы говорим о том, что это их идеология, что они настроены благодаря их религиям, устремлениям и т.д. Давайте проверим другой факт. Те национально-государственные образования, которые имеют стандартную модель экономики, где преобладает промышленность и городское население, не имеют роста населения. А в этих 13, которые находятся в передовиках по демографии, уровень сельского населения выше, чем в среднем по России.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Но они же и пенсии получают.

По поводу предложения насчет отмены пенсии: когда мы в 2005 году писали Русскую доктрину, один предприниматель сказал: вот главный тезис, вот на этом мы поднимем Россию — надо отменить пенсии! Помнишь, Андрей Борисович?

Андрей КОБЯКОВ:

— Да, помню. Я понимаю, что это не призыв, но в обществе действительно витают такие идеи. Одно дело — не вводить, совсем другое — отменить. Когда было большое количество детей, внуков и так далее, это была одна проблема. А когда уже несколько поколений прожило в новой модели после демографического перехода, когда ни детей, ни внуков или один-единственный ребенок, и вы отменяете пенсионную систему — это значит просто обречь на голодную смерть всё старшее поколение.

Какие-то изменения, наверное, будут неизбежны при такой демографии. К примеру, моя дочь на пенсию не рассчитывает, собственно, и я уже особо на неё не рассчитывал, что уж говорить про наших детей. Будет совсем другое соотношение иждивенцев и работающего населения. Поэтому, я думаю, пенсии как таковой просто не будет, либо она будет иметь сугубо символический характер. Эта проблема, кстати, — проблема старения населения, и то, что демография сводится у нас только к проблеме рождаемости, мне кажется неверным. Я бы хотел поддержать в этом отношении Вячеслава Штырова.

Все доклады замечательные, интересные. Естественно, что у каждого исследователя этой проблемы появляются свои доминанты, но мне кажется, что проблема действительно имеет комплексный характер. Взять хотя бы вопрос, который у меня возник по ходу: фактор национальной идентичности может работать с точностью до наоборот, потому что, возможно, его перекрывает совсем другой фактор. Сказывается и фактор малой территории в той же Японии, скученность населения в архигромных городах с очень маленьким размером жилья. Как мы знаем, в Японии очень низкая обеспеченность квадратными метрами по естественным причинам. Там практически такая же

численность населения, как в России, всего лишь на 10 миллионов меньше. И сравните территории России и Японии, просто взглянув на глобус. Поэтому проблемы, которые мы затронули, очень многообразны.

По поводу ещё некоторых прозвучавших предложений: мне в целом по душе и программа, озвученная Максимом Калашниковым, но один тезис показался неверным. Он тоже является камнем преткновения со времён, когда мы писали Русскую доктрину, и позже работали вместе в Институте динамического консерватизма. С нами тогда работал Сергей Алфёров, который высказал ту же самую мысль: налогообложению должны подлежать только физические лица. Я категорически против.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Нет, я имею в виду, что физические лица должны сами платить налоги, а не их работодатели. То есть если человек получает зарплату на предприятии, пусть 43% он отдаёт сам, лично.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Человек должен чувствовать свои доходы, осознавать свои доходы, да?

Андрей КОБЯКОВ:

— Но в действительности мы будем иметь дело с очень разношёрстной публикой. Во-первых, не соберем налоги, во-вторых, люди будут просто игнорировать их уплату. Если сделать это так же радикально, как взять и отменить пенсии, — это будет иметь сугубо негативный эффект.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Я не предлагаю снижать нагрузку, я предлагаю, чтобы работник, который получил 100 тысяч рублей на руки, 43 тысячи отдавал сам. И если будет местное самоуправ-

ление, от этого не уклонишься. Это меняет психологию людей.

Андрей КОБЯКОВ:

— Ничего не меняет. Если сохранить тот же самый объём поступлений, ты должен будешь платить своему работнику, скажем, не 30 тысяч, а почти на 50 процентов больше. Издержки у предпринимателей не снижаются, мотивации не появляются.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— У человека меняется мотивация. Он иначе смотрит на государство: «я его содержу на свои налоги». Он смотрит совершенно другие передачи, читает другие книги, и на выборах он голосует по-другому.

Андрей КОБЯКОВ:

— Я согласен, что необходимо повышать уровень самоорганизации, потому что это повышение субъектности. Именно субъектно и принимаются позитивные решения, в том числе демографического толка, касающиеся деторождения, крепкой семьи и так далее. А сейчас развит инфантилизм.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Когда ты не сам платишь налоги, а это делают за тебя — развивается инфантилизм.

Андрей КОБЯКОВ:

— Это не столько налоги, сколько социальные, страховые отчисления...

Николай НИКОЛАЕВ,
депутат Государственной
думы, профессор Высшей школы
экономики:

— Я хотел сказать об одном аспекте, над которым я предлагаю подумать и по поводу которого пытаюсь везде достучаться, в том числе и в Государственной думе.

Действительно, конец 50-х — начало 60-х годов стали переломными. Мы тоже смотрели статистику, когда готовили целый ряд законопроектов, связанных, в том числе, с признанием жизни до рождения, с абортами и тому подобным. И обратили внимание вот на что. В этот же период активно принимались те документы, которые усиливали акцент на правах человека. И если посмотреть, что происходило в этой области, мы увидим, что по мере усиления темы прав человека, особенно вопросов, связанных с правами детей, у нас стала заметной тенденция, во-первых, к уменьшению рождаемости, во-вторых, к увеличению числа разводов. Люди не оставляют мечту о создании семьи, они создают её, но потом у них что-то не получается, и поэтому семьи разваливаются.

Когда мы усиливаем влияние на семью и забываем о суверенитете семьи, мы уводим тему защищённости в отрицательную зону. Человеческого не нужно учить рожать детей. Главное — ему не мешать. Когда речь идёт о демографии, мы рассматриваем многодетные семьи, отдельных людей, но не рассматриваем семью как защищённую единицу. Мы го-

ворим о традиционных ценностях, но не говорим о том, что на всех территориях с высокой рождаемостью эти ценности, прежде всего, выражаются в недосагаемости внутренних дел семьи для внешнего контроля и вмешательства. Попробуйте в Чечне сказать, что у него дома что-то не так, попытаться отстоять права женщины или ребёнка или забрать из семьи ребёнка. И вопрос не в том, что он, к примеру, правоверный мусульманин, а в том, что традиционные ценности на этих территориях выражаются, в первую очередь, в суверенитете семьи как единицы.

И если мы будем рассматривать возрождение страны и населения с этой точки зрения, то увидим, что целый ряд вопросов, которые мы сейчас педалируем, приведут только к отрицательным результатам. Например, вопросы, связанные с обучением детей. Вспомните, одним из элементов развала семьи в Советской России была передача детей на воспитание общества.

То же самое — медицина. Мы стараемся, чтобы у нас здоровье было репродуктивным и вводим в диспансеризацию в обязательном порядке контроль за репродуктивными функ-

циями, в том числе и детей. Но это же прямое вмешательство в частную жизнь, в том числе жизнь семьи.

Таким образом, развивая вопросы, связанные вроде как с обеспечением здоровья, мы забываем о суверенитете семьи. А человек без семьи не размножается. Бывают, конечно, исключения, но реально мы предрасположены именно к созданию семьи и рождению детей в семье.

Посмотрите, как это было в Европе, — абсолютно то же самое. И когда мы говорим сейчас о статистике, например, послевоенного всплеска рождаемости, это означает на самом деле, что имел место возврат к ощущению защищённости семьи. Если мы говорим о том, что Китай сейчас уменьшает рождаемость, он и будет уменьшать, потому что там у них только усиливаются вопросы, связанные с правами человека, с вмешательством в дела семьи и так далее.

Андрей КОБЯКОВ:

— Мы затрагивали в одном из номеров журнала «Изборский клуб» тему

повышения юридической субъектности семьи. Семья как субъект права практически отсутствует в законах Российской Федерации. И абсолютно верно: многие индивидуальные права вступают в противоречие с интересами и семьи, и демографической мотивацией.

Валерий Коровин,
*директор Центра
геополитических экспертиз:*

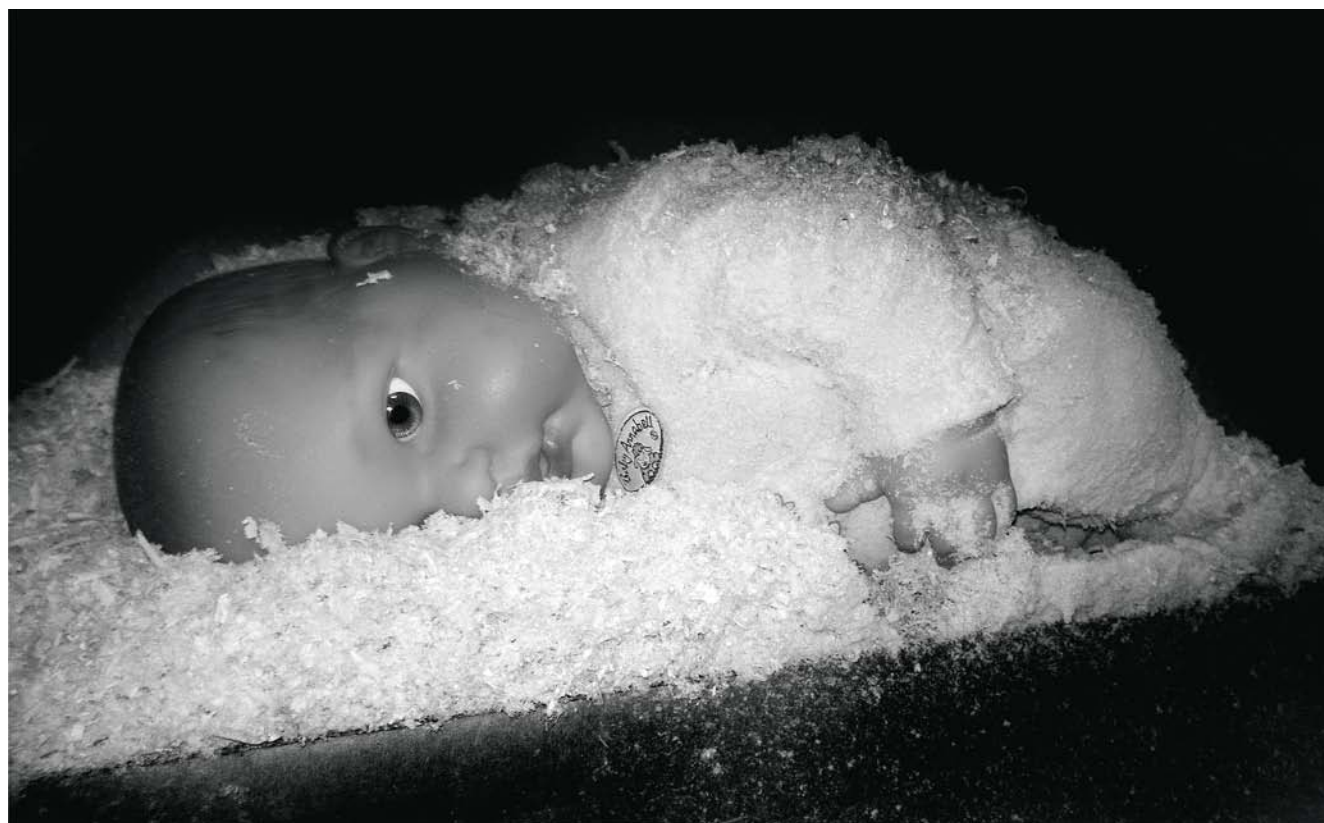
— Собственно, я тоже занимался этой темой много лет и пришёл к двум основным выводам насчёт того, что может увеличить рождаемость. Первое — это аграрная среда, второе — традиционное общество. Обоснование этим двум тезисам, собственно, дал сегодня Вардан Эрнестович Багдасарян. Из них вытекает ещё один пункт — расселение мегаполисов, о которых говорит Дугин, о чём упомянул сегодня Максим Калашников. Но это совершенно не означает никакой полпотовщины, что кто-то будет насильно сгонять людей на землю. Речь идёт

о создании со стороны государства среды для переселения в аграрную местность, а таких возможностей у государства достаточно.

Уже сейчас жизнь в мегаполисах для многих невыносима, есть имущественный, экономический ценз. Жить в мегаполисе очень дорого, есть и контроль — тот самый цифровой концлагерь, который сегодня упоминался. А в аграрной среде его быть не должно, и чем дальше от города, тем должно быть больше свободы, больше возможностей для нормальной человеческой жизни.

Собственно, эти два фактора закрывают 90% поставленной задачи. Если взять необходимые демографические результаты за 100%, то 45% — это традиционное общество, 45% — аграрная среда и 10% — какие-то бытовые детали типа доступной медицины, экономической поддержки, образования и прочего.

Это и есть некая квинтэссенция, обоснованная докладом Вардана Эрнестовича, с которым я в целом согласен. Двигаться надо, на мой взгляд, именно в этом направлении.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Маленькая поправка насчёт медицины и бытовых деталей. Это, конечно, не совсем так: проблема бесплодия стоит во весь рост, это огромная проблема, она охватывает до 40–50% населения. Переселяя людей в сельскую местность, вы эту проблему автоматически не решите. В лучшем случае позитивные изменения произойдут только в следующих поколениях.

Вячеслав ШТЫРОВ:

— Примерно о том же говорил Максим Калашников: промышленные поля, промышленные полисы, которые находятся на удалении от мегаполисов, если хотите, города — дублёры крупных городов. Русское село изменилось таким образом, что его уже, по сути, нет. Достаточно посмотреть на чернозёмную зону начиная от Тулы и заканчивая Воронежем, Краснодаром и так далее. У нас в школе висела иллюстрация, как после реформы 1861 года крестьянина ограбили, и он стоит, бедняга, на одной ноге в лапте, на крошечном пятнышке земли. Сейчас эта карикатура воплотилась в реальность. Земли скуплены, и крестьяне на этой земле не нужны. Посмотрите на Орловскую, Белгородскую губернии. Земля вокруг деревни распаханная, но ни один её житель не работает, его на работу не берут, а берут таджиков.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Сверхпродуктивное сельское хозяйство — это сегодняшняя реальность. В усадебном поселении можно заниматься не только сельским хозяйством, а и высокими технологиями, и наукой, и инновациями. У Дугина читаю: никаких тракторов, комбайнов, только «храп коня».

Валерий КОРОВИН:

— Это нужно для сохранения архетипов русского человека. Дугин

не говорит о том, что только это должно остаться.

Максим КАЛАШНИКОВ:

— Я считаю, что можно сохранить архетип, занимаясь биотехнологиями, а не только возвращаясь к сохе.

Валерий КОРОВИН:

— Одно другому не мешает и не противоречит.

**Протоиерей
Владимир ВАСИЛИК:**

— Человек есть духовно-душевно-телесное единство. Подход к этому должен быть абсолютно комплексным, должно быть созидание и воссоздание русской общинности — полагаю, вокруг прихода. В этих поселениях, безусловно, должен быть и храм, и школа, и медицинский пункт; если поселение большое, то и больница, и дом культуры. Это должны быть дома типа таунхаусов с большими участками для приусадебного хозяйства. Насчет сбыта: сбыт всегда будет, потому что планета голодает. Если одни страны купаются в избытке сельхозпродукции, то другим её недостаёт. Кроме того, вопрос стоит об экологически чистой сельхозпродукции. То, что мы сейчас едим, — это не совсем еда. И как раз на основе экологически чистых технологий можно и нужно дать работу миллионам.

Вардан БАГДАСАРЯН:

— Мне кажется, мы подошли к очень важной, фундаментальной проблеме. Исследуя демографическое поведение — как действует человек, мы должны ответить на вопрос «кто такой человек?». Не ответив на этот вопрос, мы не поймём его поведение. А вопрос этот не столь очевидный. Нам навязано как минимум две модели, которые сложились исторически в рамках западной культуры. Первая модель — человек есть индивидуум. Какие тут могут

быть установки на высокую рождаемость? Он будет проявлять свою индивидуальность. Индивидуализация — в этом и состоит тренд. Вторая модель: человек — социальное животное. Это означает естественный подход и, конечно же, материальную доминанту. Если мы даём другое понимание определения человека — человек есть образ и подобие Божие, собрат во Христе, — это другое понимание человека и другая установка демографического поведения.

Александр ПРОХАНОВ:

— Были высказаны грандиозные идеи, они абсолютно нетривиальны, революционны, и я думаю, что мы в нашем изборском искании продвинулись достаточно далеко. Здесь были представлены знания, проверенные и опытом, и наукой, и постоянным думанием, размышлением над поставленными вопросами.

Но не секрет, что биосферы сегодня становится всё меньше, на неё наступает техносфера. Вячеслав Анатольевич Штыров говорит, что проблема рождаемости лежит в биологической природе человека. Наверное, это так, но биологическая природа подвергается мощнейшему давлению нарождающихся техносферно-технократических явлений. И в проблему, которую мы с вами сегодня обсуждаем, предполагается мощнейшее вторжение того, что я называю машиной. А государство — это мегамашина. Вершина техносферы — это оснащённое механизмами государство, и без его мощнейшего вмешательства в эту проблему не обойтись.

Видимо, Россия, как и всё человечество, ушла от того состояния, когда деторождение может быть естественным, и его не отдать на откуп женским или мужским инстинктам. Придётся вмешиваться государству всей своей мощью, всей своей компетенцией, всей своей осторожностью и всей своей грандиозностью. Только так можно будет разрешить эту проблему.

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Доклад Рэнд-корпорэйшн О ВОЗМОЖНОЙ ВОЙНЕ РФ и НАТО

Как США реально оценивают русские военные возможности?

Откроем новый (июнь 2025-го) доклад РЭНД-корпорации «Рассеянные, замаскированные и разлагаемые» (Dispersed, Disguised and Degradable). Применив индуктивный подход в изучении войны на Украине, эксперты РЭНД оценили то, что может происходить в случае двух возможных столкновений: войны между НАТО и РФ в Восточной Европе и столкновения США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И начнём мы, конечно, с первой части.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ ВОЙНЫ НА УКРАИНЕ

- Система «доставки больших масс взрывчатки» меняется. Если раньше эту роль играла в основном артиллерия, то в будущих конфликтах с участием США могут использоваться другие системы. А именно — беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Они уже обеспечивают высокую точность поражения целей на больших расстояниях. Отличаясь дешевизной, БПЛА могут стать надёжным дополнением к артиллерии в затяжных конфликтах.
- Различие между крылатыми ракетами и беспилотными летательными аппаратами одностороннего действия (камикадзе, OWA) размывается. Хотя крылатые ракеты сегодня несут большую полезную нагрузку на более высоких скоростях, нежели дроны-камикадзе, БПЛА обладают уникальной способностью зависать в воздухе. Технический прогресс, вероятно, приведёт к увеличению размеров, веса, мощности и автономности дронов, тем самым стирая различия между этими двумя классами вооружений. Следовательно, будущие военные могут рассматривать крылатые ракеты и беспилотные летательные аппараты как элементы одного и того же континуума.
- В ходе наступательных операций армия сталкивается с более сложными задачами: соотношение сил нападения и обороны может быстро измениться.

Но российско-украинская война продемонстрировала и ряд более сложных задач. Например, превосходство в воздухе в будущем окажется недостижимым. Проблемы возникают из-за постоянного наблюдения и большей прозрачности на поле боя, из-за расширения возможностей по нарушению системы командования и контроля, а также в силу интеграции наблюдения и ведения огня на большие расстояния. Всё это используется для повышения эффективности традиционных мер защиты территории и противодействия, таких как минные поля.
- Затягивание сроков боевых действий требует адаптации: в затяжных войнах необходим другой набор заменяемых и экономически эффективных средств, которые могут быть быстро развёрнуты и использованы. Результаты боевых действий могут быть продиктованы производственными решениями в стране, в том числе, принятыми заранее.
- Необходимость обращения за внешней помощью для поддержания затяжного конфликта — это вопрос не «если», а «в какой степени?». Внешняя поддержка необходима для ведения и поддержания войн высокой интенсивности. Государствам с более ограниченными возможностями внутреннего производства необходимо будет обратиться за такой поддержкой заранее. Но стимулы для её использования внешней будут иметь место у всех государств. Такая поддержка может помочь будущим участникам боевых действий выдержать затяжные конфликты высокой интенсивности (или приспособиться к ним), используя возможности, которые могут предоставить союзники или партнёры. В свою очередь, противник в подобных войнах будет делать всё для предотвращения или прерывания таких поставок.
- Компетентность имеет такое же (если не большее!) значение, что и технологии. Боевые действия на Украине продемонстрировали неизменную важность тактического мастерства, продуманного оперативного планирования и последовательной стратегии. Эти неосязаемые факторы также являются одними из наиболее сложных характеристик для оценки в отсутствие войны — иными словами, военные аналитики должны разработать более совершенные методы для их измерения в мирное время.
- Превосходство в воздухе имеет решающее значение: многие из проблем, отмеченных на Украине, возникают из-за неспособности обеих воюющих сторон обеспечить превосходство в воздухе. Хотя аналогичная борьба может возникнуть и в Индо-Тихоокеанском регионе; в случае войны Россия — НАТО воздушные силы Запада, скорее всего, будут контролировать небо, учитывая технологическое превосходство Запада и очевидные недостатки военно-воздушных сил России.

ОСНОВНЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Для ВВС США, в том числе в Европе и Африке, и Военно-Космических сил США выдвинуты такие предложения:

- Инвестировать в разработку недорогих боеприпасов повышенной дальности действия.

Устойчивость украинских систем ПВО подтолкнула Россию к разработке более дальнобойных и недорогих боеприпасов, которыми можно стрелять с относительно безопасных позиций. Соединённые Штаты

могут столкнуться с аналогичными проблемами в будущем конфликте, но у них нет сравнительно доступных вариантов оружия, которое можно было бы производить в больших объёмах.

- Продолжить разработку многочисленных спутниковых группировок и гибридных космических архитектур.

Устойчивость коммерческих спутниковых группировок, поддерживающих работу в Украине, подчёркивает ценность **распределённых подходов к космическим возможностям**, как и ценность оперативных возможностей коммерческих космических провайдеров (владельцев частных орбитальных систем).

Для министерства обороны США (DoD):

- Уделить приоритетное внимание разработке и интеграции мощных кинетических средств борьбы с БПЛА.

Противники США, вероятно, разработают и произведут крупные группировки дронов для проведения атак, как это сделала Россия на Украине. Хотя при определённых обстоятельствах радиоэлектронные средства будут способны частично противостоять некоторым типам беспилотников, для других могут потребоваться кинетические средства поражения. Особенно если противник разрабатывает БПЛА с большей автономностью (коим не нужен оператор на земле).

От Максима Калашникова: что имеется в виду под кинетическими средствами для поражения атакующих БПЛА? Дроны-перехватчики, способные засекать нападающие БПЛА и таранить их? Или малокалиберная зенитная артиллерия со снарядами, которые разрываются на задаваемой дистанции и разят атакующие дроны «снопами» осколков и поражающих элементов? Скорее всего. Но тогда здесь должны быть и лазерные системы, прикрывающие тыловые объекты.

- Ускорить крупномасштабные инвестиции в разработку и интеграцию систем дронов-камикадзе и беспилотных наземных систем.

Беспилотные авиационные и военноморские системы уже доказали свою эффективность при прорывах в защищённые зоны. Хотя министерство обороны (Пентагон) начало приобретать и ставить на вооружение большее количество этих систем, предстоит сделать ещё немало шагов, прежде чем они смогут быть использованы в широких мас-

штабах, чтобы в полной мере раскрыть свой боевой потенциал.

- Оценить полезность и надёжность концепций обнаружения и наведения на цель наземных сил противника в условиях высокой напряжённости.

Большое количество небольших БПЛА-разведчиков (sUASs) способны обнаруживать, идентифицировать, отслеживать силы противника и наносить по ним удары, даже если у вас нет превосходства в воздухе. Министерство обороны предприняло шаги по увеличению числа подразделений, оснащённых системами sUASs. Однако нужны дополнительные усилия для разработки соответствующей тактики, методов и процедур, обеспечивающих умение операторов интегрировать данные из этих систем в оперативные действия.

- Уделять особое внимание децентрализованному принятию решений на учениях и тренингах.

Улучшение возможностей постоянного наблюдения и нанесения точных ударов, вероятно, увеличит спрос на рассредоточенные операции. Хотя Соединённые Штаты уже получают выгоду от того, что позволяют своим силам принимать некоторые тактические и оперативные решения без централизованного руководства, эта тактика может приобрести большее значение в конфликтах с авторитарными противниками, которым будет сложно воспроизвести американскую манеру гибкости и готовности к риску.

- Оценить потенциал беспилотных систем для повышения эффективности морских минных заграждений.

Постоянное наблюдение и точное применение оружия резко усложнили операции по разминированию на Украине. Требуется дополнительный анализ, чтобы определить: могут ли необитаемые подводные аппараты использоваться для борьбы с тралением мин (*тральщиками*. — М. К.) для повышения эффективности морских минных заграждений на театре военных действий, ориентированном на море?

- Определить приоритетные системы боеприпасов для масштабного и быстрого производства в случае затяжного конфликта.

Усилия США и союзников по поставкам Украине боеприпасов в текущей войне на истощение перенапрягли их военно-промышленные комплексы. Поскольку Соединённые Штаты могут столкнуться с аналогичными

вызовами в будущем затяжном конфликте, министерству обороны следует уже сегодня определить приоритеты в производстве особо важных боеприпасов.

Для правительства США:

- Поддерживать и концентрировать инвестиции в оборонно-промышленную базу для наращивания потенциала в области приоритетных систем вооружений, необходимых для затяжного конфликта.

Правительство США предприняло шаги по укреплению промышленной базы, но оппозиция в Конгрессе пресекла попытки использовать многолетние полномочия по закупкам для создания «сигналов спроса», необходимых для содействия долгосрочному расширению производственных мощностей. *(То есть промышленникам нужна длительная определённая, чтобы строить производство и вести НИОКРы. — М. К.)*

- Нужно лишать противников доступа к коммерческим космическим ресурсам США и их союзников.

РФ успешно использует западные коммерческие космические системы для поддержки своих боевых операций, несмотря на все жёсткие и масштабные санкции. Правительству США следует разработать дипломатические, коммерческие и разведывательные меры, чтобы предотвратить такое использование ресурсов США их противниками в будущем конфликте.

по своему военному потенциалу, и география будущих конфликтов, в которые Соединённые Штаты могут оказаться втянутыми, может существенно отличаться от степей Восточной Европы...» Нужно точнее оценить, насколько будущие конфликты с участием Америки могут отличаться от войны на Украине и чем они уже отличаются.

Войны, подобные украинской, способны изменить военное дело, заставить использовать новые возможности. Конечно, в мирное время военные организации стремятся решать гипотетические оперативные задачи путём постоянных инноваций, будь то разработка новых технологий, уточнение оперативных концепций или реорганизация. Но реальное поле боя неизменно выявляет ошибки в довоенных предположениях и предоставляет новую, подчас неожиданную информацию, неожиданный боевой опыт. Военным придётся постоянно приспосабливаться к переменам, одновременно внедряя инновации.

Именно настоящие войны дают подлинное знание об эффективности новых технологий и концепций. Они приводят к изменениям в том, как готовятся к грядущим схваткам государства — наблюдатели реальной войны. Например, китайские военные аналитики стремились компенсировать ограниченный боевой опыт Народно-освободительной армии Китая (НОАК), изучая зарубежные войны, чтобы выявить наилучшие практики, постигнуть изменения в ведении военных действий. Анализ

ПЕРВАЯ ВОЙНА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

Как пишут рэндовцы, война на Украине, будучи одной из самых смертоносных и разрушительных за последние десятилетия, одновременно стала и первой широкомасштабной войной информационной эпохи. Впервые так широко используются в ней и малые беспилотные системы, и распределённая космическая связь. Но при этом она выявила удивительную живучесть нескольких менее сложных и устаревших систем — таких как танки, ствольная артиллерия прежнего типа с неуправляемыми снарядами и даже мины.

Но реалии войны между РФ и Украиной нельзя автоматически переносить на возможные конфликты с участием США в будущем. Слишком уж велика специфика участников нынешнего конфликта. «Например, Соединённые Штаты сильно отличаются от Украины

операций США во время войны в Персидском заливе 1991 г. вдохновил КНР на доработку тактических, оперативных и стратегических концепций, побудил сделать упор на информационные технологии, которые до настоящего времени выступают центральным элементом китайского военного мышления.

Конечно, реакции государственных военных машин на опыт иностранных (для них) войн существенно зависят от страны и времени. Верность выводов и их закрепление в практике военного строительства — процесс сложный. История полна примерами неверных оценок и выводов. Подчас, как пишут авторы доклада, воспринималась только «удобная» информация. Так, накануне Первой мировой европейские военные не предвидели позиционного тупика. Часто наблюдатели не могут отделить случайные факторы или события от подлинно фундаментальных. Сейчас, с ускорением темпа технологических изменений, задача становится ещё более сложной.

Однако РЭНД-корпорация уверена, что определённые признаки нынешней войны на Украине будут присущи грядущим войнам высокой интенсивности.

Исследование концентрировалось вокруг трёх главных вопросов:

1. Какие приёмы на тактическом или оперативном уровне боевых действий в ходе российско-украинской войны были новыми или примечательными по сравнению с предыдущими конфликтами?
2. В какой степени эти новые, примечательные приёмы могут иметь отношение к гипотетическому конфликту между Соединёнными Штатами и РФ? Или между США и Китаем?
3. Как департамент военно-воздушных сил США (DAF), министерство обороны США и американские политики в других организациях учитывают эти данные при планировании?

НЕ РАЗМЕНИВАЯСЬ НА БАНАЛЬНОСТИ

Эксперты РЭНД не стали размениваться на анализ очевидностей. Например, на то, что в нынешней украинской кампании артиллерия играет ту же роль, что и в войнах конца XIX и начала XX веков. Проблемы, связанные с живучестью боевых вертолётчиков (винтокрылых штурмовиков), тоже хорошо известны с 1980-х, с момента широкого распространения переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК). И тут американцы непрозрачно намекают на то, что их ПЗРК типа «Стингер» буквально вымели советские Ми-24 из афганского неба на завершающей стадии Афганской войны 1979–1989 гг.

Они отмечают, что в начале войны на Украине возникли серьёзные споры об актуальности танков. Ряд экспертов заявили о том, что танки морально устарели и массово теряются на современных полях боя. Однако более поздние этапы украинской кампании показали «сохраняющуюся важность танков в качестве защитной, мобильной огневой мощи, аналогичную их использованию в предыдущих конфликтах».

Касаясь таких факторов, «как успех украинских информационных операций и высокая степень приверженности украинского народа и элиты победе в войне», американцы утверждают, что важность оных была явной и в предыдущих войнах.

Анализ сосредоточили на выявлении «общих потенциальных изменений» в тактике и на оперативном (*между тактикой и стратегией*. — М. К.) уровне военных действий, обусловленных конфликтом в целом, а не тем, какие выводы воюющие стороны или иностранные наблюдатели извлекли из различных этапов войны или отдельных сражений. Эксперты не стремились предсказать, как ещё может развиваться конфликт на Украине, «и ограничились описанием самых новых и наиболее примечательных наблюдений на сегодняшний день».

Но, выявив самые общие, фундаментальные изменения, рэндовцы оценили их значение для возможных войн НАТО — РФ, члены НАТО — РФ и США — Китай, попытавшись уяснить, какие новые приемы их участники могут заимствовать из опыта нынешней войны и как такие приемы-новации способны развиваться, приспособливаясь под новые условия.

Например, БПЛА помогли минным полям обрести удивительную эффективность, поскольку дроны срывали работу сапёров по разминированию. «Хотя будущий американо-китайский конфликт вряд ли повлечёт за собой серьёзные

наземные боевые действия, по крайней мере, на его начальных этапах; мы рассмотрели вопрос о том, могут ли беспилотные системы или аналогичные средства сделать морские мины более эффективными, нежели это принято считать в настоящее время», — гласит доклад.

Затем эксперты попытались понять, как изменения на поле боя повлияют на политику США. Это пока не касалось применения ядерного оружия — ибо его не пускали в ход с 1945 г. «Если это условие изменится, и Россия применит ядерное оружие в конфликте, это может иметь самые разнообразные последствия для характера боевых действий и для последствий, о которых мы говорили».

Выводы и анализ легли в основу ряда рекомендаций для департамента BBC (DAF), министерства обороны и правительства США. Они касаются того, как вооружённые силы Соединённых Штатов могут приспособиться к изменениям в характере ведения боевых действий и лучше подготовиться к будущему.

КАК ВРАГ ОЦЕНИВАЕТ НАШУ АВИАЦИОННУЮ МОЩЬ?

«В то время как конфликты конца двадцатого века подчёркивали важность высокоточного оружия и умелого общевойскового манёвра, российско-украинская война возродила споры о полезности огневой мощи, массовости и концепциях войны на истощение...» — пишут эксперты. Однако при этом развивались новейшие технологии: беспилотники и распределённая космическая связь.

«...Новые наблюдения относятся к явлениям, которые не были зафиксированы в других межгосударственных войнах высокой интенсивности XXI века. Например, широкое использование беспилотников для разведки, наблюдения и рекогносцировки (ISR) и для нанесения ударов представляет собой развитие, совершенно невиданное в предыдущих крупномасштабных обычных войнах между равными противниками...

Неспособность русских воздушно-космических сил (ВКС) обеспечить полное превосходство в воздухе — пример знаменательного наблюдения, которое заслуживает дальнейшего объяснения. Конечно, некоторые наблюдения, сделанные во время войны (такие как важность массовой и артиллерийской поддержки в наземных операциях), безусловно, не являются новаторскими. Многие из этих тенденций были хорошо осмыслены ещё до нынешнего конфликта, а боевые

действия на Украине подчеркнули их неизменную актуальность.

...Мы сосредоточимся на том, что, вероятно, изменилось в характере военных действий, а не на том, что, по-видимому, осталось неизменным...»

Наблюдение 1: скрещивание постоянного наблюдения поля боя с точностью огня — новая и пока не решённая проблема для наступательных операций.

Американцы пишут, что на протяжении всей российско-украинской войны атакующим силам приходилось совмещать необходимость оставаться рассредоточенными, децентрализованными и способными к выживанию с необходимостью быстрого объединения сил для скоординированных наступательных прорывов. Делать сие нелегко, потому как обороняющиеся сильно затруднили наступательные манёвры, сочетая возможности постоянного наблюдения с высокоточным огнём «быстрого реагирования».

В первые недели войны на Украине наблюдалось следующее явление: сочетание нехватки современных средств связи у войск РФ и нежелание их командиров делегировать командные полномочия «вниз». Это вынудило многих командиров бригад отправляться на передовую, чтобы управлять сосредоточением разрозненных БТГ — батальонных тактических групп. «В результате этой “офицерской разведки” и опрометчивых решений о замене неисправных военных средств связи на небезопасные гражданские сотовые телефоны десятки засечённых и опознанных русских командиров были убиты в результате точного украинского огня в начале войны. Такая динамика затронула обе стороны конфликта...» — читаем в докладе.

С тем же самым столкнулись и ВСУ, пытавшиеся наступать на Запорожском направлении в 2023-м. ВС РФ подготовились к этому наступлению, укрепив свои оборонительные линии дронами, минными полями и артиллерией, и теперь уже украинские войска попадали под постоянное наблюдение, а их группировки теряли технику под огнём, пытаясь сосредоточиться для механизированных атак.

Словом, обе стороны войны приспособились к убийственному сочетанию постоянной наблюдаемости поля боя противником с его способностью вести быстрый и точный огонь, рассредотачивая свои силы и «распыляя» (децентрализуя) свои атаки. После первых ошибок военные РФ, как считают рэндовцы,

вернулись к проведению небольших и «менее сложных» операций. Примером им послужила ЧВК «Вагнер».

«...Обладая большей свободой действий и более свободными правилами ведения боевых действий, нежели регулярные войска, подчиняющиеся традиционной российской системе командования, некоторые подразделения наёмников “Вагнера” действовали более квалифицированно...» — пишут янки.

ВСУ же, понеся огромные потери в лобовом контрнаступлении 2023 года, тоже децентрализовали свои действия. В общем, обе стороны приспособились к новым реалиям, но ценой утраты способности вести решающие и крупномасштабные наступления.

Наблюдение 2. Средства ПВО оказались действенными против пилотируемой авиации, но менее эффективными — против БПЛА.

Тут в докладе рэндовцев говорят горькие и обидные для нас вещи, хотя и верные. Итак, наземные средства ПВО выказали крайнюю эффективность в уничтожении пилотируемых ЛА (летательных аппаратов), но они практически бессильны в борьбе с дешёвыми, одноразовыми БПЛА. Американцы отмечают, что РФ в первые часы конфликта попыталась добиться господства в воздухе за счёт подавления стационарных украинских ракетных комплексов класса (ЗРК) «земля-воздух» путём массированного обстрела их крылатыми и баллистическими ракетами. Советские ЗРК, унаследованные Украиной, пережили этот первоначальный удар, рассредоточившись и непрерывно перемещаясь, что затрудняло прицеливание по ним российских войск.

А поскольку зенитно-ракетная ПВО Украины уничтожена не была, она перешла к поражению самолётов авиации РФ на больших высотах. Пришлось нашим уходить на низкие высоты, чтобы самолёты не были видны для радаров ВСУ. Но тут ВВС (ВКС) РФ попали под огонь переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) украинской стороны. Итог: господство в воздухе РФ не завоевала, её авиация с апреля 2022 года перестала летать за линию фронта. Как, впрочем, и украинская. Действия русских ВВС свелись к метанию управляемых фугасных бомб с УМПК (управляющим модулем планирования и коррекции) по переднему краю противника, то есть к роли «летающей артиллерии». Тем паче, что ВСУ не хватало ЗРК малого радиуса действия, способных поразить

планирующие бомбы. Именно бомбы с УМПК помогли нам отразить попытку контрнаступления Украины в 2023 г. Но зато ВСУ придумали иное. «Украинские войска начали скрытно размещать ЗРК дальнего действия (например, МІМ-104 Patriot) вблизи линии фронта, что позволяет им угрожать воздушному пространству глубоко за передовой линией российских войск (ПВО), откуда атакующие самолёты обычно выпускают свои зенитные ракеты», — читаем в докладе. Тем самым ПВО ВСУ перешла к тактике ЗРК-засад («САМбушей»), подчас сбивая по несколько самолётов РФ в день.

Параллельно выяснилось, что ПВО привычного типа плохо приспособлена к борьбе с беспилотниками. «С начала войны украинские ударные беспилотники неоднократно проникали в русскую интегрированную систему противовоздушной обороны (ІАДС) и поражали особо чувствительные цели во внутренних районах России, в том числе в Москве. Системы различной технической сложности — от начинённого взрывчаткой советского беспилотника-целеуказателя Ту-141 “Стриж” до самых передовых дронов. Ударный беспилотник UJ-26 “Бобер” неоднократно успешно справлялся с российскими средствами ПВО, хотя этот успех также может быть сопряжён с трудностями, связанными с отражением небольших низколетящих целей, или низким уровнем подготовки русских средств ПВО. Со своей стороны русские войска использовали комплексы... иранского производства “Шахед” как дополнение к ударам крылатыми и баллистическими ракетами, так и в качестве замены им...» — пишут американцы.

«Запуская стаи ударных беспилотников против критической инфраструктуры Украины, Москва попыталась истощить дефицитные зенитные ракетные комплексы-перехватчики, поставляемые Киевом с Запада. Стоимость одного “Шахеда-131” или “Шахеда-136” оценивается примерно в 20 000–30 000 долларов, а стоимость западных перехватчиков составляет от 450 000 долларов...»

Именно столько стоит ракета с инфракрасной головкой наведения у ЗРК IRIS-T. А ракеты для ЗРК Patriot Advanced Capability-3 (или PAC-3) стоят до 3,7 миллиона долларов. Эти беспилотники, по убеждению экспертов РЭНД, дают РФ заметное преимущество в соотношении затрат, даже если вначале Москва платила Тегерану в шесть с лишним раз больше себестоимости иранских беспилотников. (Это теперь в прошлом — производство «Гераней» полностью локализовано в РФ, хотя и в ущерб

отечественным разработкам. — М. К.) Но в этом случае высокомобильные ЗРК западного производства с хорошо подготовленными расчётами, отлично борющиеся с пилотируемыми ЛА, оказались малодейственными в борьбе с беспилотниками-камикадзе.

ПУШКИ ПРОДОЛЖАТ ГОВОРИТЬ. НО КАКИМ «ЯЗЫКОМ»?

Наблюдение 3: Глупые (неуправляемые) и умные (высокоточные) артиллерийские системы не заменяют, а дополняют друг друга.

Тут американские эксперты считают, что традиционная ствольная и реактивная артиллерия (системы залпового огня, РСЗО) с самого начала сыграли центральную роль в войне на Украине. В феврале и марте 2022 г. украинские войска успешно обороняли Киев тяжёлой артиллерией. С её помощью, например, они блокировали русский десант в Гостомеле, не давая ему продвигаться в Киев. (И у наших не имелось ни ударных дронов, ни артиллерии для контрбатарейной борьбы, дабы подавить пушки и РСЗО Нацгвардии Украины, что прятала свою артиллерию в городских кварталах. — М. К.). «Позже русские использовали свое преимущество в огневой мощи в Северодонецке и Лисичанске весной 2022 года и в Бахмуте зимой 2023 года, уничтожая украинские укрепления безжалостными обстрелами, а затем захватывая оставшиеся развалины лёгкой пехотой...» — отмечают американцы.

Отражение контрнаступления Украины под Запорожьем летом 2023 года тоже стало за-

слугой нашей артиллерии. Огневые средства РФ наносили удары по украинским манёвренным подразделениям, которые сосредоточивались, готовясь к атаке. Это вынудило Киев приостановить наземные операции до тех пор, пока российские орудия не будут подавлены. «Таким образом, традиционная артиллерия доказала свою решающую роль в войне из-за её способности парализовать обороняющихся и сбивать с толку атакующих. Как Украина, так и Россия прилагают усилия к тому, чтобы обеспечить себя миллионами артиллерийских снарядов и ракет от третьих сторон. Что подчёркивает исключительную важность, которую каждая из них придаёт огневому доминированию...» — говорится в докладе.

Однако массовое применение артиллерии не принесло победы. Война ещё раз показала, что одной лишь огневой мощи недостаточно для обеспечения успеха на современном поле боя. Высокоточное оружие, включая ударные беспилотники, коренным образом изменило ведение войны как на тактическом, так и на оперативном уровнях. «Что касается первого, то БПЛА стали неотъемлемой частью всех видов огневых задач. Использование разведывательных беспилотников в сочетании с высокоточными боеприпасами значительно ускорило процесс уничтожения артиллерии противника и подняло новые вопросы о живучести буксируемых или маломобильных артиллерийских систем...»

Американцы отмечают, что беспилотные аппараты (и особенно БПЛА «прямого видения», FPV-дроны) значительно изменили контрбата-

рейную борьбу. Такое оружие позволило обнаруживать даже отдельные, рассредоточенные и укрытые, огневые расчёты — и поражать их.

«На оперативном уровне приобретение Украиной западных ударных систем дальнего радиуса действия (таких как высокомобильный артиллерийский ракетный комплекс M142 HIMARS и крылатая ракета воздушного базирования Storm Shadow) вынудило русских военных пересмотреть и реорганизовать свою высокоцентрализованную систему материально-технического снабжения. Эффективное использование Украиной этих систем невозможно. Наличие оружия также вызвало споры о жизнеспособности устаревших структур командования и контроля (C2), учитывая разрушение русских командных пунктов и районов сосредоточения войск в десятках километров за линией фронта. Короче говоря, продолжающаяся война высветила важность поддержания надёжного и взаимодополняющего сочетания массированного и точечного огня...» — убеждены эксперты РЭНД.

ТРИУМФ БЕСПИЛОТНЫХ

Наблюдение 4: применение беспилотников и противодействие им стало приоритетом в боях.

Помимо противодействия современным средствам противовоздушной обороны и ускорения координации тактических действий БПЛА изменили традиционные наземные манёвры на украинском театре военных действий. Пехотные взводы и отделения по обе стороны линии фронта теперь используют FPV-дроны и квадрокоптеры для разведки местности (поля боя) и отслеживания передвижений противника. Обороняющиеся используют дроны для наблюдения за маршрутом продвижения атакующих и для того, чтобы затруднить им продвижение. В свою очередь, нападающие используют их как средства нанесения точечных ударов для расчистки траншей и уничтожения укрепленных позиций неприятеля. Вкупе всё это привело «к тупиковой позиционной войне, которая в настоящее время характерна для боевых действий на Украине».

Всё это происходит на фоне децентрализации, «демократизации» ISR, то есть разведки, наблюдения и рекогносцировки (**Intelligence, Surveillance and Reconnaissance**). Так обозначают скоординированный и интегрированный сбор, обработку и распространение информации для поддержки принятия решений в боевых действиях). Чтобы обезопасить себя от вражеских БПЛА, стороны широко применяют средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ), защитные сетки-каркасы («мангалы») на технике, специальные сети наподобие рыболовных.

Но не только летающие дроны изменили лицо боевых действий. *«Не имея обычной военно-морской мощи, способной бросить вызов российскому Военно-морскому флоту (ВМФ), Украина создала высокоэффективный флот беспилотных надводных кораблей (USVS), чтобы противостоять господству Москвы на Чёрном море...»* — пишут эксперты, указывая на такие робокатера местного производства, как Sea Baby и Maritime Autonomous Guard, и на роботизированный аппарат MAGURA V5, что позволил украинским вооруженным силам потопить несколько наших значительных военных кораблей, угрожать мосту через Керченский пролив и атаковать крымские порты.

«С начала вторжения ВМФ потеряли почти треть своего Черноморского флота и были вы-

нуждены вывести часть своих уцелевших сил и средств на базы к востоку от Крыма.

Точно так же, как Киев использовал беспилотные самолёты в качестве асимметричной замены отсутствующих у украинских ВВС традиционных возможностей нанесения глубоких ударов, он так же действенно использовал морские беспилотники, чтобы компенсировать свою военно-морскую немоту и ослабить влияние русского ВМФ в Черноморском регионе.

Таким образом, беспилотные системы заняли ключевую роль у обеих сторон конфликта...» — гласит доклад

ДЕШЕВИЗНА КАК ПУТЬ К ЗАТЯЖНОЙ ВОЙНЕ?

Наблюдение 5: дешёвые и эффективные системы позволяют затянуть войну

В этой долгой войне РФ и Украина потеряли тысячи солдат и единиц техники, израсходовав при этом огромное количество боеприпасов. Обе стороны вынуждены обращаться к третьим странам для пополнения арсеналов. Значит, делают вывод рэндовцы, необходимо быстрое производство большого количества недорогой техники (платформ) и боеприпасов. Во всяком случае, в СВО именно такое производство по принципу «много и дёшево» стало фактором успехов в войне.

Так, одноразовые дроны-камикадзе стали синонимом борьбы на истощение на Украине. Борьба с БПЛА стала приоритетом для обеих сражающихся сторон. Если верить одному из недавних отчётов, ВСУ теряют «ошеломляющие 10 000 беспилотников в месяц» (при годовом производстве дронов на Украине в 1,4 млн единиц. — М. К.).

Беспилотники американцы считают теми самыми «привлекательными системами». Не зря Москва и Киев начали амбициозные программы производства отечественных БПЛА. Тем более что это обеспечивает обеим сторонам долгосрочный доступ к технологиям беспилотных летательных аппаратов и гарантирует способность противостоять друг другу.

Одноразовые системы позволяют избежать истощения в войне, заменяя собой дорогое (как выражаются американцы — «изысканное») оружие. Скажем, «Герань» (локализованный в РФ и модернизированный иранский «Шахед») заменила собою крылатые и баллистические ракеты. Если крылатая ракета «Калибр» стоит от одного до 6,5 миллиона долларов (в пересчёте), РФ может приобрести гораздо больше беспилотников,

чем крылатых ракет, даже с учётом завышенной иранской цены на них в 193 000 долларов за штуку. (Во-первых, производство этих дронов теперь полностью у нас, во-вторых, сравнение явно хромает — 50-килограммовая боевая часть «Герани» всё-таки не заменяет полутонной БЧ «Калибра», при этом куда более скоростного. — М. К.). В свою очередь, Украина надеется использовать дроны как некую замену крылатым противокорабельным ракетам типа «Нептун» (Украина) и «Гарпун» (США).

ГРАЖДАНСКИЕ УМНЫЕ УСТРОЙСТВА НА ВОЙНЕ, РЭБ И ПОЛУМИРНЫЙ ЧАСТНЫЙ КОСМОС

Наблюдение 6: умные устройства — это мощные гражданские инструменты, которые можно использовать в военных целях

Война на Украине показала, что умные (смарт) устройства из гражданского обихода можно использовать и в боевых действиях, революционизируя масштабы и скорость сбора, анализа и распространения развединформации. Так, Украина модифицировала приложение «Дия» («Действие», сервис государственных услуг на мобильных телефонах) для военных целей. Посредством одного гражданского люди могут поддерживать разведывательные и боевые операции с помощью прямых посланий и изображений, в то время как украинские военные используют приложение Delta для создания общей оперативной картины в режиме реального времени.

Но умные устройства с поддержкой приложений при этом создали и новые уязвимости для вооружённых сил. Например, когда солдаты РФ стали использовать трофейные сотовые телефоны для координации своих действий (из-за устарелости штатных систем связи) и даже звонить через них домой, то они моментально подверглись перехвату и прослушиванию электронной разведкой Украины, благодаря чему ВСУ смогли наносить по нашим точные убийственные удары — скажем, по казарме ВС РФ в Макеевке 31 декабря 2022 года. После этой трагедии командование назвало причиной удара бесконтрольное использование солдатами мобильных телефонов, которые сработали фактически как маячки для дальнобойных ударов ВСУ. Но поскольку сообщений о подобных случаях стало заметно меньше, то можно сделать вывод: военные

с обеих сторон «научились балансировать между преимуществами этих устройств и их нетривиальными рисками».

Наблюдение 7: эффективная радиоэлектронная борьба (РЭБ) требует постоянного приспособления к меняющимся реалиям.

Хотя в начальный период СВО наши Вооруженные силы не умели эффективно ставить электромагнитные помехи, положение затем явно улучшилось. РЭБ потребовалась для противодействия разведывательным БПЛА ВСУ. Подавлялась связь между ними и украинскими операторами. При этом украинская армия тоже использует РЭБ для подавления наших беспилотников, из-за чего РФ оснастила свои дроны-камикадзе «Ланцет-3М» автономными системами управления. Эта гонка «новация — противодействие» будет продолжаться в течение всей войны.

Наблюдение 8: коммерческие игроки обеспечивают неразвитым государствам доступ к возможностям сложных и устойчивых космических систем

В космической сфере война на Украине показала: частные орбитальные системы, имея двойное назначение, позволяют слабым странам их использовать, причём по обе линии фронта. Например, спутниковые терминалы Starlink, поставляемые Западом (компанией «Спейс Икс» Илона Маска) позволили украинскому обществу поддерживать связь, несмотря на сбои в работе телекоммуникационной инфраструктуры Украины. Starlink всюду используется и в военных целях. ВСУ применяют его для распределённой связи в войсках, для управления налётами дронов дальнего действия, для ударов по тылам РФ. Последняя, оказавшись не в состоянии разрушить быстро распространяющуюся спутниковую архитектуру SpaceX Starlink, решила использовать эту сеть в собственных военных целях.

«Киев отметил сложность противодействия приобретению Москвой терминалов Starlink, учитывая, что они широко доступны для покупателей...» — отмечают эксперты РЭНД. — «Более того, любые попытки SpaceX отключить российский доступ к Starlink вдоль линии фронта... могут повлиять на подключение терминалов ВВС США, работающих в непосредственной близости от района боевых действий...»

«Коммерческое дистанционное зондирование Земли — еще один ключевой инструмент, вли-

яющий на конфликт на Украине. Перед полномасштабным вторжением РФ коммерческие фирмы опубликовали снимки русских военных лагерей в Беларуси в высоком разрешении, чтобы дискредитировать заявление Кремля о том, что его войска просто проводят «учения» вблизи украинской границы...» — пишут янки.

Согласно их докладу, Украина, признавая огромное значение орбитальной разведки с помощью коммерческих аппаратов и не имея своих спутников, арендовала у частных провайдеров оборудование для дистанционного зондирования земной поверхности. Например, финский спутник ICEYE («Ледяной глаз»), а также коммерческие снимки, предоставляемые в рамках программ западной помощи, позволили Киеву отслеживать передвижения ВС РФ и даже собирать «доказательства военных преступлений России в Мариуполе и Буче» (цитирую врагов и оставляю слова о «военных преступлениях» на их совести, заодно демонстрируя, как к нам реально относятся за океаном. Чтобы не было иллюзий. — М. К.).

«ВС РФ, возможно, также получали коммерческие снимки через третьи руки. Неназванные украинские официальные лица утверждают, что Москва использовала снимки западных фирм для повышения точности своих дальних ракетных ударов...» — сообщается в докладе. — «Короче говоря, коммерческие возможности позволили Украине конкурировать с Россией в сфере, которая когда-то была явной прерогативой космических держав. Но такие же частные космические фирмы (Запада, не наши. — М. К.) позволили Кремлю компенсировать несовершенство собственных спутниковых систем».

ВОЗМОЖНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ РФ И НАТО: ВОЙНА В ВОЗДУХЕ

«Полномасштабная война между НАТО и Россией, вероятно, будет иметь мало общего со «специальной военной операцией» на Украине», — считают рэндовцы. Особенно с учетом того, что руководство РФ изначально планировало кампанию на Украине, обеспечивало ее ресурсами и начинало операцию в 2022 году «как если бы это была менее масштабная вооруженная акция».

По мнению американских экспертов, столкновение с многонациональным военным союзом (НАТО), обладающим ядерным оружием, резко отличается от войны на Украине. Это касается и планирования войны с Североат-

лантическим блоком, и её воплощения в жизнь. Как предполагают американцы, в данном случае РФ не станет соблюдать тех ограничений, которые имеют место в украинской кампании. *«Учитывая геополитические ставки, мы ожидаем, что Россия максимально мобилизует свои вооружённые силы, экономику и общество. Если столкновение с НАТО будет воспринято как угроза существованию режима, русские лидеры могут также рассмотреть возможность применения ядерного оружия...»*

Доклад предполагает, что конфликт будет спровоцирован нападением РФ на НАТО, а не наоборот. В целом предположения РЭНД-корпорации таковы:

- Боевые действия между НАТО и РФ происходят после попытки русского вторжения в некое государство — член НАТО. Россия захватывает часть территории НАТО, которую Соединённые Штаты и их союзники впоследствии стремятся вернуть себе. Война не включает в себя попытки НАТО захватить русскую территорию.
- Боевые действия быстро перерастают в интенсивный конфликт с применением обычных вооружений. Хотя они ведутся в условиях потенциальной ядерной эскалации, они не предполагают реального применения тактического или стратегического ядерного оружия.
- РФ выделяет достаточное количество войск и ресурсов, чтобы для победы над ней НАТО потребовались долгие, ресурсоёмкие боевые операции и мобилизация всего блока.

Конечно, эти прогнозы могут сбыться, но могут и не воплотиться. «Реальный конфликт такой интенсивности вполне может перерасти в ядерную войну, особенно если русские войска понесут неприемлемые потери или действия НАТО будут угрожать целостности российского государства», — считают американские эксперты.

Актуальность наблюдений за российско-украинской войной

«...Мы проанализировали, могут ли оперативные проблемы, которые обе стороны пытаются решить на Украине, возникнуть в ходе будущей европейской войны», — гласит доклад. «...Мы рассмотрели то, как НАТО и Россия, вероятно, попытаются решить эти проблемы и будут ли их вероятные подходы схожи с теми, что наблюдались в ходе нынешней войны на Украине, — или будут отличаться от них...»

Актуальность наблюдения номер 1.
Возможности постоянного наблюдения (со спутников, самолётов и дронов. — М. К.) и высокоточный огонь на начальном этапе затруднят проведение наступательных операций для обеих сторон до тех пор, пока НАТО не завоюет господство в воздухе.

«В гипотетическом конфликте между НАТО и РФ возможности постоянного наблюдения и высокоточные ударные системы большой дальности могут осложнить наступательные операции, что напоминает нынешнюю патовую ситуацию на Украине...»

Американцы уверены, что на стратегическом уровне НАТО, применив свой опыт разведки во время сосредоточения войск ВС РФ на границах Украины в начале 2022 года, смогут своевременно вскрыть наши приготовления к операции на восточном фланге блока. Тут в ход пойдут и спутниковые снимки, и анализ социальных сетей. Всё это позволит НАТО подготовиться к русскому удару. Если наше вторжение затронет какую-либо территорию НАТО, Североатлантический союз «будет вынужден контратаковать и ликвидировать русские базы...» Хотя, конечно, возможности РФ в сфере постоянной разведки могут позволить нам срывать подготовку НАТО к контрудару, снижая способность НАТО скрыть от РФ сроки и масштабы своего контрнаступления.

«Кремль действительно обладает возможностями космического зондирования; как ут-

верждается, и Министерство обороны, и ЧВК “Вагнер” закупают коммерческие спутниковые снимки для военных целей. Россия также располагает высокоэффективными силами специальных операций, разведывательными подразделениями и агентурными сетями, чтобы компенсировать некоторые из своих технических ограничений в сборе разведданных. Эти средства могут быть тайно развёрнуты по всей Европе для наблюдения за передвижениями НАТО... или даже для предоставления данных о целях ударов крылатыми и баллистическими ракетами большой дальности по узлам формирования сил союзников...» — пишут рэндовцы.

Таким образом, любая попытка НАТО или России сосредоточить наземные силы в рамках подготовки к крупному стратегическому наступлению, скорее всего, будет заранее вскрыта и потенциально сорвана. И НАТО, и РФ также обладают мощными разведывательными и ударными возможностями, благодаря которым могут сорвать наступательный манёвр на тактическом уровне ведения боевых действий.

ВОЗМОЖНЫ ЛИ КРУПНЫЕ СУХОПУТНЫЕ ОПЕРАЦИИ?

Рэндовцы пишут, что нынешняя война на Украине показала трудность проведения крупных наступлений с сосредоточением больших сил — впрочем, как и атак небольшими подразделениями на укрепленные оборонительные сооружения, оснащенные датчиками об-

становки. Однако, как считают американцы, предполагаемая способность НАТО захватить господство в воздухе — это фундаментальное отличие Североатлантического блока от Украины в гипотетическом столкновении с нами. «Несмотря на то что им потребуется немало времени, чтобы нейтрализовать русскую ПВО на начальном этапе конфликта, ВВС НАТО, скорее всего, в конечном итоге достигнут превосходства над ВКС РФ, учитывая их большую численность и качественное превосходство самолётов и пилотов...» При этом мы, дескать, можем сохранить некоторую возможность использовать беспилотники там, где не сможет оперировать пилотируемая авиация РФ. «Однако, в конечном счёте, достижение контроля над воздушным пространством, вероятно, означало бы, что НАТО впоследствии могло бы использовать мощные стационарные средства разведки, наблюдения и оценки (ISR) для слежения за русскими оборонительными линиями и тыловыми районами — на предмет потенциальных уязвимостей...»

«Господство над воздушным пространством также позволило бы Североатлантическому союзу наносить огневые удары по русским позициям с помощью самолётов и вертолётов, чтобы ускорить прорыв, хотя эти воздушные средства НАТО по-прежнему будут сталкиваться с некоторыми угрозами со стороны российских ЗРК и ПЗРК (зенитно-ракетных комплексов и переносных ЗРК. — М. К.).

Разгром Россией украинских войск под Авдеевкой зимой 2024 года, по-видимому, оправдывает этот тезис. Ибо русские ВКС способство-

вали наземным успехам, уничтожая украинские укрепления и деморализуя измученные войска Киева ударами бомб с УМПК (управляемыми модулями планирования и коррекции. — М. К.).

Если господство в небе и ведение огня с воздуха служат ключом к наземному маневрированию на сегодняшнем прозрачном поле боя, то потенциал НАТО для успешных наступательных операций в войне с РФ представляется намного большим, чем у России или Украины в нынешнем конфликте...»

МОЖНО ЛИ ПРОРВАТЬ И ПОДАВИТЬ ПВО?

Актуальность наблюдения 2: И НАТО, и РФ, скорее всего, столкнутся с трудностями при подавлении неприятельской ПВО пилотируемыми самолётами.

Хотя русские могут использовать для этого инновационный подход: борьбу с противовоздушной обороной посредством БПЛА.

По мнению авторов доклада, в случае войны с НАТО мы, скорее всего, рассредоточим и попробуем защитить нашу технику ПВО, поскольку русские дальнобойные ЗРК С-300П и С-400 передвигаются на многоколёсных автомобилях, а комплексы средней и малой дальности — на колёсной или гусеничной технике, потому они подвижны и не отстают от маневренных войск. Это позволяет русским ЗРК быстро перемещаться, избегая ударов противника, — после того как они включили и «засветили» свои радары и выпустили ракеты (по принципу «стреляй и беги»). Янки считают, что мы можем перейти к тактике «зенитно-ракетных засад», как это делают ВСУ на нынешней войне, чтобы захватывать враг сплох неприятельские самолёты. Во всяком случае, «украинские расчёты мобильных ЗРК советских времён постоянно демонстрировали смертоносность такого подхода...»

Янки ожидают, что наши ЗРК станут действовать и независимо, и в составе широких группировок (совместно с авиацией ВКС-ВВС РФ), при этом прикрываясь иной раз защитными сооружениями. Поэтому для подавления русской ПВО потребуются большие силы авиации НАТО. Одни самолёты будут уничтожать наши зенитные радиолокаторы, другие — сами ЗРК. Словом, понадобится масштабная и напряжённая воздушная кампания со множеством боевых вылетов. Но и ВС РФ столкнутся с аналогичными — если не с более серьёзными — вызовами. «Неспособность ВКС РФ уничтожить украинские мобильные ЗРК в феврале 2022 года

отражает исторические недостатки русской военной авиации в деле прорыва и подавления ПВО». Здесь янки откровенно презрительны. «После окончания холодной войны закупки НАТО современных наземных ЗРК приостановились, что, в свою очередь, привело к тому, что ВКС РФ перестали считать приоритетом подавление и прорыв неприятельской ПВО».

Тем не менее русские операции на Украине показали альтернативу традиционным способам ликвидации чужой ПВО — путём уничтожения зенитных комплексов посредством беспилотников, что, как пишут рэндовцы, снижает зависимость «от высокоспециализированных самолётов, вооружения и подготовки соответствующих специалистов...» И именно с помощью дронов РФ, скорее всего, станет бороться с ПВО НАТО. Помимо того что русские БПЛА станут отвлекать на себя огонь натовских ЗРК, истощая тем самым запасы зенитных ракет, они способны сносить радары западной ПВО, расчищая путь русским крылатым и баллистическим ракетам. Иран уже применил подобный подход, когда в 2019 году нанёс комбинированный удар дронами и ракетами по нефтяным промыслам Саудовской Аравии, прикрытым американскими комплексами «Пэтриот». РФ так же действует на Украине. По мнению рэндовцев, ПВО РФ устарела, но мы можем дополнить её дронами, используя их для компенсации недостатков в деле прорыва и подавления чужой противовоздушной обороны, таким образом компенсируя пробелы в обучении лётчиков подобным действиям.

Но и НАТО, как пишут янки, в силах развить свои беспилотные системы, дабы лучше бороться с ПВО РФ и снижать нагрузку на специальные пилотируемые самолёты из эшелона подавления противовоздушной обороны. «Недавно Североатлантический союз провёл испытания беспилотника ALTIUS-700M против макета российской системы ЗРК «Бук»...»

Досье:

Многоцелевой БПЛА (дальность действия — 160 км, 15 кг — боевая часть) «Альтиус-700М» создан известной компанией «эльфов» (Маск, Тиль, Карп, Пальмер Лаки) — уже ставшей знаменитой «Андурил» («Меч Запада») того же самого Лаки. Компания ставит своей целью вооружить США огромным числом автономных боевых систем, при этом максимально дешёвых (за счёт оптимизации конструкции и использования уже имеющихся гражданских узлов).

В 2023 году на полигоне Дагвэй в штате Юта «Андурил» отработал уничтожение русского ЗРК «Бук-1М».

Как пишут рэндовские аналитики, несмотря на то, что такие распространённые БПЛА НАТО, как Switchblade и Warmate, не обладают стратегической дальностью действия, вполне возможно принять на вооружение дроны «длинной руки», подобные тем, коими обзавелись и ВСУ, и ВС РФ на текущей войне. «Однако даже если НАТО преодолеет технические трудности, связанные с созданием ударных БПЛА большой дальности, ей всё равно необходимо будет определить, как интегрировать их в существующие структуры вооружённых сил и концепции операций, прежде чем развёртывать их на полях будущих сражений...»

ТАК ГДЕ ЖЕ ЭТА СОУКВО?

А вот дальше написано то, что для нас крайне обидно и заставляет задуматься.

Актуальность замечания 3: И артсистемы с «глупыми» (неуправляемыми) боеприпасами, и системы с «умными» (управляемыми) снарядами найдут применение в войне между РФ и НАТО.

«Любые потенциальные боевые действия между НАТО и Россией будут зависеть от сочетания обоих видов (“глупой” и “умной”) огневой мощи. РФ выделила значительные ресурсы на расширение своих стратегических средств нанесения высокоточных ударов, учитывая их способность наносить противнику значительный ущерб, не превышая при этом “ядерного порога”.

Русская концепция стратегических операций по уничтожению критически важных объектов (СОУКВО, по-английски — Strategic Operations to Destroy Critically Important Targets, SODCIT) воплощает эту точку зрения. Она предусматривает использование высокоточного оружия для нанесения ударов по определённым целям на территории противника ради получения каскадных, системных эффектов и создания “сдерживающего ущерба”. Точно так же, как концепция СОУКВО-SODCIT использовалась при агрессивных атаках на украинскую электросеть в ходе нынешней войны, русская доктрина предусматривает использование высокоточных крылатых и баллистических ракет или беспилотных летательных аппаратов для того, чтобы вызвать психологический стресс у гражданского населения, сломить политическую волю союзников и помешать наращиванию военной

силы в случае конфликта с НАТО...» — читаем в документе RAND.

И тут сразу рождается неприятный вопрос: а почему СОУКВО не была толком использована в начале операции на Украине? Почему через три с лишним года войны не были выбиты центры управления, транспортные узлы, даже электроэнергетика? Но об этом мы поговорим позже. Пока вернёмся к докладу американцев.

«Аналогичным образом Соединённые Штаты и НАТО, скорее всего, применят свой обширный арсенал высокоточных боеприпасов в будущем конфликте, хотя это оружие, скорее всего, будет направлено на военные цели, а не на гражданскую инфраструктуру. Концепция многодоменных операций (MDO), принятая армией США, — основной принцип куда более широкой стратегии: Концепции совместных боевых действий (Joint Warfighting Concept, JWC). Она предусматривает применение высокоточного оружия большой дальности, выводящего из строя вражеские средства ПВО, батареи крылатых ракет береговой обороны и другие системы, предназначенные для блокирования или затруднения манёвров США на театре военных действий в начале войны. Как только эта оборона будет подорвана, НАТО сможет нанести удар по русским центрам командования и контроля (C2) и логистическим узлам, поддерживающим манёвры армейских частей и подразделений — во многом таким же образом, как это делают ВСУ на территории Украины.

Способность Киева последовательно наносить удары по уязвимым местам РФ с помощью реактивных систем залпового огня наземного базирования с управляемыми боеприпасами (GMLRS) и крылатых ракет воздушного базирования Storm Shadow показывает чрезмерную централизацию военной системы Кремля и её подверженность потенциально парализующим высокоточным ударам...»

Как пишут американские эксперты, НАТО тоже использует дальнобойное высокоточное оружие в потенциальной войне с РФ, дабы ограничить жертвы среди гражданского населения, как написали янки, «на дружественной территории, оккупированной русскими войсками». Мол, в противовес нашим военным, любящим «размещать законные военные цели среди школ, больниц и других гражданских строений».

«Однако боевые действия на Украине показали, что одной только точности может не хватить для победы. Хотя “умные” баллистические и крылатые ракеты, БПЛА попали в заголовки международных газет, традиционная “тупая” артиллерия (с неуправляемыми снарядами) стала

ключевым фактором тактического и оперативного успеха в конфликте, приобретающем всё более позиционный характер...»

Война между НАТО и РФ, по мнению рэндовцев, может включать в себя фазу борьбы на истощение — по крайней мере, на начальном этапе, прежде чем военно-воздушные силы НАТО смогут захватить господство в воздухе. В том случае, если русские войска успеют создать укрепления и оборонительную «сеть» до того, как сухопутные силы Североатлантического блока смогут перейти в контрнаступление.

В этом случае чисто наземная огневая (артиллерийская) мощь, считают американцы, может сыграть ключевую роль для разгрома русской обороны, разрушения наших укреплений и подавления русской артиллерии при условии, что ВС РФ не будут иметь постоянной поддержки с воздуха. *«Затяжная война также может привести к истощению запасов высокоточного оружия в США и РФ и к большей зависимости от менее дорогостоящих неуправляемых боеприпасов...»* Помимо того что традиционная артиллерия выгодна с чисто экономической точки зрения (она дешевле высокоточных систем), её, как убеждены авторы доклада, невозможно подавить. Кроме того, высокоточное оружие подвержено воздействию современных систем РЭБ, тогда как обычные снаряды пушек нечувствительны к элетромагнитным помехам.

Средства русской электронной войны будут прогрессировать по мере затягивания войны на Украине, особенно по мере отработки мер противодействия тому оборудованию, что Запад поставил Киеву. То есть, считают рэндовцы, обычная артиллерия с «глупыми» снарядами может стать средством истощения русских войск, если РФ разработает действенные средства для снижения эффективности высокоточной огневой мощи НАТО.

БПЛА ОСТАНУТСЯ ГЛАВНОЙ «ГОЛОВНОЙ БОЛЬЮ»

Актуальность наблюдения 4:
использование беспилотных систем и противодействие им, скорее всего, останется главной заботой для НАТО и РФ в будущем конфликте.

Беспилотники, вероятно, сыграют ключевую роль в любом потенциальном конфликте между НАТО и РФ, считают эксперты РЭНД, особенно учитывая амбициозные планы обеих сторон: например, нацпроект РФ по развитию и производству БАС (беспилотных авиасистем)

или американская программа «Репликатор». На земле НАТО и РФ могут использовать квадрокоптеры и другие БПЛА, чтобы обеспечить маневренность своей пехоты и повышение её ударной мощи. Присущие дронам наблюдательно-разведывательные возможности (ISR) и их ударный потенциал становятся крайне важными для сухопутных войск, если поддержка их авиацией невозможна. Но тактическая ценность БПЛА неминуемо вызовет ту же борьбу средств беспилотного нападения и противодействия ему (особенно силами РЭБ), что мы видим сейчас на Украине. Поскольку РФ располагает мощным арсеналом систем РЭБ и продолжает совершенствовать их в боевых условиях, НАТО и его союзникам, возможно, потребуется пересмотреть существующие возможности РЭБ, изучив альтернативные подходы к эффективным и экономичным операциям с беспилотными аппаратами.

Что касается морских боёв между НАТО и РФ — они также сильно изменятся благодаря применению надводных и подводных беспилотников и новых тактических приёмов. Часть таковых мы уже видим в войне на Украине. Киев успешно использовал робокатера в качестве замены обычных военно-морских сил, нанеся Черноморскому флоту РФ серьёзный ущерб. В войне с НАТО Россия может попытаться повторить такую асимметричную стратегию Украины с использованием морских беспилотников, особенно учитывая *«неполноценность её собственного военно-морского флота по сравнению с Североатлантическим союзом...»* Эксперты RAND считают, что если наш Балтфлот окажется запертым в территориальных водах

РФ, то более крупные силы русских ВМФ окажутся мало полезными в гипотетической войне между нами и НАТО. Разве что флот продолжит выполнять задачи ядерного сдерживания.

Однако морские дроны, скрытно пущенные с российского побережья, могут позволить Москве атаковать военные корабли НАТО, энергетическую инфраструктуру и угрожать портам в стратегическом тылу НАТО. Силы НАТО, в свою очередь, могли бы использовать беспилотные морские системы для разминирования судоходных путей в Балтийском море или Северной Атлантике в том случае, если Россия применит средства минной войны. Именно корабли-автоматы могут взять на себя часть бремени, которое несут тральщики и сторожевые корабли.

ВЫДЕРЖАТЬ ВОЙНУ НА ИСТОЩЕНИЕ

Актуальность наблюдения 5: НАТО может столкнуться с трудностями в производстве достаточного числа боевых систем для поддержания военных действий, если будущий конфликт затянется.

И РФ, и НАТО бросят в бой множество передового (и очень дорогого!) оружия в самом начале конфликта в Восточной Европе. Но как только его арсеналы начнут истощаться, обе стороны станут всё больше полагаться на более дешёвые, одноразовые или легко воспроизводимые платформы и боеприпасы. Например, БПЛА могли бы выполнять некоторые функции, ко-

торые осуществляются технически передовыми самолётами; или же относительно простые дроны смогут заменить собою более крупные и совершенные беспилотники. В то же самое время рассредоточенные спутниковые коммерческие группировки могут взять на себя часть коммуникационной нагрузки, которую прежде несли тяжёлые и высокопроизводительные спутники военных.

На тактическом уровне силы РФ и НАТО, скорее всего, прибегнут к использованию традиционной артиллерии после того, как исчерпают свои запасы высокоточных боеприпасов. Хотя свою роль сыграют и боеприпасы, занимающие промежуточное положение между «умным» и «глупым» оружием, — такие как обычные бомбы, которые с помощью русского модуля УМПК превращаются в управляемые. Его аналог в США — система JDAM.

Решающее значение в такой затяжной (неядерной! — М. К.) войне имеют гибкость и мощность военно-промышленных баз РФ и НАТО. Как считают авторы доклада, мы во время долгой войны выказали «способность быстро производить беспилотные платформы и боеприпасы — в основном устаревшего советского образца — в больших масштабах, несмотря на то, что последние десять лет РФ посвятила освоению новых, интеллектуальных военных технологий. В случае войны с Россией вполне вероятно, что Соединённые Штаты и их европейские союзники предпримут аналогичные шаги

по перенацеливанию и увеличению оборонного производства...»

Однако, считают эксперты, остаётся неясным, смогут ли Соединённые Штаты и их союзники по НАТО вовремя перевести свои оборонно-промышленные базы на производство более простых систем. Негибкость может оказаться серьёзной проблемой в случае будущей войны с Россией, если она примет затяжной характер.

НАТО НЕ НУЖНО ИМПРОВИЗИРОВАТЬ С ГРАЖДАНСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ

Актуальное наблюдение 6: НАТО вряд ли будет полагаться на гражданские умные устройства. Но они останутся важным инструментом для РФ и одновременно её уязвимой стороной.

Поскольку смартфоны и мобильный интернет стали обыденностью в Восточной Европе, любая потенциальная военная активность РФ в регионе подвергается риску обнаружения и фиксации местным населением. В случае возможного столкновения русских и НАТО гражданские люди, как и жители Украины после начала войны в 2022 году, станут снимать передвижения наших войск на свои телефоны и делиться информацией через социальные сети. Такая «гражданская разведка» может быть особенно эффективной против войск РФ — если, конечно, мы не сможем устранить те недостатки в области связи и управления, что выявились в ходе войны на Украине. Однако, напоминают американские эксперты, в таком случае — по международному праву — «гражданские разведчики» подвергают себя риску сурового наказания со стороны русской армии: их вполне законно могут поставить к стенке.

Но «если Россия объявит общенациональную мобилизацию и официально объявит войну НАТО, несанкционированное использование сотовых телефонов, вероятно, резко возрастет среди её собственных военнослужащих...» — уверены рэндовцы. Не горящие желанием воевать призывники будут звонить домой и снимать свои протестные видео. Причём, как полагают наши враги, такие протесты могут затмить всплески недовольства среди мобилизованных в РФ на исходе 2022 года. В свою очередь, смартфоны в руках русских резервистов — с их слабой подготовкой и невысоким боевым духом — станут источником разведанных для сил НАТО. Побудить многих резервистов не использовать мобильники и мобильный интернет из соображений безопасности будет весьма непросто.

Одной из примечательных черт войны на Украине стало то, что ВСУ используют гражданские приложения на телефонах для военных целей. «Однако в будущем конфликте с Россией силы НАТО, скорее всего, будут избегать такой импровизированной коммуникационной архитектуры...» — убеждены рэндовцы. Что, в общем, понятно: войска НАТО обладают куда более мощными и технически совершенными системами связи, нежели ВСУ или ВС РФ. Им не придётся импровизировать с гражданскими приложениями. Особенно если учесть, что за двадцатилетнюю афганскую кампанию войска НАТО отточили свои тактическую и оперативную координацию. А нынче НАТО — в процессе разработки новых, более защищённых коммуникационных сетей. Да и строгое соблюдение военными НАТО жёстких стандартов связи и обмена данными тем более не позволит использовать мирные «умные устройства» в военных целях. «В последние годы Соединённые Штаты стали особенно внимательно относиться к использованию своими военнослужащими интеллектуальных устройств и, скорее всего, в будущем запретят использование смартфонов на полях сражений...»

Правда, рэндовцы отмечают, что действительности такого запрета будет трудно добиться в многонациональных силах НАТО. Кроме того, это может быть связано с потерей тактической гибкости. «Поэтому неясно, смогут ли подразделения НАТО — особенно объединённые, многонациональные, — использовать системы военного назначения в будущем конфликте с РФ, действовать так же быстро, как их украинские партнёры действуют сегодня, используя преимущественно гражданские технологии...»

И намёк понятен: мол, РФ, отставшей в сфере коммуникаций от НАТО, придётся во многом полагаться на импортные «умные устройства», что потенциально позволяет использовать их как средство постоянной разведки силами НАТО, перехватывать важные русские данные и переговоры...

ДРОНЫ: ГЛУШИТЬ ИЛИ СБИВАТЬ?

Актуальность наблюдения 7: некинетические (электронные) способы борьбы с беспилотниками имеют решающее значение, однако технический прогресс может стимулировать развитие и кинетических технологий борьбы с БПЛА.

Чтобы бороться с беспилотными системами врага, приходится насыщать войска разнообразными средствами радиоэлектронной борьбы

(РЭБ). НАТО, вероятно, ускорит разработку тактических систем РЭБ — для использования небольшими пехотными подразделениями. Например, Альянс передал ВСУ системы радиоподавления БПЛА — EDMS. Они применяются даже отдельными бойцами, суть их — нарушать связь дрона с оператором и блокировать получение ими сигналов глобальной навигационной спутниковой системы. *«В высших эшелонах армии США также разрабатывается набор новых платформ РЭБ с наступательными и оборонительными возможностями в рамках программы “Terrestrial Layer System” (Система наземного слоя). Такие средства могут обеспечить устойчивость и ударную мощь формирований США и НАТО в бригадных, дивизионных и корпусных эшелонах, когда они попытаются маневрировать на боевом пространстве, подверженном русскому электромагнитному воздействию...»* — пишут рэндовцы.

Используя уроки, извлечённые из войны на Украине, ВС РФ, вероятно, развернут систему постановщиков помех для спутниковой навигации GPS (такие как «Поле-21» и Р-330 «Житель») в будущей войне с НАТО — для защиты от дронов (разведчиков и «ударников») критически важных командно-контрольных центров и логистических узлов. При этом, как гласит доклад, ВС РФ прикроют свои войска в поле новыми системами ПВО, которые минимально используют излучающие радары. Например, экспериментальный ЗРК 9М337 «Сосна-Р» обнаруживает воздушные цели с помощью пассивного радара. То есть комплекс не излучает активной радиолокационной сигнатуры, которая может быть триангулирована вражескими системами РЭБ или самолётами прорыва ПВО. Самоходная зенитная установка 2С38 аналогичным образом нацеливается на беспилотные летательные аппараты и крылатые ракеты, используя оптические датчики, а не радиолокатор. Такие важные средства, как ЗРК дальнего радиуса действия или дальнобойные ударные системы, будут защищаться с помощью радиопоглощающего материала «Накидка» или излучателей-приманок в соответствии с давней доктриной маскировки, принятой в русской армии. Против натовской техники РЭБ направлено и всё более широкое применение автономных систем, самостоятельно обнаруживающих и поражающих цели, — например, барражирующий боеприпас «Ланцет-3М».

ВСУ также сделали свои ударные беспилотники дальнего действия автономными (не требующими связи с операторами). Это

делает наши постановщики электромагнитных помех бесполезными при налётах дальних дронов на нефтеперерабатывающие заводы в глубоком тылу. Ну а США интегрируют автономные системы управления в тысячи новых БПЛА, производимых по программе «Репликатор». ВС США развивают дроны, запускаемые с борта пилотируемых самолётов, и их рои способны самостоятельно обнаруживать цели в зонах активного применения средств радиоэлектронного противодействия.

ПОЧЕМУ ОНИ УВЕРЕНЫ В СВОЁМ КОСМИЧЕСКОМ ПРЕВОСХОДСТВЕ?

Актуальность наблюдения 8:
коммерческие космические системы, вероятно, дадут больше преимуществ для НАТО, нежели для РФ.

Как считают авторы документа, любая война с РФ (или её перспектива) подтолкнёт к продолжению кооперации с частными корпорациями в космической отрасли, к углублению координации с ними. Уже сейчас НАТО может использовать отмененные частные системы спутников для *«обнаружения и публичного раскрытия передвижений русских войск, не раскрывая своих собственных возможностей...»*. Не говоря уж о том, что такие коммерческие спутники можно использовать для усиления своих разведывательных возможностей. Существуют и такие системы, как «Звёздный щит» (Starshield) от SpaceX, которые ведут инфракрасную съёмку земной поверхности и также дополняют космическую разведку блока НАТО. При этом многочисленные частные системы повышают стойкость орбитального эшелона Североатлантического блока к применению русскими противоспутникового оружия. Целей-то много. И если РФ начнёт ослеплять военные спутники Запада, создавать им помехи и отключать их, НАТО имеет реальную возможность задействовать «созвездия» проверенных коммерческих платформ. То же самое позволяет Западу сохранить орбитальные связи и разведку, если мы начнём сбивать спутники физически, «кинетикой» (*противоспутниковыми ракетами или спутниками-истребителями — М. К.*). Ибо «созвездия» частных аппаратов — это не отдельные, автономные спутники военных. Их просто больше, чем отдельных военных платформ, и у них будет больше шансов выжить в облаках обломков, которые появятся на низких орбитах после применения русскими противоспутникового оружия.

Конечно, при применении любой коммерческой спутниковой системы, убеждены американские эксперты, придётся взвешивать риски уничтожения их русскими или использования ими таких систем (как наши войска пользуются «Старлинком». — М. К.). «Захотят ли частные западные фирмы рисковать потерей своих инвестиций в открытой войне с РФ — ситуация, в которой вероятность космического конфликта значительно выше, чем в нынешней войне на Украине, — остаётся открытым вопросом. Коммерческий характер этих систем по своей сути может создать уникальные политические и технические проблемы для НАТО...» — говорят рэндовцы.

К примеру, если РФ каким-либо хитроумным способом приобретёт доступ к тем же коммерческим группировкам, которые используются Североатлантическим союзом для компенсации недостатков в своей собственной стареющей орбитальной инфраструктуре, то воздержится ли Россия от ударов по такой частной спутниковой системе? Хотя Соединённые Штаты и их европейские союзники, скорее всего, будут оказывать давление на частные космокомпании, дабы ограничить или заблокировать доступ русских к данным их спутников. Но если коммерческие фирмы согласятся ограничить использование Россией своих систем, то такой шаг может нанести ущерб и НАТО, ограничивая его способность использовать данные тех же коммерческих спутников. Попытки отключить «Старлинк» для пользователей из РФ действительно провалились, ибо начались проблемы и для западных пользователей, и для ВСУ.

ВЫВОДЫ: ЧЕМ ВОЙНА НАТО — РФ БУДЕТ ОТЛИЧАТЬСЯ ОТ СВО?

Возможная война между НАТО и РФ будет иметь существенные отличия от нынешней войны на Украине.

«Во-первых (и, возможно, это самое важное) господство НАТО в воздухе, вероятно, не допустит застоя, характерного для нынешних наземных операций...» — пишут американцы. Хотя наступление русских сухопутных войск, вероятно, может привести к первоначальным успехам до того, как НАТО сумеет мобилизовать силы для контрудара, ВВС Альянса в конечном итоге будут доминировать в небе над Восточной Европой, даже если РФ задействует свою ПВО. Ее уничтожение (нейтрализация) позволит воздушным разведчикам НАТО обнаруживать передвижения русских войск и слабые места в их обороне.

В то время как западная штурмовая авиация сможет неустанно бомбардировать командные пункты, узлы материально-технического обеспечения и маневренные формирования ВС РФ.

«Во-вторых, и НАТО, и РФ могли бы учесть уроки, извлечённые из нынешнего конфликта, чтобы исправить некоторые из своих наиболее вопиющих недостатков до начала следующей войны...» — убеждены рэндовцы. Например, НАТО может значительно улучшить свои возможности в области РЭБ против дронов, чтобы противостоять русской беспилотной угрозе. А Кремль мог бы вложиться в новые и более устойчивые средства разведки, связи и наблюдения оперативного и стратегического уровня.

Уроки войны на Украине могут изменить определённый баланс между нападением и обороной, ныне кажущийся очевидным. Средства РЭБ сегодня, считают рэндовцы, представляются перспективными в борьбе с беспилотниками. Однако в следующем десятилетии достижения в области искусственного интеллекта (ИИ) и автономных систем могут сместить баланс в пользу дронницы. Или же вызвать развитие оружия, поражающего беспилотники физически (кинетически, по терминологии янки). «Это постоянное взаимодействие между тактикой и технологией служит фундаментальной движущей силой динамичного характера войны...»

НАТО и РФ изучают боевой опыт и наверняка постараются ликвидировать свои слабые стороны, усилив преимущества. Но украинская война — всего лишь один из этапов изучения военных действий. Другие конфликты могут дать дополнительную информацию.

(Окончание в следующем номере)

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Изменяя правила **военной «игры»**

Попробуем сами осмыслить опыт украинской войны и доклад РЭНД-корпорации, дабы не идти на поводу у врага, а создавать свои победные стратегии.

СТРАННОСТИ НАЧИНАЮТСЯ УЖЕ В ВЫВОДАХ

Обратите внимание на то, как рэндовцы «делают открытие» насчёт того, что дроны могут использоваться вместо крылатых ракет. Ведь БПЛА в связке с телеуправляемыми крылатыми ракетами применялись уже летом 1982 года, когда Израиль таким образом подавлял сирийскую ПВО (русско-советского типа) в долине Бекаа в Ливане. Тогда дроны засекли машины разведки и наведения зенитно-ракетных комплексов — и наводили на них удары управляемых ракет. В 1983 г. на вооружение американской армии поступил БПЛА «Акила» (Орёл) — дальний разведчик и корректировщик для дальнобойной артиллерии. Вообще-то приведённый выше вывод РЭНД — давно «с бородой».

А эти положения о том, будто война выйдет непременно затяжной — и в ней потребуются поставки из третьих стран? В этих двух пунктах вижу то, что делает сей доклад РЭНД тонкой дезинформацией (10% лжи на фоне 90% правды). Полностью игнорируется тот факт, что Военно-воздушные силы (ВВС) в нынешнем мире сильнее противовоздушной обороны (ПВО). С 1972 года американская и израильская авиация прорывала и уничтожала зенитно-ракетную ПВО нашего (русско-советского) типа: во Вьетнаме (1972–1973), в Ливане (1982), Ливии (1986, 2011), Ираке (1991, 2003), Югославии (1999). Современная авиация — уже не просто «самолётные войска», а силы, где каждый истребитель-бомбардировщик сопровождается стайей ударных реактивных дронов, каковые сами являются дозвуковыми ударными самолётами. Они, пусть ценой своей гибели, вызывают на себя огонь неприятельских зенитно-ракетных комплексов (ЗРК), при этом их и атакуя. Включая радары, ЗРК обнаруживают себя — и идущие за дронами пилотируемые самолёты уничтожают вражескую ПВО противорадарными ракета-

ми и управляемыми авиабомбами. Кроме того, им сильно помогают летающие радары, идущие сзади и сканирующие земную поверхность на 200–300 км вперёд (воздушные корабли E-8 J-star во время войны 1991 г. с Ираком, а теперь — их более современные аналоги), как и спутники радарной разведки, чьи военные и коммерческие системы нынче активно развёртываются Америкой.

В таких условиях сильная держава может, прорвав и подавив ПВО противника, затем парализовать его тыл, уничтожив с воздуха с помощью МРДАУ (массированных ракетно-дрозно-авиационных ударов) органы политического, административного, финансового и военного управления неприятеля (в том числе бункеры), узлы его связи, телерадиовещания, интернета; нефтеперерабатывающие заводы и хранилища горюче-смазочных материалов, мосты и тоннели, железнодорожные узлы, энергетику. Завоевав полное господство в воздухе, авиация нападающей стороны обеспечит минирование портов страны — объекта нападения, разгромит аэродромы и аэропорты (нет поступления грузов извне по воздуху). Обороняющаяся армия останется без командования, без топлива и продовольствия, без подвоза боеприпасов и подкреплений. В итоге она просто рассыплется и побежит в тыл, подвергаясь ударам с воздуха, как это случилось с дивизиями Ирака в Кувейте в 1991 г.

Более того, в обозримом грядущем ВВС превратятся в воздушно-космический флот, когда дроны и пилотируемые «ударники» будут работать в связке с воздушно-космическими самолётами (способными выходить на орбиту и оттуда наносить жалящие удары по целям на поверхности Земли, будучи недостижимыми для зенитных ракет и самолётов-перехватчиков обороняющейся стороны). Какое оружие понесут воздушно-космические штурмовики? В том числе — и kineticические поражающие «стрелы», подобные тем, что применяются

в «Орешнике». С орбиты можно уничтожать авианосцы неприятеля, громить его бункеры и самые защищённые наземные цели: ничто не сдержит ударные элементы, мчащиеся на гиперзвуковой скорости, близкой к первой космической (более 7 км/сек). Военно-космическо-дроновые силы, позволяя оперировать на всей «этажерке» высот — от десятка метров над поверхностью до нескольких сотен километров над планетой, — обретут невиданное могущество.

Но почему-то авторы доклада РЭНД-корпорации всего этого не видят. С моей точки зрения, это просто лукавство. Для введения нас в заблуждение.

Зато вывод о том, что в случае столкновения с Североатлантическим блоком противник захватит господство в воздухе, увы, верен. РЭНД непрозрачно даёт понять, что мы увязли в многолетней кровавой «позиционке» на Украине как раз из-за слабости и упадка наших ВВС, неспособных делать то, с чем американская авиация успешно справлялась при разгроме Ирака в 1991 г. И если в случае конфликта РФ с НАТО в Восточной Европе господство в воздухе окажется в руках нашего врага, то разгром русских сухопутных сил получится страшным. Далеко нам в Европу не продвинуться, а ПВО РФ окажется подавленным. Она уже нынче эпизодически прорывается (результат — поражение наших нефтеперерабатывающих заводов) массированием налётов тихоходных БПЛА — «Лютых», например. Но что будет, если в ход помимо дронов пойдут и крылатые ракеты, куда более скоростные и мощные? Думаю, в таком случае логистика наших войск, стремящихся в Прибалтику или Польшу, окажется разрушенной со всеми вытекающими последствиями. Наши сухопутные силы попадут под точные и тяжёлые удары с воздуха, их ПВО окажется подавленной.

Поэтому не ожидаю наших попыток провести СВО в Прибалтике.

ВЫЗОВ ДРОННИЦЫ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Изучая основные рекомендации «мозгового треста» государству и военным США, ясно видишь: противник отлично изучил опыт дронницы ВСУ, которая смогла выстроить систему быстрых разведки и целеуказания для огневых средств ВСУ с помощью небольших дронов-коптеров («мавинов»), а затем и тучи дронов-камикадзе для уничтожения бронетехники и артиллерии ВС РФ.

Так же важны для нас планы вероятного противника в части децентрализации и гибкости их военного управления. Супостат наш откровенно хочет превзойти нас в гибкости военной системы, в её разумной децентрализации и в развитии инициативы полевых командиров. Дескать, русские авторитарны, у них исторически сержанты и младшие офицеры должны докладывать по инстанции наверх — и ждать команды к действию. Но пока сообщение снизу (об обнаружении цели, скажем) пройдёт все инстанции-уровни командования, пока полковник разрешит открыть огонь — цель может уже уйти, успев отстреляться по тем, кто её обнаружил.

Эту нехватку разумной децентрализации и самостоятельности младших командиров в Русской армии всячески высмеивал Энгельс в своих статьях о Крымской войне. Мол, поэтому русская солдатская масса инертна. На тот же недостаток напирала и гитлеровцы, всячески поощряя низовую инициативность в вермахте и СС. О слишком большой централизации командования в ВС СССР твердили американские генералы после 1945 г. Как видите, они рассчитывают на сохранение у нас оной традиции и в нынешние времена. Надо бы поломать их расчёты. Но пока — увы-увы...

Остальное у врага уже выполняется, причём с использованием опыта войны на Украине. Развитие недорогих автономных беспилотных систем, умеющих работать роями,

управляться ИИ — это та самая перестройка ВС и ВПК Америки, которую проводят «эльфы», те самые Маск, Тиль, Лаки («Андурил»), Карп («Палантир технолоджиз»). И здесь РФ, увы, отстаёт.

Рекомендации наращивать технологическое превосходство над русскими и ограничивать доступ РФ к коммерческим космическим системам — тоже тревожный звоночек. Всем теперь известна наша слабость по части спутниковых систем, в области цифровой защищённой связи, в системах управления и онлайн-разведки, в применении ИИ при ведении быстрых и точных боевых действий. Мы ведь используем «Старлинк» Маска, чтобы вести войну, управляя беспилотниками, равно как и западные мессенджеры — социальные платформы. Слишком много денег наш истеблишмент перед войной отправил псу под хвост, угробив триллионы в бесполезных Олимпиаде в Сочи, ЧМ-2018 по футболу, в саммите АТЭС во Владивостоке, в строительстве грандиозных военно-патриотических комплексов и помпезного Главхрама Вооружённых сил. И будет худо, если враг сможет отрезать нас от коммерческих возможностей его высокотехнологичных платформ и если мы не создадим отечественные аналоги оных.

ВЗГЛЯД ЯНКИ НА НАШИ ВВС-ВКС И ВОЙНУ В ВОЗДУХЕ

Читаю оценки наших ВВС-ВКС рэндовцами и вновь вижу тут некое лукавство. Нынешнее положение сродни тому, что имело место в 1915 году, когда временное наставление французского Генштаба гласило: скрытное сосредоточение войск для наступления более невозможно. Аэропланы противника вскрывают скопления войск — и немцы успевают и стянуть войска к месту готовящегося удара, и укрепить рубежи обороны, и пулемёты поставить, и накрыть наступающих артогнём. Но рэндовцам ли не знать, что выходом из этого позиционного

тупика стали и танки, и авиация? И что сегодня выходом из нового позиционного тупика выступают как раз обновлённые (дроны плюс пилотируемые самолёты и дальноточные высокоточные ракеты) ВВС, способные уничтожить центры принятия решений врага, парализовать тыл и снабжение войск обороняющегося противника, изолировать целые участки фронта?

Доклад РЭНД глаголет о снижении роли пилотируемой авиации. И в данном случае мы снова видим лукавство рэндовцев, намеренное принижение роли пилотируемых ВВС. Они не могли не видеть того, что РФ не организовала той систематической работы по уничтожению ПВО противника, что стала обычной для авиации США и Израиля со второй половины XX века. Ведь всё свелось к ударам «баллистикой» и крылатыми ракетами по позициям ЗРК ВСУ. И как только они сменили позиции, такая практика стала бесполезной. В то время как сами американцы развили способность бороться с зенитно-ракетными войсками противников силами самой авиации. Они впервые смогли подавить ракетную оборону Северного Вьетнама в 1972 году (операция «Лайнбэкер») и далее пошли по нарастающей. Отработав уничтожение ПВО советского типа руками Израиля в долине Бекаа (Ливан, 1982 г.) с помощью комбинации «дроны-разведчики и телеуправляемые ракеты», они в 1986-м успешно прорвали (силами только авиации!) ПВО Ливии, построенную СССР. А в 1991-м напроочь подавили зенитчиков Ирака, как в 1999-м — ПВО Югославии, повторив это в Ираке в 2003-м. Тогда они писали, что современная авиация сильнее зенитно-ракетной ПВО, которая не поддерживается мощными силами истребителей-перехватчиков.

Беда ВВС (ВКС) РФ как раз и состоит в том, что они не смогли даже повторить хорошо отработанную практику прорыва и подавления ПВО, освоенную нашими врагами. В моей библиотеке есть «История войны

в воздухе» на немецком, изданная в ГДР в 1985-м. Там очень доходчиво описана практика борьбы авиации с ПВО на примерах вьетнамской кампании и операций ВВС Израиля. Демонстративно-отвлекающие действия одной эскадрильи на границе зоны поражения — чтобы вражеская ПВО включила радары своих ЗРК. Другие эскадрильи, крадущиеся на низких высотах, взмывают и наносят удар по обнаружившим себя позициям ПВО противорадарными ракетами и управляемым оружием. Эскадрильи подавления ПВО «Дикие ласки» (США, Вьетнам), постановка электронных помех локаторам подавляемой ПВО. Самолёт-радар (а заодно и летающий командный пункт), идущий позади и передающий «картинку» обстановки атакующим самолётам... Всё было давно известно! С тех пор техника уничтожения ПВО стала совершеннее, её дополнили дроны-ударники. Мало того, будущее ВВС США — в превращении новейших ударных самолётов в комплексы «истребитель-бомбардировщик плюс стая из трёх-шести ударных реактивных БПЛА». Так, чтобы они могли атаковать ЗРК неприятеля и отвлекать на себя их огонь — чтобы пилотируемый «флагман» мог крушить их ракетами...

ЧТО ГОВОРЯТ ФРОНТОВЫЕ ПИЛОТЫ СВО

Получается, что ВВС-ВКС РФ лишены возможностей авиации США и Израиля 1980-х? От пилотов — участников нынешней кампании на Украине знаю, что толковой подготовки нашей авиации к подавлению ПВО ВСУ не было.

Вы летите на задание, несете управляемые бомбы. Впереди вас ждет дивизион зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) противника. Это могут быть американские комплексы «Пэтриот» — самые грозные оппоненты в нынешней войне. А могут — модифицированные С-300 советского производства или «Буки» первых серий. Вы входите в зону их поражения. Ваш самолёт для борьбы с ЗРК несёт ракеты Х-31ПМ, летящие на излучение стрельбовых радаров. Не извольте сомневаться: они вас засекут. К тому же, чтобы применить планирующую управляемую фугаску, нужно набрать высоту и разогнаться, иначе бомбу не пошлешь на большое расстояние. При благоприятных условиях она может улететь на 110 км. А вот если будет сильный встречный ветер, дальность рискует упасть до тридцати пяти — сорока километров. Но в обоих случаях

ваша машина оказывается в зоне поражения и С-300, и «Пэтриота». При этом вам, как и лётчику времён Великой Отечественной, нужно выдерживать самолёт на ровном боевом курсе. И тогда, и нынче крылатая машина на сём этапе крайне уязвима для зенитного огня. Если в те времена бомбардировщику приходилось идти «по ниточке», чтобы прицельно метнуть свободнопадающие бомбы, то теперь рыскания в стороны, виражи и резкие крены могут привести к «потере спутников» — то есть точной космической навигации, без коей не запустить бомбу с раскрывающимися крылышками.

По нервам бьёт сигнал: вы — в луче радиолокатора врага! Чтобы запустить по нему противорадарную ракету Х-31 повышенной дальности, необходимо засечь локатор неприятеля, маневрируя на курсе влево и вправо. Тогда противорадарная Х-31 определит точку излучения по триангуляции, запомнит её. Как вы понимаете, «гуляя» по курсу, нужно взять пеленги на источник радиоволн, углы замерить. И вычислить местонахождение локатора. Таков метод триангуляции.

Но на эти «влево-вправо» уйдёт минута плюс двадцать секунд. А вы ведь на боевом курсе! Можно, конечно, выпустить Х-31ПМ наугад, в надежде на то, что её «голова» захватит работающую РЛС (радиолокационную станцию) вражеского ЗРК сама. Но тогда эффективность действия дорожкой (почти миллион долларов в пересчёте с рублём) ракеты резко упадёт. В большинстве случаев Х-31 пролетит мимо. Особенно если враг включает локаторы ненадолго, чтобы засечь наши самолёты, — выстрелить и быстро переместиться. Или если «Пэтриот» стоит в засаде, а его «радиоглазами» выступают радары других комплексов, передающих данные на американский ЗРК извне. Или если враг держит ещё и ложные «пэтриоты», имитирующие работу их РЛС. Включить бортовую станцию радиоэлектронной борьбы (РЭБ) «Хибины»? Но она

устарела, враг научился её обманывать и преодолевать её помехи.

В общем, сложная ситуация. Как говорят пилоты, самый серьёзный противник — именно американский ЗРК «Пэтриот». Его ракеты очень быстры, да к тому же он дальнобоен. Когда слышишь в наушниках, как сокращается дистанция — 20 километров, 15 км, 10... — душа холодеет. Да и С-300 — дело серьёзное. Когда он стреляет в ночи, кажется, будто на земле рождается Солнце. Яркая вспышка — и «луч» от этого светила начинает стремительно тянуться к твоему самолёту...

Вот почему наша авиация далеко в тыл врага не залетает. Это смертельно опасно — оказаться в зоне поражения ЗРК...

К сожалению, в эту войну мы вступили, имея Военно-воздушные силы в упадке. Тот, кто воюет сейчас в воздухе, говорит: вроде бы учили прорывать ПВО, но не всех и по-разному. Только с началом войны завязалось общение с зенитчиками-ракетчиками (вроде бы давно объединёнными с авиаторами в Военно-космические силы — ВВС + ПВО), которые огорошили пилотов тем, что поведали: «А мы вас били бы на отходе. Когда вся ваша техника, рассчитанная на защиту с передней полусферы, обращена в обратную сторону. Когда хорошо видны горячие сопла ваших двигателей...»

Большинство лётчиков, вступивших в нынешнюю войну, были очень молоды и неопытны. Пилоты советской школы уже ушли. Реактивная авиация быстро изнашивает организм. У молодых летунов нет опыта больших учений с преодолением ПВО. Пришлось на ходу осваивать бреющий полёт. В этом отношении наша авиация очутилась в положении ВВС СССР в июне 1941-го. Нет ни опыта подавления ПВО врага, ни достаточных, эшелонированных группировок ВВС для завоевания полного господства в воздухе. Вот и приходится действовать лишь по переднему краю неприятеля ФАБами в качестве летающей ар-

тиллерии, но не как фактор стратегического масштаба.

Нужно решить ещё очень много проблем. Например, проблему автоматического обмена информацией между бортами по поводу работы вражеских РЛС — так, чтобы триангуляцию вели сразу два-три истребителя-бомбардировщика, независимо от того, есть ли у них «стаи гончих» в виде реактивных дронов. Нужна космическая радиоразведка (засечение позиций чужих РЛС и ЗРК) с моментальной передачей данных на самолёты — подобие советской спутниковой системы разведки и целеуказания «Легенда», которая в 1980-е обеспечивала силу наших кораблей и самолётов, несущих дальнобойные противокорабельные КР. Нужно интегрировать воедино военные и гражданские (частные в перспективе, как в США) орбитальные системы зондирования земной поверхности. Нужно делать самолёты и дроны — летающие РЛС для сканирования воздушного и наземного пространств (пилотируемые А-100 и Ту-214 «Фракция», беспилотные «Гелиос-РЛД»).

Как говорят наши пилоты, вражеские ЗРК работают в основном дивизионами, а не отдельными комплексами. И их, в общем, видно, они — не иголка в стоге сена. Маскировка их имеет свои пределы (слишком спрячешься — не сможешь вовремя выстрелить). Вопрос — в эффективности их уничтожения.

Чтобы сносить вражеские мосты — поражая их в опоры, а не только в пролёты, — авиаторам потребны

не одни лишь управляемые планеры-авиабомбы. Нужны и ракеты наподобие противокорабельных, способные зайти на цель снизу, с помощью ИИ распознав опоры моста, и врезаться в них, глубоко проникнув в железобетон «головой», прежде чем она взорвётся. По-старому, на телеуправлении и без ИИ, при развитых системах РЭБ у ВСУ, ничего не выйдет: канал управления забьют помехами.

Нужно решить и более прозаическую задачу: прикрыть собственные аэродромы от налётов вражеских ударных БПЛА. Помните, как в Корейской войне 1950–1953 гг. полотняно-фанерные бипланы По-2, пройдя на бреющем, атаковали тяжёлые реактивные машины американцев на лётных полях, накрывая их осколочно-фугасными бомбами? Примерно то же самое делают и нынешние дроны, выступая в роли камикадзе. При этом хорошо оборудованные защитными капонирами и подземными укрытиями аэродромы, унаследованные от СССР, остались на Украине и в Белой Руси, которые рассматривались как передовой рубеж войны с НАТО. Авиабазы в РФ были неукреплёнными. И за тридцать лет никто не озаботился тем, чтобы построить на них укрытия для самолётов, защитив их от налётов вражеской авиации, крылатых ракет и дронов. Вы помните, что находились более важные дела: то фанерный Рейхстаг взять, то самую дорогую в мире олимпиаду провести.

В общем, сейчас надо и капониры строить. И прикрыть аэродромы

скорострельно-пушечными комплексами наподобие советских «Шилки» или «Тунгуски». Иначе против налетающей беспилотной «мошкеры» спасу нет. ЗРК типа «Панцирь» при массированном налёте БПЛА быстро истощают запас ракет, потом их надо перезаряжать. По части огня из скорострельных пушек они не чета «Шилке». А прикрывать аэродромы только счетверёнными пулемётами (или даже «калашами»), как счетверёнными «максимами» в Великую Отечественную — не выход...

КОГДА ОПАСНО БЫТЬ ЛЕГКОВЕРНЫМИ

Всего этого я в докладе РЭНД-корпорации не вижу. А вот американская пресса куда откровеннее, особенно в свете успешного авиационного натиска на Иран в июне 2025-го. Она прямо пишет о том, что неспособность РФ провести ВНО (воздушную наступательную кампанию) на Украине и стала причиной нашего попадания в ловушку позиционной затяжной войны.

Досье (15 июня 2025 г.):

The Wall Street Journal¹: Израиль берет под контроль небо над Ираном — то, чего до сих пор не удалось добиться России на Украине.

- За 48 часов после начала войны с Ираном Израиль заявил о превосходстве в воздухе над западной частью страны, включая Тегеран. Его самолёты начали сбрасывать бомбы прямо с территории Ирана, вместо того чтобы использовать дорогие ракеты дальнего действия. Так, в воскресенье Израиль использовал это превосходство, уничтожив десятки иранских ЗРК и ликвидировав главу разведки КСИР с заместителем.
- Первые удары наносили F-35, усовершенствованные Изра-

илем. После подавления ПВО подключились F-15/F-16.

- Теперь используются дешёвые управляемые бомбы JDAM/Spice, наносящие разрушительный ущерб.
- Это преимущество осталось недостижимым для мощных российских ВВС на Украине за 3,5 года войны, что способствует позиционному тупику.
- Войны различаются (у Израиля нет наземного компонента), но их опыт подтверждает давний принцип: контроль над воздушным пространством решает всё.
- Отставной генерал-лейтенант ВВС США Дэвид Дептула заявил: «В случае войны между Россией и Украиной мы видим, что происходит, когда ни одна из сторон не может добиться превосходства в воздухе: патовая ситуация и переход к войне на истощение. В случае войны между Израилем и Ираном это даёт им беспрепятственную свободу наносить удары там, где они обладают превосходством в воздухе над отдельными районами Ирана».

Сдаётся нам, что доклад рэндовцев — тонкая попытка повлиять на некоторые верховные, но не критические умы. Дескать, ПВО сильно уронила мощь ВВС. И хорошо, мол. Не вздумайте их развивать (в то время как США занимаются обратным).

О «БОГЕ ВОЙНЫ» И ИЗБЕЖАНИИ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ «МОЛОТИЛОК»

По части использования артиллерии американцы не сказали ничего нового. Совмещение артиллерии старого типа с «глупыми» снарядами и неуправляемыми ракетами прежних РСЗО с высокоточными боеприпа-

сами и широким использованием БПЛА-наводчиков-корректировщиков — это ещё 1980-е годы. Именно тогда янки приняли на вооружение первые дроны-наводчики «Акила» (1983). А на практике такой подход применили армия Израиля в войне 1982 г. и ВС США при сокрушении Ирака в начале 1991-го. Всё это придаёт новые возможности артсистемам старого типа.

Русская контрстратегия (или желательное для нас изменение правил войны) состоит, во-первых, в том, чтобы впредь избежать артиллерийских «молотилок», подобных тем, что приключились на СВО. Чтобы не подрывать экономику выпуском миллионов снарядов и разить врага быстро — во-вторых. Нет, никто не призывает отказываться ни от артиллерии («Бога войны»), ни от выпуска снарядов, ни от высокоточных боеприпасов. Наша задача — не дать противникам втянуть нас в изнурительные артиллерийские дуэли, кровавые и страшные.

Видю выход в том, чтобы иметь как сильные, подлинно Воздушно-космические силы (космос и «высокое небо»), так и Силы беспилотных систем («нижнее небо»), выстраивая разнесённую по высотам «этажерку».

Замысел остаётся прежним: необходимо молниеносно давить ПВО и авиацию врага, выбивать его командные центры, включая высшее политическое и военное руководство. (Отчасти мы увидели подобное в войне Израиля против Ирана в июне 2025 г.) Разрушая систему управления государством, экономикой и войсками. Дезорганизуя производство оружия и боеприпасов и их доставку во вражеские войска, громя его арсеналы. Ломая работу его транспорта, энергетики, связи. Издали выбивая его артиллерию и ракетные установки. У противника много дронов? Сделаем так, чтобы его войска остались без еды

¹ https://www.wsj.com/world/middle-east/israel-takes-control-of-irans-skies-a-feat-that-still-eludes-russia-in-ukraine-846ccb95?mod=Searchresults_pos1&page=1

и топлива, без командования, с угрозой поражения любой попытки сосредоточить живую силу и технику. А вот для этого и необходимы как воздушно-космический флот, так и беспилотные войска, грань между которыми тонка: пилотируемая авиация также получит реактивные дроны-спутники для своих нужд. Причём такая авиация становится частью интегрированных разведывательно-ударных контуров вместе с дальнобойными и точными арт-системами, с ракетными войсками, с ВМФ (платформы крылатых ракет) и даже с пехотой, каковая и играет роль разведки, и сама получает тесную воздушно-артиллерийскую поддержку.

И, бесспорно, имперская Россия должна получить «верхнюю полку этажерки»: системы поражения и вывода из строя вражеских систем на околоземных орбитах. Для чего необходимо иметь не только заранее выведенные в космос спутники-истребители, но и космические самолёты, системы воздушного старта с лёгкими крылатыми «челноками», не привязанные к дорогим космодромам. Такова была мечта строителя корабля «Буран» Глеба Лозино-Лозинского (1909–2001). Мы должны её воплотить, заодно обретя и дешёвый способ вывода коммерческих грузов на орбиты.

Космическая часть такой «экосистемы» имеет очевидное направление эволюции: нанесение молниеносных, отвесных ударов с орбиты по самым защищённым и важным целям врага, будь то его ядерные силы, авианосцы и стратегические субмарины-ракетоносцы, авиабазы, штабы и высшие органы управления. Мы должны обрести способность быстро лишать противника его высшего политического, финансового, военного руководства. Помимо орбитальных бомбардировщиков и штурмовиков сюда, в силы внезапного парализующего удара,

органично войдут гиперзвуковые планирующие системы, гиперзвуковые крылатые ракеты, баллистика в ядерном и неядерном оснащении. И, конечно, кинетическое неядерное оружие дальнего боя — тот же «Орешник» и его потомки.

Нам нужно господство в небесах, совмещённое с передовой разведкой, радиоэлектронной борьбой и войной в инфопространстве, с возможностями ИИ и автоматических систем оценки ситуации и управления. По сути дела, речь идёт о возвращении на новом уровне к идеям господства в воздухе, пришедшим из второго десятилетия XX века. Это не ретроградство, а ход диалектической Гегелевой спирали. Нужно забыть о бреднях некоторых «аналитиков» из РФ, которые ещё недавно утверждали, будто высокотехнологичные войны — якобы блеф, и всё возвращается к атакам пехоты, к грязным окопам и к реинкарнации Первой мировой.

ВАШЕ СЛОВО, ГЕНЕРАЛ ДУЭ! ВЫХОД ИЗ «ДРОНОВОГО ТУПИКА»

Говорите, танки обесценены, дроны снова загнали нас в позиционный тупик? Ибо теперь нельзя безнаказанно собрать большие силы для прорыва? И авиация потеряла силу? Это сам экс-командующий ВСУ Залужный утверждает? Нет. Новую жизнь получает «доктрина Дуэ»: удары с воздуха с целью парализации тыла противника.

Второй раз человечество сталкивается с позиционным тупиком. До 2022–2025 гг. были 1914–1916 годы. Ад Первой мировой. Миллионы погибших в атаках на рубежи обороны. Но уже тогда были сильные умы, предлагавшие не класть столько жизней на ЛБС, а парализовать тыл врага, после чего его войска на фронте останутся без снабжения и управления. Снаря-

ды же и патроны кушать не будешь, в баки вместо горючего не зальёшь.

Ещё в 1915 году умный итальянский генерал Джулио Дуэ предположил: зачем посылать на гибель сотни тысяч итальянцев в войне с Австро-Венгрией на тяжёлый альпийский фронт? Давайте используем 500 бомбардировщиков для парализации австрийского тыла. Его план опережал своё время: тогдашние аэропланы были слишком примитивными и маломощными. В 1921 году Д. Дуэ выпустил книгу «Господство в воздухе», которая проповедовала малокровную войну — армады бомбовозов должны сокрушить в тылу противника его экономические и государственные центры. Именно в стратегических бомбардировках с воздуха (воздушных наступательных операциях) Дуэ видел выход из кошмара позиционного тупика. «Завоевать господство в воздухе — это значит достигнуть возможности вести против неприятеля наступательные действия именно такого масштаба, превосходящие все иные, какие только может вообразить ум человеческий; это значит быть в состоянии отрезать неприятельскую сухопутную армию и морской флот от их баз, лишая их возможности не только сражаться, но и жить; это значит защитить верным и безусловным способом свою территорию и свои моря от подобных нападений; сохранять в боеспособном состоянии свою армию и свой флот, позволить своей стране жить и работать в полнейшем спокойствии; одним словом, это значит — победить»².

«...Дуэ приходит к выводу, что для подавления и уничтожения воздушного противника нужны, прежде всего, мощная бомбардировочная авиация дальнего действия и самолёты воздушного боя, которые могли бы успешно поражать в воздухе неприятельскую авиацию, уцелевшую от воздушных бомбардировок и пытающуюся воспрепятствовать

² <https://topwar.ru/225307-imet-gospodstvo-v-vozduhe-znachit-pobedit-general-dzhulio-duje-i-ego-teorija-vozdušno-j-vojny.html>

вторжениям бомбардировщиков. Эти силы Дуэ предлагает свести в воздушную армию, действующую в массе и независимо от операций на сухопутном и морском театре, но в общем плане войны.

Поскольку бомбардировщики при выполнении своих задач всё же могут встретить ожесточённое противодействие противника в воздухе, в составе воздушной армии следует также иметь специальные «части воздушного боя», основная задача которых будет состоять в прокладывании дороги бомбардировщикам и отбрасывании противодействующих воздушных сил противника...»

«Воздушная армия, по его мнению, должна сорвать мобилизацию, разрушать железнодорожные узлы,

склады, парализовать морскую торговлю и морской флот противника, разгромить производственные центры. Войска противника занимали в списке приоритетных целей последнюю строчку...»³.

Как видите, Дуэ (а он умер в 1930-м) верно определил будущее. Всё на месте: эшелоны подавления ПВО противника и «расчистки воздуха» — есть, эшелоны нанесения ударов по тыловым целям — налицо. Но воплотить сие было в то время трудно: бомбардировщики представляли собой громоздкие тихоходы, несущие слишком малую нагрузку. Бомбы не были высокоточными, а сами самолёты слишком зависели от погоды и ночью могли действовать весьма ограниченно. Даже во Вто-

рой мировой дуэтизм ещё не мог быть воплощён полностью. А с появлением зенитных ракет в 1960-м (ЗРК), казалось, авиация получила страшного врага.

Но прошло семьдесят лет с выхода книги Дуэ — и мы увидели, как его доктрина воплощается — в войне США против Ирака в 1991-м. Каковая воплотила, в свою очередь, концепцию ВНА — воздушно-наземной операции США 1982 года. (В тот год янки приняли стратегию обезглавливания СССР — ударов крылатыми и высокоточными баллистическими ракетами МХ по руководящей верхушке Союза и союзных республик.)

Армия Ирака, до зубов вооружённая и засевшая за сильно укреплёнными рубежами в Кувейте, осталась без снабжения и почти без управления. Она побежала и развалилась за четыре дня, едва войска США и союзников начали наземную операцию после сорока дней воздушной наступательной кампании. Янки одержали победу, не потеряв и двух тысяч человек. Они обошлись без ковровых бомбёжек городов Ирака, без огромных жертв среди мирного населения и разрушения в щебень десятков городов.

С тех пор минуло 34 года. За это время развилась дронница. Она настолько увеличила свои возможности, что может давить ПВО противника в комбинации с крылатыми и баллистическими ракетами и пилотируемыми ВВС. Авиация не только не утратила своего значения: благодаря интеграции с БПЛА она обретает новые возможности. То есть доктрина Дуэ победила. Стала реальной возможность малокровной молниеносной войны, с перспективой захвата вражеских территорий в максимально сохранном виде.

Если бы война на Украине готовилась РФ именно в таком виде (как продвинутое повторение «Бури в пустыне» 1991 года), то дело закончилось бы уже к лету 2022 года.

³ <https://topwar.ru/225307-imet-gospodstvo-v-vozduhe-znachit-pobedit-general-dzhulio-duje-i-ego-teorija-vozdushnoj-vojny.html>

НОВАЯ ВОЗДУШНАЯ МОЩЬ: ДИВЕРСАНТЫ, ДРОНЫ И РЕАКТИВНЫЕ «МОНСТРЫ»

Создавая новую воздушную силу империи, мы совмещаем собственно военные действия с действиями специальными, разведывательно-диверсионными. Это то, о чём гремит теоретик спецназа, мятежный полковник Владимир Квачков, и то, что на практике применили израильтяне против Ирана в июне 2025-го или СБУ, ударившее дронами с грузовиков и фур по авиабазам нашей Дальней авиации. Во всех сих случаях диверсионные, агентурные сети заранее сумели развернуть позиции дронов у нужных пунктов, равно как и установки телеуправляемых ракет «Спайк». Так чтобы в нужный момент ударить и по воздушным кораблям на лётных полях, и по системам ПВО, и даже по пусковым установкам баллистических ракет. Как, впрочем, и по командному составу (обезглавливание и дезорганизация). Израиль показал, на что способны специальные действия диверсантов в тылу противника, совмещённые с завоеванием господства в воздухе и рейдами современной авиации с высокоточными бомбами и ракетами на борту.

Принципиально сие — действия гитлеровского осназа «Бранденбурга» в его блицкригах 1939–1940 годов в Европе и в июне 1941-го — у нас. То есть диверсанты резали связь, захватывали мосты, убивали неприятельских командиров, наводили удары авиации на чужие штабы. Совмещали действия люфтваффе Геринга с диверсиями и сеянием неразберихи, паники в неприятельском тылу. Просто теперь технические средства стали намного более мощными, точными, изошрёнными. В. Квачков недаром требует ввести в уставы третий вид боевых действий: специальные, помимо наступления и обороны. Израиль и Украина, как видите, такое практически сделали. Значит, и мы должны. Сформировав как отдельный род войск Силы спецопераций (ССО). По-

родив, по сути, громадный «живой» РУК — разведывательно-ударный контур, усиленный разведывательно-аналитической мощью ИИ.

Беспилотная воздушная мощь глубоко преобразит и прежние виды и роды оружия. Не нужно все дроны стогнать в Силы беспилотных систем. Подобно тому, как артиллеристы Первой мировой имели воздухоплавательные парки — для привязных аэростатов с наблюдателями и корректировщиками огня, и нынешние канониры имеют на фронте самочинные дронные отряды — с теми же целями; а также и самостоятельно сформированные силы отражения вражеских БПЛА, норовящих выбить пушки с их расчётами. А дальше своя дронница войдёт в состав артиллерийских и ракетно-тактических частей штатно, как и дробои. Танки понесут в себе набор атакующих БПЛА (как это делается в новейшей германской «Пантере»), получают дрон разведки и наблюдения (опять-таки «Пантера» тому пример).

Корабли ВМФ получают дроны — и даже зенитно-ракетные комплексы (ЗРК)! Ещё в начале 2000-х годов

глава компании «2Т инжиниринг» Игорь Табачук предлагал оснастить комплексы С-400 вертолётными БПЛА-ретрансляторами. Ведь для того, чтобы дивизион ЗРК стал связной распределённой системой, все его огневые комплексы, рассредоточенные на местности, должны получать поток данных с локаторов, с командного пункта. И сами передавать информацию и на КП, и друг другу. Кстати, взаимодействуя со своей авиацией через командный пункт и получая данные (в перспективе) от космических группировок. Делается сие через релейную радиосвязь. А поскольку связь эта не любит складок местности, оврагов и холмов, над дивизионом нужно поднимать радиомачты. Что очень неудобно: если противник их выбьет, связность дивизиона разрушится. Образуются «слепые зоны», сквозь кои могут прорваться вражьи самолёты, ракеты, беспилотники.

Табачук предложил дополнить радиомачты парой беспилотных вертолётов-ретрансляторов. Они парят высоко, связь получается более качественной и дальней — можно шире рассредоточить ЗРК. Если дрон-

вертолёт собьёт противник, на смену ему поднимется следующий. Так возможности дивизиона вырастают на десятки процентов. И логичным продолжением той же тенденции становятся дроны ПВО, прикрывающие зенитные комплексы от атакующих БПЛА врага, которые ставят конусы направленных радиопомех навстречу нападающей вражеской авиации, её эшелону прорыва ПВО и включают имитаторы работающих радаров, ежели неприятельские самолёты выпускают противорадиолокационные ракеты. Пуск они мчатся не на настоящие РЛС русских зенитчиков, а на летающие обманки. Если учесть, что завтра русским зенитно-ракетчикам придётся столкнуться уже не просто с дронами и с самолётами по отдельности, а с интегральными стаями «пилотируемый ЛА + стая БПЛА», предложение Игоря Сергеевича более чем актуально; он смог опередить угрозу почти на четверть века.

Вот такими мне видятся наши не просто ВС, а Военно-научные силы. Русские не должны погибать в сырых окопах и в лобовых пехотных штурмах, гореть в танках и бронемашинах под яростными налётами стайных дронов! Их не должны рвать на части ураганные артобстрелы. Наша пехота, наступая, сможет в любой момент — натолкнувшись на узел сопротивления врага — вызвать точные и разящие удары: артиллерийские, ракетные и воздушные.

И всё это нужно совместить и с новой индустриализацией, и с городами-садами (футурополисами), и с грандиозным строительством новой цивилизации, с творением сверхчеловека, «расы звездолётчиков», живущих в «будущеградах» с самоуправлением, новой властью Советов Нейромира. Иначе военной силы грядущего не выстроить. Её творение по плечу только умным, волевым, сильным гражданам самоуправляемых футурополисов, этим повелителям техники. А никак не увядающим обитателям панельных многоэтажек, рабам косной и жадной бюрократии...

ПОВТОРИЛИ СЦЕНАРИЙ «КРАСНОГО ШТОРМА», НО НЕ ПРЕДВИДЕЛИ «ПАУТИНЫ»

Воображая войну между НАТО и РФ, авторы доклада фактически воспроизводят сценарий технотриллера Тома Клэнси «Красный шторм» 1986 года. В нём СССР, столкнувшийся с тяжёлым экономическим кризисом, нападает на НАТО. Обе стороны негласно договариваются: ядерное оружие не применяем, бьёмся обычными вооружениями. Но Союз, вторгаясь в Западную Европу, несёт огромные потери от высокотехнологичного оружия США и европейцев, его архаичная система управления войсками не выдерживает схватки с более передовой военной системой янки. И когда от отчаяния высшее руководство СССР готово отдать приказ о применении тактического ядерного оружия, русский генералитет сворачивает его, идёт на перемирие с НАТО и устанавливает в Советском Союзе национал-патриотический режим...

Рэндовцы рисуют в своём докладе нечто похожее: РФ, что меньше и слабее СССР, вторгается — намёк более чем понятен — в бывшие советские республики Прибалтики, ныне — члены НАТО. Как и в технотриллере Клэнси, стороны молча договариваются не применять оружие массового поражения. Но это, простите, абсурд.

Во-первых, ВС РФ отягощены серьёзнейшими недугами, выявившимися в ходе СВО. Они ещё могут рывком занять Прибалтику, и вряд ли старшие члены НАТО станут за неё жизнь отдавать. Но победа окажется для нас пирровой. Уже с Польшей придётся куда сложнее. Оставим на совести американских экспертов их уверенность в том, что мы — агрессоры. Сосредоточимся на чисто военно-организационной и технической сторонах.

Армия наша на фронте сильно напоминает мне РККА 1920 года. С существенными различиями. Во-

первых, лошадей у нас нет. Во-вторых, состоит армия из пожилых уже людей с подорванным на фронте здоровьем. Смертельно уставших от войны, да ещё и от пузиковщины в частях.

Вы можете представить себе переброску такой армии к рубежам Эстонии? Массы пехоты, оставшейся без танков и бронемашин, выбитых укродронами. С гражданской автотехникой, закупленной на пожертвования граждан руками-ногами волонтеров. С разношерстными системами связи импортного производства, купленными также волонтерами (что касается и огромной части дронницы). Эпическое зрелище: марш усталых, грязных и старых танков, обваренных «мангалами». Добавлю — танков с контейнерами динамической защиты, поставленными не МО РФ, а волонтерами Родригеса. С масксетями, сплетёнными добровольцами одессита Грубника за собственный кошт.

Такая бородатая пожилая армия ещё должна сосредоточиться на исходных позициях. Не имея собственной связи, пользуясь купленными за свой и граждан счёт терминалами Маскова «Старлинка». Не обладая надёжным тыловым обеспечением. Не имея в распоряжении приведённых в полноценное состояние ВВС, умеющих работать на всю глубину противника и давить чужую ПВО. Не обладая Силами беспилотных систем как сформированным родом войск. Имея в тылу разгорающийся экономический кризис.

Пока писал текст, подоспело дополнение от моего друга, работающего в ВПК: «У Франции ещё сильная авионика, с которой у нас беда. А ещё вспомним про флот (его отсутствие у нас на Балтике). Про судьбу Калининграда и думать страшно. Про отсутствие ЕСУБД (единой системы управления боевыми действиями) молчу (при том что у НАТО она давно отлажена и интегрирована во все элементы). Про слабую спутниковую группировку напомним, про нехватку самолётов ДРЛО — напоминаю. Сама мысль о войне РФ с НАТО — утопия...»

ЯДЕРНЫЕ РАСКЛАДЫ: НА ТРИ СТРАНЫ УЖЕ НЕ ХВАТИТ

Нам понадобится не менее десяти лет после окончания СВО, чтобы вылечить наши Вооружённые силы и сделать их армией новой эры. Для чего, как вы понимаете, необходимо индустриализовать страну, перейти на новые пятилетки. Чтобы, образно выражаясь, против их «Андурила» и «Палантира» поднялись наши корпорации «Святогор» и «Кудесник». Но пока их нет, мы отстаём от «революции эльфийского технофашизма» в Америке.

Потому нужно быть политическими самоубийцами, чтобы сейчас кинуться решать прибалтийский вопрос. В нашем нынешнем состоянии НАТО (после занятия Эстонии, Латвии и Литвы) изобьёт нас с воздуха. Если мы в ответ решим применить ядерное оружие, то можем нарваться на ядерно-ракетный ответ. Мы, конечно, уничтожим европейских натовцев — членов ядерного клуба, Британию и Францию. Но если они успеют ответить со своих подлодок-стратегов (а это не менее четырёхсот боеголовок), если в ответ примут участие и США как лидер НАТО, то и РФ не уцелеть. Мы перестанем существовать как государство.

Сколько у нас средств в ядерном арсенале на сегодня? После многочисленных горбачёвских и постсоветских сокращений на 2016 г. у нас 1648 боезарядов на 526 носителях (у Соединённых Штатов — 1538 зарядов на 762 носителях). В 2001 г. РФ ещё имела (наследие Советского Союза) 6094 заряда на 1266 носителях. Если разделять нынешний арсенал на три страны сразу (Англию, Францию и Америку), то выходит маловажно. И хотя после нашего — даже ограниченного ответа — Соединённые Штаты, Франция и Соединённое королевство прекратят своё существование как организованные силы, РФ от того не легче. Нас-то тоже не станет. И Сибирь достанется Китаю...

Поэтому делаю вывод: скорее НАТО нападёт на нас, нежели мы —

на него. При этом противник должен быть уверен: компенсируя нашу нынешнюю военную немощь в обычных вооружениях, мы непременно применим ядерное оружие. Сперва тактическое, конечно. По тем же группировкам войск и авиабазам.

НЕПРЕДСКАЗАННАЯ «ПАУТИНА»

Но при этом авторы доклада не предсказали ни «Паутину» в РФ, ни её гораздо более масштабное повторение в Иране. То есть истинно гибридную войну: собственно боевые действия тесно сплетаются с разведкой, диверсиями, спецоперациями и психологической войной. Особенно в случае Израиля, когда снайперские действия ВВС сопровождались мастерскими диверсиями, уничтожавшими не только зенитно-ракетные комплексы и локаторы ПВО, но даже генералов КСИР и учёных-ядерщиков. Словом, воплощённая мечта идеолога русского спецназа Владимира Квачкова. При этом на фоне точных ударов по Ирану (с минимумом жертв среди гражданского населения) кто-то умело сеял панику в Тегеране и других крупных городах, распуская дикие слухи и поджигая автомобильные покрышки, дабы столбы чёрного густого дыма создавали иллюзию множества поражённых еврейской авиацией целей. Израильцы смогли создать внутри Ирана многотысячную армию агентов, практически смертников, но притом — эффективную пятую колонну. А спецслужбы Еврейского государства, маскируясь под индийских разработчиков программного обеспечения, смогли обеспечить «закладки» во множестве компьютерно-управляющих систем Персии и отслеживать буквально каждый шаг иранских властей...

Не сужу строго РЭНД-корпорацию за то, что она не сумела предвидеть подобное и рассмотреть такое как часть возможного конфликта между РФ и НАТО. Ибо и сам не представлял всех возможностей гибридной

военно-специальной операции. Но теперь вижу, что мы должны всемерно изучить случившееся, дабы подобная «суперпаутина» не стала средством обезглавливания РФ и быстрого уничтожения части наших ракетно-ядерных арсеналов.

НА КРЫЛЬЯХ ПИЛОТИРУЕМЫХ И БЕСПИЛОТНЫХ...

Удивительно, но RAND, в своё время основанная как «мозговой трест» именно ВВС США, в этом докладе не связывает воедино беспилотники и пилотируемые аппараты в деле возможного прорыва и подавления русской ПВО. Хотя им положено знать о программе истребителя шестого поколения NGAD (воздушное доминирование нового поколения), который должен работать как лидер группы из трёх-шести реактивных дронов. Речь идёт не только о перспективном F-47, который вряд ли быстро появится, но и о нынешних истребителях-бомбардировщиках — тех же F-35, так хорошо показавших себя над Ираном, и о более старых машинах.

Тут вижу опять лукавство и усиление нашей бдительности. Не верю, что забыли об этом рэндовцы. Просто глаза нам отводят, рассчитывая на некритическое поклонение нашей «элиты» всему американскому...

НЕ ДОПУСТИТЬ ЗАТЯЖНОЙ ВОЙНЫ С НАТО!

Оставляю на совести рэндовцев «намерение» РФ напасть на Североатлантический блок. Но возможность нападения его на нас мы должны учитывать и всячески к сему готовиться.

Тут важно ни в коем случае не допустить затяжной войны без применения ядерного оружия. Ибо тут мы гарантированно терпим поражение. Слишком не равны экономические потенциалы. Нам нужна только молниеносная война, блицкриг.

НАТО должна об этом знать. Боязнь схлопотать атомный ответ да послужит фактором устрашения

Запада и удержания его от опрометчивых шагов. Для этого нам нужно новое качество Стратегических ядерных сил. О чём мы поговорим отдельно. Наши РВСН должны не только быть защищены от операций, подобных «Паутине», но и получить возможность применять своё оружие в неядерном варианте, подчас — высокоточном. И «Орешник» тут — лишь первый шаг.

Русские должны получить возможности глобального неядерного удара — парализующего, обезглавливающего, обезоруживающего. Сочетание мощных систем кинетического действия на баллистических ракетах, гиперзвуковых высотных и орбитально-бомбардировочных систем. Так чтобы между ядерно-стратегическими и конвенциональными силами появилась ещё одна «ступень» как возможность «последнего предупреждения» перед применением оружия массового поражения. В случае столкновения с НАТО такие способности будут весьма нелишними.

Следует беспристрастно и беспоощадно провести расследование: почему в начале СВО не были нанесены снайперские обезглавливаю-

щие и парализующие тыл ВСУ удары ракетами, дронами и БВС? Почему не осуществили уничтожение ПВО противника? Почему не реализовали концепцию стратегических операций по уничтожению критически важных объектов (СОУКВО, по-английски — Strategic Operations to Destroy Critically Important Targets, SODCIT)? Без ответа на оные вопросы дальнейшая работа лишается всякого смысла.

Вероятный противник всюду строит новую военную силу: царство ИИ и беспилотных автономных систем. Готовит «роботблиц». Такие «эльфийские» компании в Соединённых Штатах, как «Палантин», «Андурил», «Кратос», «Спэйс Икс» Маска, — ярчайшие тому примеры. Боевые действия ближайшего будущего станут безумно быстрыми и точными. Если русские не смогут создать своего варианта «робовойны», дать свои асимметричные ответы на вызов «эльфов», то наша песенка окажется спетой. Ибо противник сможет «нашпиговать» нас своими боевыми роботами до начала войны. И учинить нам новое 22 июня, снос сил ядерного сдерживания РФ, после чего нам уже не выжить.

Да, необходимо получить то, что я называю ВНДС — Военно-научно-добровольческие силы. Ликвидировав наши опаснейшие провалы по части современных связи, разведки, наведения. Выстроив нужный космический эшелон. Негоже «от нужды» надеяться на чужие «старлинки» и мобильные приложения. Но сиё недостижимо без глубочайших экономических, а значит — и общественных преобразований. Горький опыт показал, что сырьевая, импортозависимая экономика не в силах вести войны новой эры. Она инновационно непроходима, косна, консервативна. Подданный бюрократии мало подходит для быстрых войн, тут нужен умственно развитый, свободный гражданин, готовый воевать дерзко, изобретательно — с готовностью жизнь отдать за свою страну. А чтобы добиться такого, придётся глубоко перестраивать экономический курс, налоговую и кредитно-финансовые системы, осваивать подлинно активную индустриальную политику. Превращать науку в могучую производительную силу, а гражданскую активность — в «энергетическое сердце» новой империи. Принимать новые пятилетние планы развития.

Ставку придётся делать на совершенно новую индустрию. Уже не просто роботизированную, а подобную живым клеткам. Нам предстоит строить самовоспроизводящиеся робофабрики (мечту таких мыслителей, как Александр Оликевич) с минимумом потребностей в живых работниках. Ибо иначе нам не вытянуть бремени — слишком мало русских осталось, слишком много у нас пожилых и немощных. Да и самовоспроизводящиеся фабрики гораздо устойчивей в войне. Они делают ненужными многие промежуточные стадии производства, подчас «выращивая» детали и изделия. Но это — особая тема.

Вопрос стоит так: либо мы воплощаем фантастику, либо — всё, финал...

/ Дмитрий ЗЕЛЕНЦОВ /

Космополитика, или Учение о космической гегемонии

На протяжении истории нашей цивилизации человек осваивал могучие стихии. Вначале это была суша, затем моря и океаны. В минувшем столетии человеку покорилась стихия воздуха, и были

сделаны первые шаги в невиданной стихии под названием космос.

Но человек движим не только стремлением к новому. Народ или государство, первыми преуспевшие в покорении стихии, делали её осно-

вой своей власти, процветания и благополучия. Контроль над стихией зачастую вёл к контролю над миром, по крайней мере, над его ключевыми частями. Повелители стихий диктовали свою волю другим, заставляли

сам ход истории идти в желательном для себя направлении. И сегодня, когда мы стоим у края безбрежной космической стихии, мало что изменилось.

Ещё в середине прошлого века, когда космонавтика делала свои первые шаги, это было хорошо известно в США, претендовавших на мировую гегемонию. Тогдашний сенатор, а позднее президент Линдон Джонсон провозгласил: «Британцы господствовали в море и руководили миром. Мы господствовали в воздухе и были руководителями свободного мира с тех пор, как установили это господство. Теперь это положение займёт тот, кто будет господствовать в космосе».

Сегодня космос прочно утвердился в жизни каждого государства и каждого человека: вспомним систему GPS, спутниковое телевидение, связь, метеорологию, геодезию, космическую разведку и системы поддержки армий на поле боя.

Таким образом, первостепенное значение для выживания государства в XXI веке будет иметь «космическая мощь» (по аналогии с «морской мощью» Альфреда Мэхэна). И если продолжать аналогию между космосом и океаном, то государства, которые не будут вести собственную космическую деятельность, станут подобны странам, не имевшим выхода к морю в те столетия, когда оно играло ключевое значение в международных делах. В недалёком будущем «космическая мощь» станет ключом к долгосрочному выживанию.

Как сказал Е Пэйцзянь, глава китайской программы исследования Луны: «Космическое пространство — это океан, Луна и Марс — острова. Если мы не доберёмся туда, учитывая, что мы можем это сделать, наши потомки будут обвинять нас в том, что мы этого не сделали. Если другие достигнут этих мест раньше нас, они получат контроль над ними, и тогда мы не сможем добраться туда, даже если захотим. Это достаточная причина, чтобы всё-таки туда отправиться...»

Потенциальный космический гегемон должен обладать достаточной космической мощью во всех её проявлениях, чтобы, контролируя околоземное пространство, проецировать свою силу как из космоса на землю, так и в дальний космос. Кроме того, тот, кто получит контроль доступа в космос, может попросту не допустить туда кого-то ещё.

Парфразируя классическую геополитическую идею сэра Хэлфорда Макиндера и Николаса Спикмэна, мы получаем важнейшую космополитическую максиму: кто контролирует околоземную орбиту — контролирует околоземное космическое пространство. Кто контролирует околоземное пространство — тот доминирует на Terre. Кто доминирует на Terre — тот определяет судьбу человечества.

Естественно, условием победы будет военное превосходство. Как известно, в декабре 2019 года, в свой первый президентский срок, Дональд Трамп объявил о создании в США космических войск как от-

дельного вида ВС. Он провозгласил: «Космос — это новая сфера ведения боевых действий. И американское преимущество в нём совершенно необходимо....Космические силы помогут нам контролировать важнейшую и окончательную сферу доминирования, которой является космическое пространство».

Тем самым США недвусмысленно заявили свои претензии на роль космического гегемона. Недаром их космические силы получили наименование «стражей», которые претендуют на то, чтобы задавать правила и контролировать космические путешествия и стратегические потоки ресурсов, товаров, инвестиций, технологий, данных и знаний.

В связи с этим стоит напомнить, что ещё в начале 80-х США планировали масштабную милитаризацию космоса. Речь идёт о знаменитой Стратегической оборонной инициативе (СОИ), или проекте «Звёздные войны». Будучи реализована на практике, СОИ служила бы для США не только системой страте-

Парфразируя классическую геополитическую идею сэра Хэлфорда Макиндера и Николаса Спикмэна, мы получаем важнейшую космополитическую максиму: кто контролирует околоземную орбиту — контролирует околоземное космическое пространство. Кто контролирует околоземное пространство — тот доминирует на Terre. Кто доминирует на Terre — тот определяет судьбу человечества. Естественно, условием победы будет военное превосходство. Как известно, в декабре 2019 года, в свой первый президентский срок, Дональд Трамп объявил о создании в США космических войск как отдельного вида ВС. Он провозгласил: «Космос — это новая сфера ведения боевых действий. И американское преимущество в нём совершенно необходимо....Космические силы помогут нам контролировать важнейшую и окончательную сферу доминирования, которой является космическое пространство».

гической обороны, но позволила бы диктовать свою волю всей планете. (Ныне духовным и отчасти технологическим наследником СОВ выступает провозглашённый Трампом в самом начале его нового президентского срока проект «Золотой купол».)

И именно американские авторы — ещё в 90-е годы прошлого века — начали концептуально обрисовывать подход к перспективе государственного соперничества в космосе, опираясь на классические геополитические доктрины. В первую очередь, речь идёт о доктрине «космической мощи» Джеймса Оберга, которую он развивал, исходя из учения о «морской мощи» А. Мэхэна, а также из концепции «астрополитики» Эверетта Долмана, которая сочетает в себе идеи геополитики с подходами т.н. Realpolitik. Эти и другие, более поздние, концепции мы в совокупности будем именовать космополитикой.

Тесно связанным с учением о космополитике будет представление о космостратегии. Как отмечает Э. Долман, «в стратегическом опыте всех периодов истории имеет место сущностное единство, поскольку для характера и функций войны и стратегии ничего существенно не меняется». Космополитика описывает геополитические основы для власти в космическом пространстве и даёт рекомендации о доминировании в космосе с помощью военных средств. Кроме того, она рассматривает социальное и культурное влияние новых технологий, прежде всего, космических, на эволюцию политических институтов. Наконец, космополитика претендует на то, чтобы дать прогностические инструменты, на основе которых будут выводиться модели и сценарии будущего соперничества в космосе.

ЭЛЕМЕНТЫ КОСМИЧЕСКОЙ МОЩИ

Итак, что же такое «космическая мощь», которая составляет главный инструмент космополитики? Чем должен располагать потенциальный космический гегемон, чтобы, вступив в гонку с конкурентами, иметь максимум шансов на выигрыш?

Элементы «космической мощи» варьируются от очевидных — космических аппаратов, стартовых площадок и средств управления — до часто упускаемого из виду человеческого фактора: от отдельных людей, чей интеллект и самоотверженность способствуют инновациям, до общества в целом, которое понимает и ценит космическую деятельность, имеет космические амбиции (как в прямом, так и в переносном смысле) и уверено, что итог будет стоить приложенных усилий. Чем больше таких элементов у государства, тем более гибкими и надёжными будут применения «космической мощи».

Вслед за Джеймсом Обергом пройдемся более подробно по этим элементам.

Аппаратные средства: участник космической гонки должен иметь очевидные элементы аппаратного обеспечения для проведения космических операций: производственные мощности, космические корабли и спутники, пусковые установки и средства управления и контроля.

Технология: научное сообщество должно разрабатывать программы фундаментальных и прикладных исследований, относящиеся ко всему спектру возможностей, связанных с желаемыми космическими операциями.

Промышленность: страна должна опираться не только на государственную, но и на частную промышленность в плане развития космических технологий. Частники

должны обладать пониманием всего спектра преимуществ и возможностей космоса и финансировать собственные фундаментальные и прикладные исследования.

Реальные космические аппараты и ресурсы, необходимые для их эксплуатации (например, топливо, электроэнергия и т.п.), зависят от промышленных и финансовых возможностей, которые регулируются космической стратегией. Их качество, стоимость, срок службы и т.п. отражают первоначальный стратегический замысел и определяют фактические эксплуатационные возможности. Уровень запасных частей и резервов (которые могут понадобиться для восполнения потерь или развёртывания более многочисленных, чем обычно, космических активов) зависит от стратегии и имеющихся ограничений; это часто упускаемый из виду элемент «космической мощи».

География: для свободного осуществления космических операций требуется стартовая площадка с достаточными зонами безопасности и обширная сеть коммуникационных площадок. Этот фактор благоприятствует географически крупным странам. В этом контексте космодром Байконур, который находится за пределами нашей страны и функционирование которого зависит от наших отношений с Казахстаном, — уникальный и показательный пример связи гео- и космополитики.

В обществе должно быть **достаточное количество инженеров-специалистов и учёных-теоретиков**. Налогоплательщики должны сознавать важность государственных расходов на развитие космических технологий, в первую очередь, космических проектов, должны оказывать заметное влияние на общественное мнение, а сами проекты должны обрести культурную значимость¹.

¹ Иными словами, общество должно «болеть» космосом, как было когда-то и в США, и в СССР. И как сейчас во многом происходит в Китае, активно развивающем свою космическую программу. Отдельные программные заявления китайской космополитики звучат даже в фантастической литературе, которая в последние годы бурно развивается в КНР (например, трилогия «Воспоминания о прошлом Земли» Лю Цысиня) и которая в известной степени стала элементом «мягкой силы» Китая.

С вышеизложенным тесно связан ещё один фактор «космической мощи»: **традиции и интеллектуальный климат**. Космическая деятельность страны требует широкого общественного признания и поддержки, а нация должна выдерживать как долгосрочные экономические и политические изменения, так и краткосрочные неудачи. Космос должен стать существенным элементом национального самосознания. Общественный энтузиазм по поводу космической деятельности породит в итоге сообщество профессиональных космических работников и станет постоянным источником идей и вдохновения для лиц, определяющих космическую политику.

Поскольку вступающие в гонку государства и нации в той или иной степени обладают различными элементами «космической мощи», они могут использовать их различными способами.

Во-первых, для непосредственной выгоды обладателя, достижения дипломатических, гражданских и военных целей.

Во-вторых, для поощрения и вознаграждения других глобальных игроков. Кроме того, возможность объединить космические усилия нескольких игроков имеет измеримую экономическую ценность.

В-третьих, для наложения штрафных санкций на других игроков. Нежелательное поведение может привести к прекращению совместной деятельности, отказу в предоставлении информации и других услуг и даже изоляции от международного космического сообщества.

В-четвёртых, чтобы самому избежать наказания со стороны других игроков. Каждый игрок стремится к как можно меньшей зависимости от других стран в отношении ключевых элементов космической мощи, но только те, у кого самая широкая космическая инфраструктура, могут добиться этого и использовать предоставляемую ею свободу действий.

В-пятых, для проецирования своего влияния на других. Космическая мощь одной страны может существенно влиять на внутреннюю космическую политику (и иные направления политики) другого игрока, форсируя развитие или препятствуя стремлению к конкуренции или конфронтации.

Наконец, космическую мощь можно использовать как для применения силы в космосе, из космоса или через космос, так и для противодействия применению силы против самого себя.

Сегодня всё большее количество игроков стремится включиться в космическую игру, а значит, всё больше

осознаёт потребность в собственной космической мощи. Свои программы освоения космоса уже имеют Бразилия и Индия, активно (правда, при помощи других стран) запускает военно-разведывательные спутники Турция, космические амбиции есть у Саудовской Аравии, которая запланировала до 2030 года потратить на их реализацию свыше 2 млрд долларов.

При этом по мере развития технологий минимальные космические возможности снижаются в цене. В недалёком будущем количество стран, имеющих доступ к космическим и ракетным технологиям того же уровня, что имелись у США и СССР в середине прошлого века, включая ракеты средней дальности, системы наведения и системы командования и управления, будут исчисляться десятками.

Но космической мощью теперь обладают не только национальные государства. Ещё в 90-е годы на космической арене наблюдался значительный рост активности коммерческих организаций, которые запускали спутники для различных госструктур. Что уж говорить о всплеске частной космонавтики, наблюдаемом в последнее время и олицетворяемом такими фигурами, как Илон Маск и Джефф Безос, которых уже величают «космическими баронами».

К космосу растёт интерес и со стороны других неправительственных организаций, таких как наркокартели или революционно-террористические группы. Не исключено, что некоторые из них смогут получить доступ к космическим услугам дружественных правительств, и применение крупными космическими игроками космической мощи «в режиме запрета» станет правдоподобным вариантом.

ЧТО НАМ МЕШАЕТ?

Однако реализация «космической мощи» может встретиться с рядом препятствий, что потенциальный космический гегемон должен учитывать в выстраивании своей космостратегии. Спектр ограничивающих факторов открывается характеристиками самого космического пространства и современных космических операций и заканчивается государственными и международными проблемами. Впрочем, каждое из этих ограничений само по себе не является непреодолимым и может быть обойдено за счёт развития технологий и грамотной политики.

Наиболее очевидным ограничением космических операций является их стоимость. Несмотря на известный прогресс в снижении расходов на вывод полезной нагрузки на орбиту, этот фактор по-прежнему отражается на всех остальных особенностях космических операций, ограничивая размеры, количество и доступные орбиты космических объектов.

С фактором стоимости связана проблема так называемых узких мест, через которые проходят космические операции. Речь идёт о стартовых площадках и наземных средствах управления, которые существуют в ограниченном количестве, что обуславливает уязвимость и стратегическую скованность системы в целом.

Другой ограничивающий фактор — природа космической среды и действий в ней. Развёрнутые космические средства зависят от суровых естественных условий, а также

от характеристик космоса (высокие скорости, отсутствие препятствий для прямой видимости и т. д.), которые могут быть использованы для их намеренного повреждения или уничтожения. Это делает такие активы крайне уязвимыми — и, соответственно, заманчивыми целями для применения силы недружественными игроками.

Ещё одно ограничение лежит в дипломатической и юридической сфере. Деятельность в космосе — это деятельность на глобальной сцене с международными юридическими и дипломатическими проблемами. С 60-х годов XX века накопился корпус т.н. космического права. В основе составляющих его договорённостей лежали разнообразные мотивы, как явные, так и скрытые. Однако они отстали от скорости технического прогресса, что делает их терминологию и концепции устаревшими. В итоге во многих аспектах космической мощи дипломатические соображения существенно ограничивают использование потенциальных национальных преимуществ.

Рассмотрим более подробно факторы, ограничивающие космическую мощь: к примеру, затраты на запуск. С одной стороны, высокая стоимость транспортировки является основным препятствием для расширенной коммерческой, частной и даже государственной деятельности в космосе. Притом сама эта стоимость в известной степени является барьером для лёгкого доступа в космос игроков второго и третьего эшелонов, чьё присутствие как минимум усложнило бы, а в худшем случае поставило бы под угрозу нынешнюю деятельность и претензии потенциального гегемона.

Как я уже говорил, в глобальном масштабе постепенная тенденция к удешевлению технологии космических запусков открывает (и в общем, уже открывает) двери ещё нескольким десяткам стран (а также корпорациям, институтам или каким-то иным организациям) для приобретения собственных минимальных возможностей орбитальных запусков. В сочетании с достижениями в области лёгких

материалов, электроники и вооружений эти возможности будут означать, что в течение нескольких лет на низкой околоземной орбите появятся десятки игроков, способных повторить всё, что было сделано США и СССР в 1960-х годах. Это пилотируемые космические полёты, беспилотные аппараты для наблюдения за Землёй, ретрансляторы связи и прослушивающие устройства, коорбитальное противоспутниковое оружие и многоорбитальные системы бомбардировки (как ядерные, так и обычные). Для любого государства, желающего играть доминирующую роль в космосе, увеличение количества игроков в этой сфере может потребовать немалых дополнительных затрат на поддержание собственного высокого статуса.

Теперь несколько слов о так называемых узких местах. В отличие от моря или воздуха, практически в космос можно попасть только через чрезвычайно узкие каналы.

В настоящее время некоторые из самых передовых систем космического запуска имеют всего одну или две действующие стартовые площадки, что делает их уязвимыми в плане риска прерывания работы — естественного, случайного или преднамеренного характера. Другие элементы многих космических систем — от производства до запуска и управления — также не отличаются избыточной надёжностью.

При этом появление множества игроков на космической сцене совпадёт с давно назревшим расширением узких мест для доступа в космос. «Космические бароны» типа Илона Маска или Джефа Безоса уже обзаводятся собственными испытательными и стартовыми площадками, центрами связи и управления, не говоря уже о производственных мощностях. Известны также проекты Маска по строительству плавучего космодрома.

При этом уникальный отечественный проект — система «Морской старт», которую даже американские авторы называют наиболее

впечатляющей из коммерческих разработок, позволяющих преодолеть «узкие места» выхода в космос, находится в спячке. Созданная ещё в 90-е годы, система использует океанские средства для запуска ракет-носителей «Зенит», способных вывести на низкую околоземную орбиту до 15 000 кг. Летом 2009 года компания «Морской старт» объявила о своем банкротстве. К 2020 году проект, по сути, был заморожен.

Ещё одна неожиданная неприятность может быть связана с возможностью некоторых государств в будущем выводить на орбиту космические аппараты из полярных регионов (прежде всего, Арктики, с её выходом как с моря, так и с воздуха), где прямое наблюдение с геостационарных спутников невозможно из-за геометрии горизонта. Тактические преимущества, получаемые от выхода на орбиту незамеченным, могут иметь решающее значение в сценариях будущих космических конфликтов.

Космическое пространство является естественной суровой средой, а её опасности могут усугубляться враждебными действиями. Соответственно, живучесть космических средств является фундаментальным вопросом, особенно в условиях преднамеренного нападения.

Что касается природной среды, то сейчас достаточно изучены условия (вакуум, космическая пыль и т. п.), в прошлом приводившие к повреждению и разрушению космических аппаратов. Кроме того, космическая деятельность сама создаёт для себя опасности, в основном, из-за распространения космического мусора. Для крупных космических аппаратов удары будут иметь разрушительные последствия.

Теперь несколько слов о намеренных атаках на космические ресурсы. Военный аналитик доктор Брюс Уолд перечисляет четыре точки, в которых космическая система может быть атакована: космические сегменты, коммуникации космос — земля, наземные сегменты и сама миссия.

Космический сегмент составляют космический аппарат, его полезная нагрузка и его сигналы. Атаки на космические сегменты могут быть с применением кинетической энергии (hit-to-kill, когда разрушение происходит за счёт простого удара), электромагнитного, в т. ч. радиационного, воздействия (от ядерного оружия и др.), оружия направленной энергии, радиоэлектронной борьбы.

Точно так же атаки на линии космос — земля могут быть направлены против физических объектов, против нисходящей и восходящей линий связи. Наземные сегменты имеют аналогичную восприимчивость к атакам и кибератакам, осуществляемым посредством саботажа или специальных операций, а также уязвимость из-за недостатков в программном обеспечении.

Наконец, есть «атаки на миссии», которые, как пишет Уолд, «включают дипломатическое вмешательство в возможности страны получать космические услуги от других». «Даже когда страна-мишень приобрела возможности, дипломатическое и политическое давление иногда может ограничить открытое использование этих возможностей». В частности, «использование космоса даже такой страной, как США, ограничено несколькими договорами и, в некоторой степени, мировым и внутривнутриполитическим мнением».

Скажем несколько слов об ограничениях, накладываемых так называемым «космическим правом».

Очевидно, что «космическая мощь» того или иного государства не существует изолированно. На её реализацию влияет множество внешних факторов, от усиления за счёт возможных транснациональных союзов до ограничений, накладываемых международными договорами.

По аналогии с прошлыми международными соглашениями, в частности, об открытом море и Антарктиде, дипломаты и «космические юристы» пытались установить правовой режим деятельности человека в космосе. Кроме того, опираясь

В 2020 году Трамп подписал указ о возможности коммерческой добычи полезных ископаемых на Луне и других космических телах. «Космическое пространство является с юридической и физической точки зрения уникальным для деятельности человека, и Соединённые Штаты не рассматривают его в качестве всеобщего достояния», — отмечается в документе. Иными словами, США сделало первый шаг к преодолению устаревших космических законов, тем самым в очередной раз предъявив претензии на роль гегемона. Наша же страна, критикуя Штаты, продолжает апеллировать, например, к договору о космосе аж 1967 года, в котором он назван «достоянием всего человечества». Не пора ли и нам отбросить устаревшие законы и провозгласить собственные суверенные интересы в космическом пространстве?

на традицию соглашений о контроле над вооружениями XX века, дипломаты исключили определённые действия, связанные с оружием. Результатом стала серия договоров, ограничивающих как деятельность, связанную с космосом на Земле, так и деятельность в космосе.

Но эти договорённости разрабатывались на основе тогдашних технологических допущений и уже устарели. Кроме того, действующие в настоящее время договоры отражают существовавшую на момент их разработки политическую ситуацию, биполярный международный климат. Однако мы вступаем (или уже вступили) в многополярный мир, в котором интересы потенциальных игроков могут быть неясны или часто меняться.

Примером неадекватности навязывания правовых режимов в космосе по образцу земных является вопрос о границах. До сих пор нет юридического определения, где начинается «космос» и заканчивается национальный суверенитет. Хотя морские национальные границы традиционно определялись далеко-

стью стрельбы с моря, способность ряда стран атаковать низкоорбитальные объекты отнюдь не привела к распространению национального суверенитета на эти высоты.

По традиции фактический предел суверенитета основан на физической особенности орбитального полёта; он считается находящимся ниже высоты максимально низкой кратковременной устойчивой орбиты (около 160 км), при этом выше высоты полётов самолётов и аэростатов (около 30 км). Для числовой эстетики взяли цифру в 100 км (т.н. линия Кармана), но официально она так и не принята. В США, например, используют 80 км в качестве высоты, необходимой для присуждения «Рейтинга астронавтов». Во время подъёма на орбиту американские космические шаттлы завершали работу основного двигателя на высоте около 84 км, а НАСА использует высоту 400 000 футов (122 км) для определения «интерфейса входа», когда возвращающиеся шаттлы начинают сталкиваться с аэродинамическими силами.

Государства, осуществляющие деятельность в космическом про-

странстве, должны уведомлять о её характере, месте и результатах ООН, общественность и научное сообщество; кроме того, сообщать в ООН о действиях, которые «могут вызвать потенциально вредное вмешательство» в деятельность других стран в космическом пространстве или на небесных телах, однако никаких санкций за нарушение этого требования не предусмотрено.

Итак, насколько «соответствуют» договоры, подписанные десятилетия назад, новой реальности? Насколько тем, кто планирует собственную космическую стратегию, стоит на них опираться? Не навязывают ли они волю одних стран другим? Не ограничивают ли развитие суверенной космической деятельности?

В 2020 году Трамп подписал указ о возможности коммерческой добычи полезных ископаемых на Луне и других космических телах. «Космическое пространство является с юридической и физической точки зрения уникальным для деятельности человека, и Соединённые Штаты не рассматривают его в качестве всеобщего достояния», — отмечается в документе. Иными словами, США сделали первый шаг к преодолению устаревших космических законов, тем самым в очередной раз предъявив претензии на роль гегемона. Наша же страна, критикуя Штаты, продолжает апеллировать, например, к договору о космосе аж 1967 года, в котором он назван «достоянием всего человечества». Не пора ли и нам отбросить устаревшие законы и провозгласить собственные суверенные интересы в космическом пространстве?

АРЕНА КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Ещё в 1919 году сэр Хэлфорд Маккиндер выявлял регионы, взаимодействие которых определяло ход мировой истории. Он считал, что историю можно понимать как чередующуюся борьбу между морем и сушей, и прогнозировал, что во-

енно-морское господство Британии в XIX веке вскоре уступит место континентальной наземной мощи с практическим господством новых железнодорожных технологий — если британцы не предотвратят это господство с помощью балансировки и других дипломатических действий в стиле Realpolitik.

Ключевой динамикой было грядущее изменение в транспортных технологиях, и с неизбежным ростом космических перевозок и исследований, похоже, произойдёт сопоставимое разделение известной среды на политико-географические регионы. Итак, следуя примеру Маккиндера, космополитика начинается с демаркации геополитических областей космического пространства.

1) Терра, или Земля, включая атмосферу, простирающуюся от её твёрдой поверхности до уровня чуть ниже минимальной высоты, способной поддерживать орбиту без двигателя (линия Кармана —

уровень около 100 км). Здесь Земля и её атмосфера для космического пространства являются эквивалентами прибрежной зоны. Именно на поверхности Земли (Терры) выполняются все текущие космические запуски, управление, слежение, передача данных, исследования и разработки, производство, противоспутниковая деятельность, большинство операций по обслуживанию, ремонту и хранению.

2) Терранское, или земное, пространство — от самой низкой жизнеспособной орбиты до уровня чуть выше геостационарной высоты (около 36 000 км). Земное пространство является рабочей средой для военных разведывательных и навигационных спутников, а также любого космического оружия. На нижнем пределе земное пространство представляет собой область постыгтового полёта баллистических ракет средней и большой дальности, также на-

зываемую низкой околоземной орбитой, на верхнем пределе включает ценный геостационарный пояс, населённый в основном спутниками связи и метеорологическими спутниками.

3) Лунарное, или лунное, пространство — это область за геостационарной орбитой и вплоть до лунной. Луна — единственный видимый физический объект, но это лишь одна из расположенных там стратегических позиций. Земное и лунное пространство охватывает важнейшие типы орбит, за исключением высокоэллиптической орбиты с апогеями за орбитой Луны, которая в настоящее время используется исключительно для научных миссий. Кстати говоря, во многих советских книгах Луна именуется «седьмым континентом», что даёт символическую связь между гео- и космополитикой.

4) Солнечное пространство состоит из всего находящегося в Солнеч-

ной системе за орбитой Луны. Ближайшие планеты (Марс и Венера), спутники Юпитера и Сатурна и множество крупных астероидов, несомненно, содержат сырье, необходимое для новой индустриальной эпохи. С геополитической точки зрения регион содержит жизненное пространство для растущего населения Земли.

Огромные ресурсы солнечного пространства представляют собой эквивалент центра («хартленда») в космополитической модели. Земное пространство, как и Восточная Европа в замысле Маккиндера, является наиболее важной ареной для космополитики. Контроль над земным пространством не только гарантирует долгосрочный контроль над внешними пределами космоса, но и обеспечивает краткосрочное преимущество на земном поле боя. От раннего предупреждения и обнаружения движения ракет и сил до планирования целей и оценки боевого ущерба космические средства сбора разведывательных данных уже зарекомендовали себя как законные средства повышения боевой мощи. Кроме того, устойчивый

вклад в расширение военной роли космических технологий вносят спутники навигации, связи и прогнозирования погоды. После дебюта в Персидском заливе космическая война вышла из зачаточного состояния и теперь активно развивается. Все промышленно развитые государства в настоящее время признают военно-космическую мощь вершиной национальной безопасности и, отбросив давние возражения против военно-космических программ, с энтузиазмом занимаются созданием собственной космической инфраструктуры. В будущих войнах, в которых участвует, по крайней мере, одна крупная военная держава, космическая поддержка будет решающим фактором, поскольку страны все больше полагаются на эффект мультипликации силы от так называемых «новых возвышенностей» (new high ground).

«ПРОТОРЕННЫЕ ТРОПЫ»...

После разграничения пространства на космополитически ограниченные области обратимся к «обширным общим пространствам» (wide commons) Альфреда Мэхэна, «по которым люди

могут двигаться во всех направлениях, но на которых появляются «проторенные тропы», благодаря «контролирующим причинам», торговые пути и критические узкие места в открытом океане. Космос тоже сначала кажется обширным пространством, по которому космические аппараты могут двигаться в любом направлении, и до некоторой степени это так, но эффективное путешествие в космосе требует соблюдения определенных и экономически привлекательных направлений движения, определенных маршрутов, которые легко планировать.

В эпоху парусов ветер и течение — их появление, преобладание или отсутствие — были определяющими факторами в океанических путешествиях. В космосе же наиболее важным фактором, как в понимании, так и в прохождении топографии космоса, является гравитация. Она диктует разумные маршруты и стратегическое размещение активов. Невидимые неровности рельефа космического пространства, холмы и долины космоса правильнее называть гравитационными колодцами. Чем массивнее космическое тело, тем глубже колодец. путеше-

ствие в космосе зависит не столько от линейного расстояния, сколько от усилий, затраченных на то, чтобы добраться из пункта А в пункт Б. Например, путешествие на расстояние 35 000 км от поверхности Земли требует в 22 раза больше усилий, чем путешествие на такое же расстояние от поверхности Луны, поскольку гравитационный колодец Земли в 22 раза глубже.

С точки зрения космонавтики важной мерой работы является тяговое усилие, необходимое для изменения вектора скорости, или общая скорость, необходимая для перемещения из точки А в точку Б. Общее скоростное усилие (также называемое Δv) является ключевым для понимания реальности космических путешествий и эффективного перемещения товаров. Так, с точки зрения Δv гораздо дешевле довести космический корабль с Луны до Марса (56 млн км в ближайшей точке орбиты), чем довести тот же космический корабль с Земли до Луны (всего 385 000 км).

Таким образом, Δv для перехода с низкой околоземной орбиты (орбита чуть выше атмосферы) на окололунную орбиту составляет 4100 м/с, что всего на 300 м/с больше, чем для перехода на геостационарную орбиту (ок. 36 000 км). В действительности большая часть усилия космического путешествия вблизи Земли тратится на то, чтобы уйти от Земли примерно на 100 км, то есть на низкую околоземную орбиту. При этом переход с низкой околоземной орбиты на окололунную орбиту занимает около 5 дней, но требует менее половины усилий, необходимых для перехода с поверхности Земли на низкую орбиту. Таким образом, определенные точки, находящиеся далеко друг от друга по расстоянию (и времени), довольно близки друг к другу с точки зрения тягового усилия, необходимого для перемещения из одной точки в другую.

Космический корабль на стабильной орбите не расходует топливо

и, следовательно, находится в наиболее выгодной конфигурации Δv . Тогда наиболее эффективное путешествие в космосе можно представить как переход с одной устойчивой орбиты на другую с наименьшими затратами Δv . Используя эту логику, в космосе мы можем найти определённые орбиты и транзитные маршруты, которые благодаря своим преимуществам в экономии топлива создают естественные коридоры движения и торговли. Космос, как и море, потенциально можно пересекать в любом направлении, но из-за гравитационных колодцев и непомерно высокой стоимости доставки топлива на орбиту со временем космические нации разрабатывают особые пути для наиболее интенсивного движения.

Орбитальные манёвры можно выполнять в любом месте, но в целях экономии топлива есть определённые точки, в которых следует применять тягу. Самый эффективный способ попасть с орбиты А на орбиту Б (на языке космических путешествий) — это переход Гомана (гомановская траектория). Этот манёвр представляет собой двухшаговое изменение тягового усилия. Сначала запускаются двигатели, чтобы разогнать космический корабль до более высокой эллиптической орбиты (или замедлить до более низкой). Когда происходит пересечение с целевой орбитой, двигатели снова запускаются, чтобы закруглить и стабилизировать окончательную орбиту. Переходная орбита Гомана используется во всех переходах, например, с низкой околоземной орбиты на геостационарную и даже для перехвата комет с земных стартовых установок. Так называемые быстрые переходы, при которых игнорируются правила орбитальной механики и космический аппарат просто расходует топливо на всей траектории полёта, конечно, возможны, но требуют таких тяговых усилий, что будут осуществляться только при наличии топлива в изобилии или если время имеет решающее

значение. Однако это космический эквивалент дальнего кругосветного плавания, который может сделать бизнес не выгодным, а военные потери неприемлемыми. Учитывая жизненную необходимость экономить топливо и увеличивать продуктивный срок службы космических кораблей, будущие торговые пути и военные линии связи в космосе будут переходными орбитами Гомана между стабильными космопортами.

...И «УЗКИЕ МЕСТА»

Мэхэн считал, что приход Британии к власти произошел благодаря тому, что она воспользовалась своим положением на пересечении морских путей в Европу. Подобные аргументы может и должен привести современный космостратег. Мэхэн правильно заметил, что благоразумное государство не только может не размещать гарнизоны на всех морях, чтобы господствовать над ними, но ему даже не нужно размещать гарнизоны на всех торговых путях. Необходимо контролировать только критические точки вдоль этих путей. Небольших, но хорошо обученных и оснащённых сил, развёрнутых для контроля над «бутылочными горлышками» или узкими местами на основных морских путях, было бы достаточно. Контроль над этими местами гарантировал бы господство над военными передвижениями и мировой торговлей контролирующему государству.

Переход Гомана устанавливает эквивалент таких путей для космоса. Господство в космосе будет достигнуто за счёт эффективного контроля над стратегическими узкими местами на этих путях. Основная и первая легко идентифицируемая стратегическая узкая полоса — это самая низкая околоземная орбита. В этой узкой полосе оперативного пространства находится основная часть спутников, большинство из которых являются военными или имеют военное назначение. В пределах этого же узкого пояса находятся

существующие и будут находиться проектируемые пилотируемые космические станции. Более того, ко всем непостижимым просторам Вселенной можно получить доступ, только пройдя через неё.

На краю земного пространства, за пределами низкой околоземной орбиты, лежит иная стратегическая узость — геостационарный пояс (ок. 36 000 км). Эта полоса над экватором планеты является единственной естественной орбитой, допускающей устойчивое положение относительно данной точки Земли (иными словами, спутник «висит» над данной точкой неподвижно). Однако геостационарный пояс имеет серьёзные ограничения на количество спутников, которые могут здесь работать, из-за помех от соседних платформ. В итоге большинство членов международного сообщества считают его дефицитным и ценным ресурсом. Тем не менее в 1977 году девять экваториальных государств заявили в Боготской декларации, что их национальный суверенитет распространяется вверх, до геостационарной высоты. Эта акция не отличается от попыток многочисленных прибрежных государств расширить границы своих международно признанных территориальных вод. Другими словами, геостационарный пояс считается суверенной

территорией тех государств, которые находятся непосредственно под ним, превращая территорию, которую обычно называют «общим достоянием человечества», в зону геополитического конфликта.

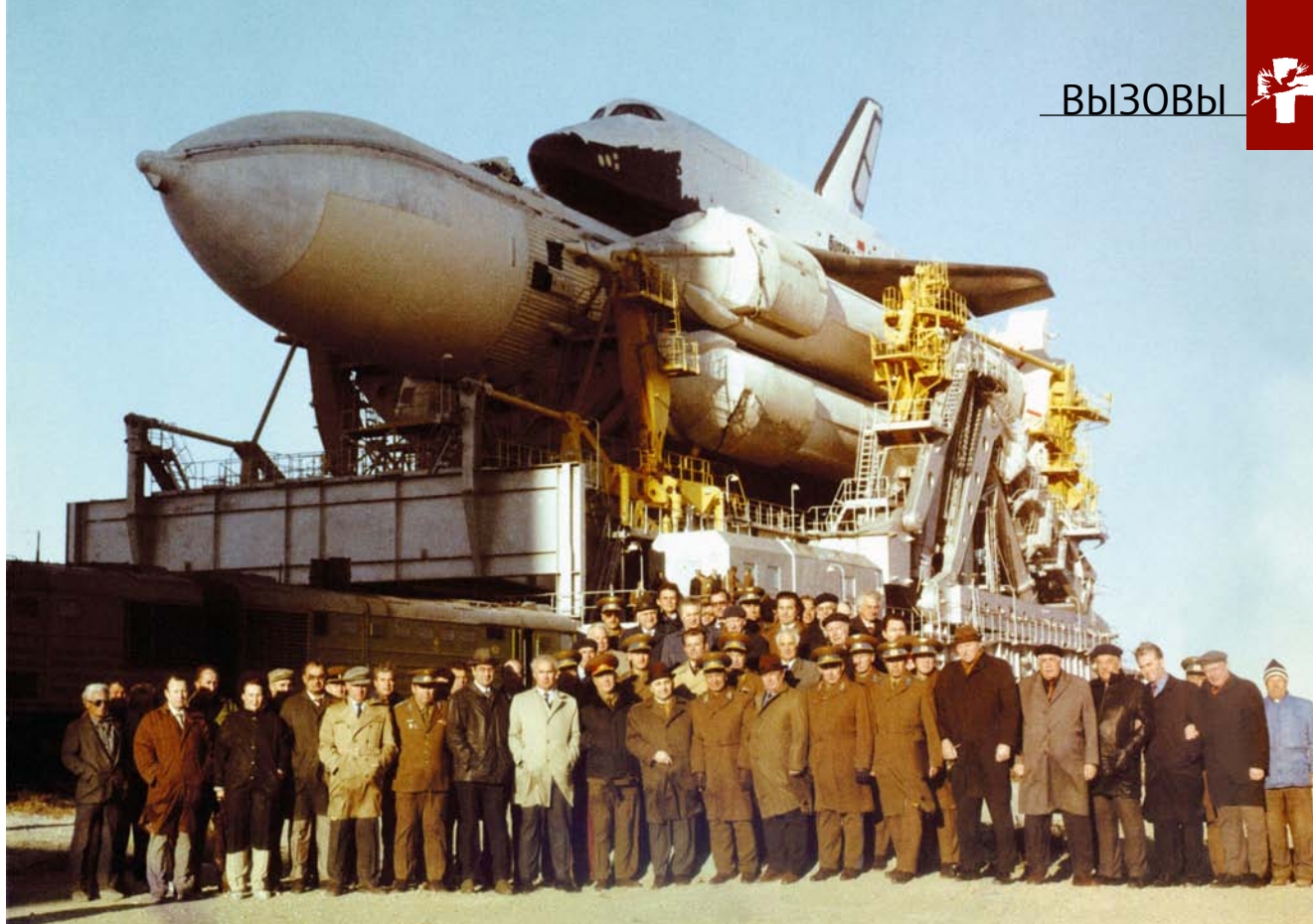
Кроме того, Мэхэн выступал за создание военно-морских баз в стратегически важных точках в качестве станций заправки и снабжения флота. Ассортимент кораблей и естественные интересы государства географически определяли их расстояние друг от друга. Без этих баз военные и торговые корабли были бы «подобны наземным птицам, неспособным улететь далеко от своих берегов». Идею такого базирования Мэхэн при переносе в космос дополняет видение итальянского теоретика воздушной войны Джулио Дуэ. Дуэ много писал о грядущей революции в современной войне из-за того факта, что самолётам практически не мешали особенности поверхности Земли (это, кстати, можно назвать критическим изменением в эволюции в сторону космополитики с постепенно уменьшающимся значением топографии). Однако авиация была ограничена в своих операциях из-за маршрутов воздушных операций, которые требовали точного расположения взлётно-посадочных площадок и наличия центров технического

обслуживания и ремонта. Такие базы следует считать критически важными для контроля над космосом, а планеты, луны, астероиды и другие небесные тела — очевидные места для «путевых станций» или «трамплинов» для космических операций. Хотя при их планировании также необходимо учитывать и соображение относительно изменения тягового импульса и экономии топлива.

Возможно, наиболее интригующими точками, полезными для стратегических или коммерческих баз в пространстве Земля — Луна, являются гравитационные аномалии, известные как **точки либрации**, или точки Лагранжа, названные в честь французского математика восемнадцатого века, который первым постулировал их существование. Лагранж подсчитал, что в пространстве есть пять конкретных точек, в которых гравитационные эффекты Земли и Луны компенсируют друг друга. Объект, пребывающий в одной из этих точек (или, точнее, на узкой орбите вокруг одной из этих точек), будет оставаться устойчивым без расхода топлива. Заманчивое свойство точек либрации состоит в том, что они сохраняют фиксированную связь с Землёй и Луной. На практике из-за возмущений космической среды, включая солнечные вспышки, орбитальный дрейф и колебание, а также микрометеориты, только две из точек Лагранжа являются эффективно стабильными — L4 и L5. Потенциальная военная и коммерческая ценность точек в космосе, которая практически стабильна, может играть огромную роль. Занятие и контроль над этими пунктами имеет такое жизненно важное значение, что для оказания влияния на американских политиков была создана даже лоббистская группа под названием «Общество L5».

Ещё одна особенность региона, о которой также стоит упомянуть, — это радиационные пояса Ван Аллена, две области в форме «пончика», вращающихся вокруг Земли внутри её магнитосферы, которые захватывают

Господство в космосе будет достигнуто за счёт эффективного контроля над стратегическими узкими местами на этих путях. Основная и первая легко идентифицируемая стратегическая узкая полоса — это самая низкая околоземная орбита. В этой узкой полосе оперативного пространства находится основная часть спутников, большинство из которых являются военными или имеют военное назначение. В пределах этого же узкого пояса находятся существующие и будут находиться проектируемые пилотируемые космические станции. Более того, ко всем непостижимым просторам вселенной можно получить доступ, только пройдя через неё.

заряжённые частицы и удерживают их. Космические аппараты, проходящие через пояс Ван Аллена, рискуют существенными повреждениями, а люди — смертельными травмами. К счастью, они хорошо нанесены на карту, и их можно избежать. Внутренний пояс впервые появляется на высоте от 400 до 1200 км, в зависимости от широты. Он простирается наружу примерно на 10 000 км с максимальной смертоносной концентрацией на 3500 км. Второе кольцо начинается на расстоянии около 10 000 км и простирается до 84 000 км, с максимальной концентрацией на 16 000 км. Края поясов относительно аморфные, поэтому между двумя поясами на высоте от 9000 до 11 000 км возможен безопасный рабочий канал.

Эти несколько примеров — лишь некоторые из многих топографических особенностей эксплуатируемой в настоящее время космической местности. Космополитический анализ описывает критические узкие места в космосе как те стабильные области, включая планеты, луны, точки либрации и астероиды, где будут концентрироваться будущие военные и коммерческие предприятия. Это будущие космические порты,

совмещённые с ценными энергетическими и минеральными ресурсами, которые, по современным оценкам, там находятся, или промежуточные базы Мэхэна и Дуэ на различных гомаоновских маршрутах к этим ресурсам.

ВЕРНЁМСЯ НА ЗЕМЛЮ

Но вернёмся с небес на Землю. В буквальном смысле. В настоящее время Земля является исходной точкой для всех космических кораблей и операций космической поддержки. В конечном счёте, эффективность и экономичность диктуют, чтобы все основные космические операции, включая строительство и запуск, отслеживание и управление, а также различные формы космической коммерции, были перенесены в космос. Однако на данный момент все эти функции привязаны к Земле. Но даже когда наступит день, когда эти функции будут выполняться за пределами планеты, огромное население, питающееся щедротами космического пространства, всё равно останется, как и правительства, контролирующие космические операции. Значение Терры не уменьшится, по крайней мере, в ближайшее время, равно

как и необходимость политического контроля с её стороны.

Где же на Земле, в контексте космополитики, должны размещаться жизненно важные центры, чтобы добиться наибольшей эффективности?

Как известно, место старта космического корабля оказывает значительное влияние на его орбиту. Экватор, например, имеет особое значение в качестве места запуска, особенно на геостационарную орбиту. Это связано с тем, что вращение Земли можно использовать для достижения орбитальной скорости, а относительная скорость движения Земли максимальна — 1670 км/ч — как раз на экваторе. Поскольку минимальная скорость, необходимая для выхода из гравитационного колодца Земли, составляет чуть более 28 000 км/ч (25 Маха), ракета-носитель, направляющаяся строго на восток вдоль экватора, чтобы выйти на орбиту, должна будет достичь скорости всего 26 400 км/ч относительно точки запуска. И наоборот, корабль, запущенный точно на запад вдоль экватора, должен был бы добавить 1670 км/ч и, таким образом, должен был бы достичь скорости почти 29 700 км/ч относительно начальной точки — раз-

ница в 3300 км/ч. Разница с учётом расхода топлива/тягового импульса явно значительная. Так, к примеру, европейская ракета Ariane, запущенная строго на восток от космического центра в Куру (Французская Гвиана), расположенного всего в 5° к северу от экватора, получает преимущество в 17% в эффективности использования топлива по сравнению с американской ракетой, запущенной прямо на восток с мыса Канаверал, который находится около 28,5° к северу от экватора.

Полярная, синхронизированная с Солнцем орбита на самом деле является одной из самых важных для военной разведки и прогнозирования погоды. Космический аппарат, выведенный на полярную орбиту, проходит как над Северным, так и над Южным полюсом. При определённых условиях такая конфигурация позволяет спутникам в конечном итоге пролетать над каждой точкой Земли и всё время оставаться на солнечном свете, что чрезвычайно важно для спутниковых камер, которые снимают изображения в спектре видимого света, и для спутников, которые требуют постоянного доступа к солнечной энергии для питания.

Для вывода спутника на полярную орбиту наиболее эффективным азимутом запуска является север или юг.

Таким образом, центр запуска космических аппаратов, который может отправлять ракеты как строго на восток, так и строго на север или юг, имеет явные преимущества в орбитальной эффективности. Поскольку ракеты выбрасывают нижние ступени и иногда разрушаются в полёте, также необходимо, чтобы стартовые площадки располагали значительными дальними зонами открытого океана или незаселённой суши (не менее 1000 км). Оптимальными космополитическими точками запуска по этим критериям являются северное побережье Бразилии, восточное побережье Кении и любой из нескольких островов Тихого океана к востоку от Новой Гвинеи. Все эти места являются суверенной национальной территорией, имеющей международное космополитическое значение.

ЗАЯВКА НА ГЕГЕМОНИЮ

Мы кратко и в общих чертах обрисовали некоторые из наиболее важных космополитических концепций.

Но это отнюдь не исчерпывающий список. В итоге цель космополитики можно сформулировать как объединение сложных астрономических концепции с политической теорией: контроль над определёнными земными и космическими объектами обеспечит явное преимущество в эффективности и приведёт контролирующего игрока к доминирующему положению в коммерческой и военной мощи.

Кстати говоря, американские разработчики космополитических доктрин отнюдь не скрывают целей своей работы — дать США могущественный доктринально-теоретический инструмент для завоевания статуса космического гегемона.

Уже неоднократно упоминавшийся Эверетт Долман, акцентируя тесную связь космополитики с доктриной Realpolitik, пишет: «Эта наиболее крайняя из теорий политического реализма не пытается скрыть свою безжалостную концентрацию на национальных интересах и холодную расчётливую центральную роль грубой силы в политике. Её широко критикуют те, у кого нет власти, и широко используют те, у кого она есть. Сегодня дело обстоит так,

что в космосе... Соединённые Штаты могут проводить любую политику, которую они пожелают, так что... другие государства мало что могут сделать, чтобы её оспорить. Соединённые Штаты настолько могущественны, что, если они примут суровую доктрину Realpolitik в космосе... на самом деле может практически не возникнуть противодействия свершившемуся факту тотального американского господства в космосе».

По мнению Долмана, это можно сделать быстро и легко, осуществив несколько важных шагов. Во-первых, Соединённым Штатам следует объявить, что они отказываются от нынешнего космического режима и что они устанавливают принцип свободного рыночного суверенитета в космосе (собственно, что уже было сделано в первый срок Трампа). А чтобы заручиться общественной поддержкой, должен быть провозглашен новый золотой век освоения космоса, с особым упором на экономические преимущества и побочные технологии космических исследований.

Во-вторых, используя свои текущие и ближайшие возможности, Соединённые Штаты должны стремиться **немедленно захватить** военный контроль над низкой околоземной орбитой. С этой «новой возвышенности», недалеко от вершины гравитационного колодца Земли, космическое лазерное или кинетическое оружие может помешать любому другому государству разместить там свои средства, а также эффективно атаковать и уничтожить противоспутниковые средства наземного противника. Другие государства по-прежнему будут иметь возможность относительно свободно выходить в космос с целью ведения торговли, но только в соответствии с принципами нового режима.

Долман поясняет: «Как и в эпоху господства на море афинян и британцев, военно-космические силы Соединённых Штатов должны были бы создать и поддерживать безопасную оперативную среду

(от пиратов и других нарушителей, а возможно, от обломков) для расширения торговли и разведки. Однако только те космические корабли, которые заблаговременно уведомят о своей миссии и плане полёта, будут допущены в космос. Военный контроль над низкой околоземной орбитой необходим для множества практических целей, вплоть до полицейской блокады всех существующих космопортов, отслеживая и контролируя весь трафик, как входящий, так и исходящий».

«Этих шагов было бы достаточно, чтобы обеспечить концептуальный переход в режим астрополитики и гарантировать, что Соединённые Штаты останутся в авангарде космической мощи в обозримом будущем. Он поставит в качестве хранителя космоса самое благожелательное государство, когда-либо пытавшееся установить гегемонию над большей частью мира. Он использует естественные побуждения государства и общества искать и находить огромные космические богатства, пока ещё не идентифицированные, но общепризнанно находящиеся в космосе, обеспечивая при этом резерв доходов для государств, не способных до него добраться. Это смелая и решительная и, по крайней мере, с точки зрения гегемона, нравственно справедливая стратегия», — провозглашает Долман.

Преимущества, ожидаемые для государства, которое благодаря реализации принципов космополитики будет успешно господствовать в космосе, обеспечивают убедительный стимул действовать единолично и в одностороннем порядке. Этот стимул мог бы придать резкий импульс космической экспансии, импульс, который после пика конфронтации в последний период холодной войны долгие годы стремился к нулю.

«То, что космическая гонка окончена и космическая эра находится в упадке, кажется мрачно очевидным. Тем не менее представляется, что когда-нибудь она возродится.

Будущее человечества — в звёздах. Наша неукротимая воля требует ещё больших испытаний. Наши ненасытные аппетиты требуют огромных новых ресурсов. В конце концов мы заполним эту нишу, то есть Землю, и выйдем в космос», — провозглашает Долман.

Достижение человечеством звёзд является следующим логическим шагом в эволюции вида. Человечество доминирует в биологической нише, которой является Земля, и теперь должно выйти за эти пределы и распространиться в космос. Независимо от того, является ли стимулом для этого элементарное выживание (побег в иное обитаемое место, прежде чем мы сами разрушим Землю экологическим или ядерным холокостом), перенаселение (космическая колонизация будет своего рода биологическим предохранительным клапаном), максимизация богатства (поиск всё более дешёвого сырья и изобилия энергии) или новая интерпретация нашей очевидной судьбы, — стремление человечества к звёздам представляется как неизбежное.

И тут уместно припомнить теорию органического государства, которые также включаются в арсенал космополитики. Государства или народы, способные к расширению, не только будут расширяться, но и должны это делать. Они в долгу перед собой и перед остальным миром. Способность к расширению — это первейшее свидетельство естественного политического и социального превосходства, подразумевающее абсолютное право на расширение.

Складывающаяся на Западе космополитика манипулирует отношениями между государственной властью и контролем над космосом с целью расширения господства единственного государства над всей Землей. Она предполагает, что государство, которое доминирует в космосе, определённо избрано в условиях конкуренции как **политически и морально**

Нулевая гравитация дополнительно способствует потере костной массы и мышечной атрофии. Состояние становится настолько тяжёлым, что астронавты и космонавты, возвращающиеся на поверхность Земли всего лишь после нескольких месяцев пребывания на космических станциях, не могут ходить без посторонней помощи. Дыхание затруднено, и эти возвращающиеся герои должны полулежать, чтобы провести интервью. Эти значительные краткосрочные изменения могут быть только усилены в результате увеличения сроков пребывания в космосе и неизбежного сильного воздействия космического излучения. Эти регулярные и большие дозы радиации дадут генам мутировать быстрее и динамичнее, чем обычное облучение в защищённой колыбели земной атмосферы. Следующий эволюционный шаг человечества будет связан не только с новой экологической нишей, но с потенциальными изменениями самого человеческого организма.

превосходящая нация, культура и экономика. Если человечество когда-либо объединится как вид и отправится в космос как один народ, именно космический гегемон, выигравший космополитическую гонку, возглавит нашу космическую экспансию. Одной из рассматриваемых в фантастической литературе возможностей, которая может этому поспособствовать, было бы открытие внеземного разума.

КОСМИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ГРАЖДАНЕ

Но каким может быть это новое космическое государство? Какой будет его политический строй? Каковы будут его граждане?

Космическое пространство является чрезвычайно суровой и негостеприимной средой. Нельзя ожидать возникновения здесь человеческой цивилизации, она должна быть уже высокоразвитой, прежде чем предпримет даже попытку проникнуть туда, не говоря уже о колонизации.

В ближайшей перспективе мы сможем посмотреть на результаты уже предпринятых попыток освоения Антарктики и проживания на космических станциях. Люди, которые направляются в эти и аналогичные места, высокообразованны, соответствующим образом обучены и психологически проверены на умственную выносливость и навыки принятия решений, а также хорошо физически тренированы. Это лучшие из наших пилотов, техников и учёных. Они рациональны благодаря возможности научного анализа, одержимы своей профессией. Находясь в замкнутых и удалённых местах обитания космической станции или современной высокотехнологичной «снежной хижины», они ценят общение с теми, с кем работают. Живя в такой непосредственной близости, они должны быть терпимы к взглядам и мнениям других, но требовательны в отношении их образа действий и профессионального опыта, поскольку будут полагаться на действия сво-

их товарищей, когда на кону будет их собственная жизнь. Любая ошибка часто может повлечь чью-то смерть. Компетентность становится мерой социальной ценности.

Радикально пустынная космическая среда бросит вызов этим специфически избранным пионерам, заставляя их непрерывно оттачивать свои специализированные возможности и радикально изменять свои социальные отношения. Если будут осуществляться долгосрочные усилия по колонизации, можно ожидать, что эти закаленные на внеземном опыте группы создадут компетентные, динамичные и мощные социальные и политические ассоциации, изначально структурированные в соответствии с иерархической военной организацией или в строгом соответствии с законами военного времени.

Некоторые на Земле будут считать, что созданная в космосе утопическая политическая система всецело заменит собой коррумпированные и неэффективные земные правительства. Нечто подобное описал ещё Роберт Хайнлайн в своём «Звёздном десанте» в далёком уже 1959 году.

В двадцатом столетии мы имеем множество реальных примеров, когда население в целом приветствовало военные перевороты как облегчение, долгожданное восстановление порядка и верховенства закона в государстве, которое стало непоправимо коррумпированным и неэффективным. Если космические колонисты оценят потенциал для увеличения своей финансовой и ресурсной поддержки со стороны Земли, они могут оказаться весьма благосклонны к просьбам действовать как вожди людей, желающих цезаристского контроля.

В ином сценарии может усугубляться разрыв и даже враждебность между населением земли и обитателями космоса. Чем больше независимости естественным образом утверждают будущие космические колонизаторы, тем больше усилий потребуется земным властям, чтобы

контролировать их политически. Как и в случае со всеми подобными усилиями в человеческом опыте, они вызовут возмущение. Не только политические и идеологические различия разделяют тех, кто живёт в космосе, и тех, кто по-прежнему привязан к земле. К примеру, можно ожидать, что космические путешественники быстро разработают специализированный жаргон, разговорный язык и жесты, чтобы облегчить взаимодействие друг с другом, жаргон, малопонятный жителям Земли, поскольку будет передавать недоступный им опыт.

Но самое главное, между космическими путешественниками и обитателями земли появятся и со временем будут только углубляться и физические различия. Теоретик «космической мощи» Джеймс Оберг говорит о стремительной эволюции и адаптации людей в космосе. Например, одним из самых ранних физических изменений является общая «отёчность/одутловатость» тела, поскольку кровь циркулирует равномерно в невесомости (вместо того, чтобы объединяться с колебанием гравитационного поля). Изменения настолько драматичны, что отече-

ственный космонавт Валерий Рюмин, сообщая со станции «Мир», сказал, что: «в зеркале [наши лица] было трудно распознать». Нулевая гравитация дополнительно способствует потере костной массы и мышечной атрофии. Состояние становится настолько тяжёлым, что астронавты и космонавты, возвращающиеся на поверхность Земли всего лишь после нескольких месяцев пребывания на космических станциях, не могут ходить без посторонней помощи. Дыхание затруднено, и эти возвращающиеся герои должны полулежать, чтобы провести интервью. Эти значительные краткосрочные изменения могут быть только усилены в результате увеличения сроков пребывания в космосе и неизбежного сильного воздействия космического излучения. Эти регулярные и большие дозы радиации дадут генам мутировать быстрее и динамичнее, чем обычное облучение в защищённой колыбели земной атмосферы. Доминантные мутации в последующих поколениях также будут отличаться от таковых на Земле, потому что среда, которую пытается преодолеть вид, будет отличаться от привычных. Эти изменения можно предсказать только

грубо, но то, что они будут значительными, кажется гарантированным. Равно как и гарантированные попытки ослабить эти ограничения и усилить преимущества благодаря химическим, биологическим или кибернетическим средствам. Иными словами, следующий эволюционный шаг человечества будет связан не только с новой экологической нишей, но с потенциальными изменениями самого человеческого организма.

Таким образом, зарождающаяся (увы, почти исключительно на Западе) космополитка рисует широкую перспективу не просто очередному, пусть, и глобальному, этапу политического и экономического состязания между крупнейшими державами Земли, но новой ступени в развитии всего человечества. Тот же, кто примет на вооружение её императивы и возьмёт на себя смелость реализовать их на практике, имеет все шансы не просто сформировать доминирующую политическую структуру на нашей планете, но стать орудием Провидения (если угодно, эволюции разумной природы или Промысла Божия) по формированию нового человека, человека будущего.

/ Владимир ТИМАКОВ /

Переписать генный код: ящик Пандоры или панацея?

ТРАНСГЕННЫЕ ОРГАНИЗМЫ В РУССКОМ НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Страх перед неизведанным — неизменный спутник человеческой истории. Когда доктор Дженнер предложил использовать против оспы прививку из лимфы переболевших коров, британских обывателей охватил ужас. Перепуганные родители спасали детей от нововведения, всерьёз полагая, что у тех могут вырасти хвосты и рога. А в Рио-де-Жанейро в начале XX века и вовсе вспыхнуло вооружённое восстание против вакцинации, которое унесло сотни человеческих жизней в ходе столкновений и тысячи — из-за неостановленной вовремя эпидемии оспы.

С высоты полученного человечеством опыта страха перед прививкой, позволившей в итоге победить оспу, могли бы вызвать снисходительную усмешку, если бы на наших глазах планету не охватила связанная с коронавирусной пандемией аналогичная фобия, результатом которой только в России стала, по моим оценкам, гибель от 600 до 900 тысяч людей.

Преодоление страха перед неизведанным — обязательное условие движения вперёд. Для России это особенно актуально. И не только потому, что мы нуждаемся в ускоренном развитии, потеряв добрых два десятилетия из-за разрушения советского модернизационного проекта и погружения страны в дикий капитализм. Трансформация общества породила панический консерватизм, страх перед любыми переменами. Значительной частью соотечественников всё, что утверждается на Западе, отвергается как опасное и враждебное, в том числе научные доктрины, связанные с глобальным потеплением, коронавирусной пандемией, ЭКО, ГМО и т.д. Даже если в отношении этих проблем мировое академическое сообщество близко к единодушию, большая часть сограждан всё равно

отвергает научный подход, рассматривая его как коварную ловушку, гибельный замысел, подобно тому, как коварной ловушкой и гибельным замыслом для многих постсоветских людей оказались доктрины рыночной экономики и парламентской демократии.

Принципиальная разница здесь в том, что естественные законы, в отличие от общественных, универсальны и действуют одинаково в любом обществе, а кроме того, опираются на экспериментальную доказательную базу, подкреплённую математическими расчётами. Поэтому любые попытки отвергать универсальные естественнонаучные доктрины как «чуждые», «западные» и конструировать их доморощенные альтернативы ведут в тупик. В нашей стране в середине XX века уже пытались объявить «буржуазными науками» генетику и кибернетику, что затормозило наше развитие на ключевых направлениях прогресса, определяющих технологический облик века XXI. Нам нельзя повторить этих ошибок и отказаться от достижений, без которых невозможен успех в глобальном соревновании цивилизаций.

Сегодня одним из ключевых полей этого соревнования являются трансгенные технологии, создающие генномодифицированные организмы.

ГИБРИД ОБЕЗЬЯНЫ С ГРАНАТОЙ?

У большинства сограждан аббревиатура ГМО вызывает отторжение, а то и откровенный страх. Организмы с модифицированными генами — что хорошего от них можно ждать? Мутанты, гибриды, искусственные существа... Перечень триллеров на эту тему можно продолжать бесконечно; учёные, работающие в сфере ГМО, ассоциируются с Франкенштейном, автором аморальных опытов, приводящих к рождению чудовищ.

Сегодня фантастика становится явью. Современная генная инженерия позволяет проникать в тайну наследственного кода и переписывать практически любую его строчку. Правда, в большинстве случаев мы не можем точно предсказать, последствия смены «биологической инструкции», ее побочные и отдалённые эффекты. Не удивительно, что бесцеремонное вторжение в генетический код напоминает действия пресловутой «обезьяны с гранатой». Наполняя планету всё новыми генными модификатами, не открываем ли мы губительный ящик Пандоры?

Именно этой логикой руководствуются те, кто отвергает ГМО и одобряет их запрет в России.

Однако ГМО — отнюдь не ультрамодная тенденция эпохи постмодерна. На протяжении многих поколений мы имеем дело с генномодифицированными организмами. Все домашние животные и культурные растения — генномодифицированные. Их генетический код коренным образом отличается от того, что имели их дикие предки до вмешательства человека.

В первозданной природе не существовало ни такс, ни тойтерьеров, ни кошек-сфинксов; ни цыплят-бройлеров; ни салых розовых свинок. Не было коров, дающих по 20 и более литров молока в день; ни одного из современных сортов пшеницы, льна, подсолнечника, сахарной свёклы и т.д. Чтобы эти организмы стали нашими надёжными кормильцами, их геномы претерпели радикальные изменения.

Сидя перед телеэкраном, современный зритель загребает пригоршню поп-корна, сделанного из зёрен кукурузы. Даже полвека назад, до внедрения генной инженерии, кукуруза была знакома нам как растение высотой в полтора человеческого роста, с початком толщиной с предплечье, с зёрнами размером едва ли не с ноготь, которые несложно разжевать даже

в сыром виде. Но если вам на глаза попадётся дикий предок кукурузы — невзрачный злак теосинте, вы ни за что не подумаете, что он состоит в родстве с главной зерновой культурой Нового Света. Какие же изменения в генетическом коде неприметного травянистого растения должны были произойти за предшествующие века, чтобы оно превратилось в современного гиганта?! Несомненно, они были куда более резкими, чем те, что сделаны за последние десятилетия в кукурузных ГМО-сортах.

Боишься ли мы генных изменений, с помощью которых селекционеры прошлого превратили теосинте в кукурузу, длинноногого собаководка — в норную охотничью таксу, пресноводного караса — в пучеглазого аквариумного «телескопа»? Ничуть. Почему же такое напряжение вызывают гораздо меньшие коррективы, которые вносят генные инженеры в современные организмы?

В чём разница между мутациями прошлого и настоящего? Прежде всего, в их случайности. Раньше мутации возникали хаотическим образом, и селекционерам требовалось ждать годами (а то и веками), чтобы в череде возникающих «уродств» подвернулось одно полезное, отделить его и закрепить искусственным отбором. Сейчас создатели новых видов работают целенаправленно, выбирая нужный ген и меняя только его, что делает процесс намного быстрее и эффективнее. Выходит, мы боимся осознанного человеческого вмешательства, собственной воли и разума, доверяя им меньше, чем слепой игре природных сил?

Возможно, нас страшат непредсказуемые последствия такого вмешательства? А что, мутации, укоротившие собачьи ноги или выпучившие рыбы глаза, были непредсказуемыми? Точечная работа генных инженеров куда более предсказуема, чем случайные мутации, на которые уповали традиционные селекционеры.

ЖАРЕННЫЕ ГЕНЫ

Как-то в беседе мне пришлось слышать такой аргумент:

— Один из видов заграничных ГМО соединил клетки злака с геном акулы. Принимая такую пищу, вы выпускаете внутрь искусственную химеру!

Пришлось ответить:

— А если вы съедите кусок жареной акулы с хлебом, внутри вас разве не окажется во много раз более «страшная» смесь? В случае с ГМО всего один акулий ген добавлен к генам злака, а в описанном мной бутерброде к генам злаков прибавляются многие тысячи акулиных генов! Но мы веками едим рыбу с хлебом, и никто ни разу не пострадал от такой «химеры».

Если взять приведённую логику, то любое блюдо, соединяющее разные продукты, представляет собой куда более «опасную химеру», чем ГМО, — ведь в нем одновременно присутствует множество генов разных видов. Абсурдность опаски «смешать разные гены при питании» очевидна. Нам могут возразить, что в салате или бутерброде мы смешиваем «умерщвлённые гены» разных видов, предварительно подвергнутые тепловой обработке, а в растении-ГМО пресловутый акулий ген действует «вживую». Однако если акулий ген в геноме злака создал бы что-то опасное для жизни, это почувствует, прежде всего, сам злак. Неудачно модифицированное растение испытало бы проблемы роста или развития, не дало требуемых для селекции результатов и не было бы отобрано для массового выращивания. Если же пшеница с «акулиным геном» прекрасно растёт и даёт более весомые урожаи, то её потребителям нечего опасаться.

Последним аргументом скептиков может стать «противоестественный характер» организмов, возникающих при соединении генома животных и растений. Однако шок от мысли, что наследственные эле-

менты растений и животных могут быть соединены в одном организме, порождён тем же недостаточным знанием генной природы. Широкой публике неизвестен тот факт, что около половины человеческих генов имеет аналоги в растительном мире. Утверждение, что наш геном на 50% совпадает с геномом тыквы или брюквы, недалеко от реальности. Те же параллели справедливы и в отношении домашних и диких животных. Это свидетельство единства живой природы, связанной глубинным генетическим родством. И при конструировании новых сортов и пород речь идёт, как правило, о внедрении генов из этой аналоговой линейки, о замене наследственного материала из общего родственного пула, а не из числа генов, что обеспечивают различия живых царств.

Конечно, в основе ГМО-отрицания лежит мистический страх перед неизведанным. Например, кажется, что если мы едим продукты, содержащие новые гены, которые неведомым для нас образом встроились в ГМО-организмы, то эти гены могут встроиться и в наши тела, превратив нас самих в трансгенных мутантов. Но это предположение столь же абсурдно, как страх, что пшеница, которая проросла в земле, прорастёт и в нашем желудке, будучи сжатой, смолотой и испечённой в виде блинов, а нерождённые куры, употреблённые нами в виде омлета, вырастут и отложат яйца внутри нас или заклюют нас изнутри. Для биолога очевидно, что встраивание в человеческие хромосомы генов из ГМО-пшеницы так же невозможно, как колосающиеся в желудке блины, но для массового обывателя — отнюдь.

ТРАНСГЕННАЯ СОЛОМИНКА И ПЕСТИЦИДНОЕ БРЕВНО

Вопреки мнению обывателя трансгенные продовольственные культуры в целом менее опасны для человека, нежели обычные. Связано это,

в первую очередь, с технологиями выращивания.

Современную агротехнику невозможно представить без масштабной обработки полей пестицидами. С тех пор как сельскохозяйственные поля стали главным ландшафтом планеты и, соответственно, главной экологической нишей для сорняков, грибов, насекомых, вирусов и бактерий, защита от них урожая стала главной заботой земледельца, а чуть ли не единственным эффективным способом защиты — обработка химикатами.

Перед потребителем возникает дилемма: либо покупать продукты, выращенные на поле, прошедшем ряд циклов химического опыления, либо платить втридорога за товар под маркой «органик» (себестоимость которого и вправду высока из-за низкой урожайности без минеральных удобрений, причём даже этот скромный урожай приходится делить с природными хлебниками). Но, заплатив за «органик», вы отнюдь не получаете чистую и безопасную для здоровья пищу. Раз плоды земные выращены без всякой химии, значит, они служили приютом для разнообразной флоры и фауны, которая оставит следы своей

жизнедеятельности — от грибковых токсинов до спор потенциально патогенных бактерий.

Пройти между Сциллой и Харибдой — пищей, «богатой химией», и пищей, «богатой биологией», способны помочь именно трансгенные технологии. Введя в растения гены устойчивости к паразитам, можно избежать как избыточной химизации полей, так и нашествия «соседей по столу». Это, конечно, не панацея, и у каждой культуры (как модифицированной, так и обычной) могут возникнуть свои подводные камни. Но применение трансгенов, стойких против вредителей, — наиболее безопасный для здоровья людей путь из трёх возможных. И самый удачный с точки зрения борьбы с голодом.

Так, только в первом десятилетии XXI века внедрение генномодифицированных культур в ЮАР позволило сократить объёмы применения пестицидов с 11,2 до 3,8 кг в расчёте на одно фермерское хозяйство, а число отравлений агрохимикатами снизилось с пяти сот до десяти. Похожие результаты достигнуты в Индии, Бразилии, Пакистане, Шри-Ланке.

Опасения насчёт того, что гены, губительные для паразитов, опасны

и для людей, безусловно, заслуживают внимания. Поэтому каждый новый вид ГМО-растений тщательно исследуется, прежде чем войти в оборот (так называемая процедура *from field to fork*, или «от поля до вилки»). Процедура предварительных исследований обязательна даже тогда, когда новые виды априори не могут причинить вреда человеку. Таков, например, неустойчивый для хлопкового жучка Bt-хлопчатник, который сейчас занимает больше посевных площадей, чем все прочие сорта. Благодаря модифицированному гену это растение вырабатывает особый белок, который становится токсичным только в щелочной среде с pH выше 9,5. Именно такая среда в пищеварительном тракте насекомых-паразитов, и безобидное вещество превращается в смертельный яд, убивая вредителя. Для человека такой модификат не представляет никакой угрозы, даже если мы вздуваем не только носить ткани из Bt-хлопка, но даже лизать или жевать их. Ведь у человека среда в желудке не щелочная, а сильноокислая, и шансов на превращение белка в яд нет.

Тем более неуместно говорить о риске, связанном с модифицированным картофелем «Фортуна», получившим ген устойчивости к фитофторозу от своего дикого сородича *Solanum bulbocastanum*. Уж близкородственные гибриды нас точно пугать не должны: мы и мулов — потомков лошади и осла — давно используем, и сливы, возникшие от соединения алычи и терна, с удовольствием едим.

Безусловно, ГМО-растения, как и любые другие, могут иногда приносить человеку вред (например, вызывать аллергию, содержать токсины, канцерогены и т.д.), но не чаще, чем полученные традиционными методами сорта. Однако и тут у трансгенов есть преимущество — из-за настороженного отношения широкой публики новые модифицированные сорта проверяют на два порядка пристальнее, чем все остальные. На выходе

вероятность получить «побочку» от употребления ГМО-продуктов даже ниже, чем от употребления продуктов «конвенциональных». Так что развёрнутая анти-ГМО-кампания, при всём своём обскурантизме, даёт и позитивные плоды, повышая планку требовательности к качеству продуктов. Жаль, что такие же строгие критерии не распространяются на обычные продукты, в том числе на те, что идут под маркой «органик».

АЛОГИЧНЫЙ ЗАПРЕТ: КАК БЫ ЧЕГО НЕ ВЫШЛО?

Всё вышесказанное относится к абстрактной полемике вокруг ГМО. Но у этой проблемы есть и практическая сторона. С 2016 года в нашей

стране запрещено культивирование ГМО-организмов. Исключение составляют только исследовательские площадки, используемые с научными целями. Это осложняет и позиции наших аграриев в конкуренции за мировые рынки, и жизнь российских потребителей, т.к. отсутствие ГМО-культур компенсируется избытком химикатов, которые представляют гораздо более серьёзный риск для здоровья.

Почему было принято такое решение — загадка для биологов и агрономов. Похоже, ГМО попали под раздачу на волне общей борьбы с «западными новшествами». Хотя в данном случае всё наоборот — самые ярые ГМОфобы свирепствуют как раз в Евросоюзе. Главный застрельщик всемирной кампании

против ГМО — GreenPease, который прославился как организатор обструкций российской энергетики и официально признан у нас угрозой конституционному строю. Именно в западноевропейских странах действуют жёсткие ограничения на культивацию трансгенов, что служит одной из ключевых причин уязвимости европейских фермеров перед их северо- и латиноамериканскими конкурентами. Во всём остальном мире ГМО — под строгим контролем, выборочно допуская сорта в широкий оборот, — культивируют во всё возрастающих масштабах.

Парадокс ситуации в том, что выращивать трансгены в России нельзя, а ввозить и использовать в качестве сельскохозяйственного

сырья — можно. То есть употреблять в пищу продукты из «подозрительных» культур, если их вырастил русский крестьянин, — опасно, а если они закуплены за границей — пожалуйста! Когда бы в основе решения о запрете лежала гипертрофированная тревога о здоровье наших сограждан, следовало поступить ровно наоборот: запретить ввоз ГМО-продуктов, но разрешить культивировать трансгенные сорта на экспорт. А по факту мы оставляем доступ трансгенной пищи на наш стол открытым, да ещё и поддерживаем иностранного производителя. В чём причина такого алогичного решения? Конечно, тут присутствует и влияние лоббизма, но главное в том, что страх перед ГМО имеет иррациональную природу, и на иррациональной почве вызревает иррациональная политика.

ГОРИЗОНТЫ, КОТОРЫЕ СТОИТ УВИДЕТЬ

Если мы хотим быть в числе лидеров, а не аутсайдеров планеты, нам необходимо отбросить иррациональные страхи и использовать возможности, которые открывают трансгенные технологии.

Одна из таких возможностей используется уже почти полвека и не вызывает никаких протестов. Речь идёт о лечении диабета, так как начиная с 80-х годов прошлого века инсулин производится трансгенными организмами: кишечной палочкой и дрожжами; причём это не точная копия человеческого инсулина, а его модификаты, так как благодаря генной инженерии удалось создать варианты спасительного для диабетиков белка, которые легче очищать от примесей и которые эффективнее помогают больным. Таким образом, трансгенные организмы уже спасли и продолжают спасать миллионы людей. А в ближайшей перспективе — производство целебного препарата из молока коров, у которых необходимый ген будет работать не в поджелудоч-

ной, а в молочной железе и выделять инсулин при дойке. Речь пока не идёт о том, что пациенты будут пить целебное молоко, — нет, оно рассматривается лишь как сырьё для извлечения лекарства, но это в любом случае проще и естественнее, чем производить инсулин с помощью микробов. Однако идея о том, что диабетикам будет достаточно принимать по стакану «инсулинового молока» от генномодифицированных коров, обходясь без инъекций, уже не кажется фантастикой.

Трансгенные технологии дают возможность создания полезных для здоровья продуктов, устраняя риски, существующие в «натуральных» растениях. Например, уже выведены сорта сои, не содержащие агрессивных аллергенов. В Японии создан трансгенный рис, богатый бета-каротином, что позволит помочь сотням тысяч людей, буквально слепнувшим из-за естественного дефицита этого витамина. Ещё одно

новшество трансгенной лечебницы — томаты, снижающие давление у гипертоников.

Но, пожалуй, самое перспективное направление — ГМО-фармацевтика, создание новых лекарств с помощью трансгенных организмов.

Чаще всего это конструирование новых форм вирусов, несущих нужные для лечения гены. «Заражение человека трансгенными вирусами» — сама формулировка способна породить новую волну фобий. Большинство обывателей воспринимают вирусы и бактерии как опасные патогены, возбуждающие инфекционные болезни. Мы упускаем из виду, что множество микроорганизмов сосуществует с нами, не представляя никакого вреда и даже принося пользу. Например, без естественной бактериальной флоры затруднена работа кишечника, и её восстановление после применения антибиотиков уже стало обязательной частью медицинского

Парадокс ситуации в том, что выращивать трансгены в России нельзя, а ввозить и использовать в качестве сельскохозяйственного сырья можно. То есть употреблять в пищу продукты из «подозрительных» культур, если их вырастил русский крестьянин, — опасно, а если они закуплены за границей — пожалуйста! Когда бы в основе решения о запрете лежала гипертрофированная тревога о здоровье наших сограждан, следовало поступить ровно наоборот: запретить ввоз ГМО-продуктов, но разрешить культивировать трансгенные сорта на экспорт. А по факту мы оставляем доступ трансгенной пищи на наш стол открытым, да ещё и поддерживаем иностранного производителя. В чём причина такого алогичного решения? Конечно, тут присутствует и влияние лоббизма, но главное в том, что страх перед ГМО имеет иррациональную природу, и на иррациональной почве вызревает иррациональная политика.

протокола. Учитывая богатство безобидной флоры, для создания трансгенных векторов обычно подбираются привычные, живущие в нас в нашем здоровом состоянии «домашние вирусы», которые к тому же «дрессируются», то есть в результате генноинженерных манипуляций сокращается их вирулентный потенциал. Такие «целебные вирусы» отличаются от исходных «домашних вирусов», как декоративный минипиг — от обычной свиньи.

Суть лечения проста. Если заболевание вызвано повреждением одного-единственного гена (как, например, гемофилия — болезнь царевича Алексея, или синдром Дюшена, с раннего детства ведущий к дистрофии мышц), то здоровый ген можно ввести в кровь с помощью модифицированного вируса. Вирус сосуществует с человеком, и прибывший с ним ген производит недостающий для здоровья белок, как если бы он находился в родной человеческой хромосоме.

Ещё одна тяжелейшая болезнь — комбинированный иммунодефицит, или SCID, встречающийся у каждого трёхтысячного ребёнка и делающий его беззащитным перед любой инфекцией, — также успешно лечится с помощью трансгенных вирусов; первый пациент был спасён 25 лет назад, и с тех пор возможности генной терапии SCID заметно усовершенствовались.

Сегодня учёные готовы не только лечить генетические заболевания с помощью трансгенных вирусов, но и исправлять сам геном. Это, например, очень ценно для наследственных разрушений сетчатки, ведущих к ранней или врождённой слепоте. В 2020-х годах уже прошли первые успешные эксперименты по возвращению зрения слепым от рождения детям путём прямой коррекции генов в сетчатке глаза.

Можно ли назвать таких детей мутантами, биологическими конструктами, не существовавшими ранее в живой природе? Нет, так утверждать нельзя. Во-первых,

здесь изменяется только один конкретный ген, весь остальной организм остаётся нетронутым. (Для сравнения: при пересадке органов, что практикуется давно и не вызывает подобных страхов, человек получает почку или лёгкое с сотнями тысяч чужих генов.) Вторых, полученные при лечении изменения не касаются половых клеток, потому не передаются по наследству и не могут привести к выведению «новой линии человека». На этот счёт у генных инженеров действует строжайшее табу (которое лишь единожды нарушил китайский учёный Хэ Цзянькуй, что вызвало этический скандал). А в-третьих, и это самое главное, речь идёт не о создании новых человеческих генов, не существующих в природе, но об исправлении нарушений — возвращении ДНК к «первозданному облику».

Когда меня как человека, соединяющего генетическое образование и православные убеждения, приглашали на семинар по генной этике в Сколково, я подчёркивал именно эту линию водораздела: между генной инженерией, «восстанавливающей божественный замысел о человеке», исправляющей повреждения генома, и инженерией, «конструирующей новое, трансгуманистическое существо».

Но, пожалуй, самым веским аргументом в пользу широкого применения генноинженерных организмов в медицине являются колоссальные возможности, которые дают ГМО в борьбе с онкологическими заболеваниями. Например, замечательные результаты получены в нашем Национальном центре детской гематологии и онкологии имени Димы Рогачёва по борьбе с такой разновидностью рака, как лимфобластный лейкоз. В норме возникающие в любом организме злокачественные клетки должны выявляться и уничтожаться нашими собственными средствами иммунитета, в частности, Т-лимфоцитами. Однако в случае прогрессирующего

лейкоза Т-лимфоциты не справляются с растущим количеством раковых клеток. Новые технологии позволяют ввести в Т-лимфоцит дополнительный ген, позволяющий распознавать и активнее атаковать врага. Выживаемость маленьких пациентов с лейкозом при этом выросла с 10% до 87%. Важно подчеркнуть, что модификации подвергаются собственные лимфоциты пациента, взятые из его крови и потом снова возвращаемые в кровь. То есть, в отличие от пересадки донорского костного мозга, что широко используется в борьбе с раком крови, пациент получает единственный «неродной» ген на родном носителе, благодаря чему до предела минимизируется внедрение чужеродного биоматериала.

Другим эффективным способом борьбы с онкологией выглядят онколитические ГМО-вирусы, натасканные на поражение и уничтожение специфических раковых клеток. Привлекательность метода в том, что «свора вирусов-охотников» создаётся под злокачественные клетки, развивающиеся в конкретном пациенте. Такая методика максимально повышает «прицельность удара» и сводит на нет вирусное заражение здоровых клеток.

Серьёзным ограничителем большинства этих технологий остаётся их исключительная дороговизна. Как правило, цена одной операции исчисляется в сотнях тысяч долларов и определяется высочайшей сложностью точного проникновения в геном. Но, будем надеяться, прогресс превратит такие операции из уникальных в массовые. В 80-е годы, когда мы только начинали читать генетический код, на определение последовательности в сто нуклеотидов могло уйти две недели кропотливого труда. Сегодня автоматические секвенаторы позволяют за пару дней прочесть до ста тысяч нуклеотидных «букв» генетического кода. Конечно, подобная эволюция ожидает и методы генетической коррекции.

ПРОКАТИТЬСЯ НА МАШИНЕ ВРЕМЕНИ?

Ещё одной ремарки достойно возражение «зелёных» противников ГМО, утверждающих, что трансгенные организмы вытеснят из природы дикие и тем самым подорвут биоразнообразие. Но аналогичным результатом чревато разведение любых хозяйственных культур, включая плоды «натуральной» селекции, а генная инженерия способна не только вытеснять виды, но и сохранять их, в частности, — воскрешать те, что уже исчезли.

Яркий тому пример — проект возрождения мамонтов. В Якутии и на Аляске находят останки этих величественных животных, у которых в вечной мерзлоте сохранились сперматозоиды и яйцеклетки. Кажется очень заманчивым вернуть к жизни древнего зверя, не успевшего попасть в «Красную книгу». Попытки осуществить искусственное оплодотворение размороженных клеток и имплантировать эмбрион мамонта в матку слонихи не увенчались успехом из-за иммунного конфликта защитных систем мамонта и слона. Зато учёным удалось прочесть геном длинношерстного хоботного и определить ключевые гены, отличающие двух гигантов суши: вымершего и ныне здравствующего. Таким образом, при желании можно модифицировать слоновьи гены и получить трансгенных слонов, неотличимых от мамонтов! В случае успеха проекта предлагается интродукция возрождённого вида на некоторых арктических островах. Конечно, воссоздание таких «мафонтов» или «сломонтов» — скорее задача демонстрационно-пропагандистского, нежели экологического характера, но, в принципе, подобный метод можно использовать для возрождения любых видов, важных для природного баланса.

КТО ОСТАНОВИЛСЯ, ТОТ ОТСТАЛ

Резюмируя сказанное, признаем, что страхи перед ГМО не являются абсолютно беспочвенными. Любое

новшество несёт в себе и возможности, и риски, но было бы глупо пренебречь возможностями, испугавшись рисков.

Самым непреложным мотивом необходимости развивать ГМО-технологии остаётся глобальная конкуренция. Так, ядерные технологии принесли на планету угрозы, несравнимые с рисками трансгенных организмов. Однако отказаться от развития ядерных технологий наша страна не имела права, т. к. отставание в этой сфере представляло для неё смертельную угрозу.

Отставание в сфере генной инженерии не смертельно, но критично для страны, претендующей на статус суверенной передовой державы, и точно может стать катастрофичным для статуса ведущей аграрной державы. Отказ от ГМО в XXI веке — такой же провал, как в XIX веке отказ от паровых технологий, а в XX — от кибернетики и ЭВМ.

России необходимо пересмотреть свою политику в сфере трансгенных запретов и удесятить усилия, направленные на развитие генной инженерии будущего.

/ Михаил ЕРМОЛАЕВ /

Символическая природа труда

Что мы сделали с нашими детьми! Прежний мальчишка мечтал о постройке шалаша из еловых лап, о сооружении крепости на островке посреди речки, о ловле карпа на заговоренный крючок. Всё это занимало душу, давало энергию. Теперь мальчишка тоже планирует и мечтает, но в применении к виртуальному миру. Строит из кубиков майнкрафта, отлавливает придуманную кем-то рыбку и порождённым чужим сознанием персонажам доказывает свою человеческую состоятельность. Чувствуете, какая страшная подмена? Из человеческой деятельности изымается естественный мир, она становится какой-то бесцельной, ни к чему не применимой.

Правила человеческого общения и обустройства души нарабатывались веками, и труд здесь имел огромное, если не решающее значение. Но человек решил его извести. Идеологи прогрессизма полагают, что улучшение жизни равняется уменьшению действий — пусть за человека всё делают машины, это и есть прогресс. «Кибернетизация в состоянии обеспечить высочайший возможный уровень жизни практически при отсутствии труда» (Жак Фреско «Все лучшее, что не купишь за деньги»). Вроде бы нам повезло, возможность уникальная, но в состоянии ли мы ею пользоваться? Получив свободу, обеспеченное безделье, мы почему-то не обретаем более осмысленное время, не высвобождаем силы духовные. Разглагольствования о том, что, когда у человека появится время, он сам решит, чем заниматься, разбиваются об очевидный факт: если не существует элемента необходимости, в большинстве случаев человек предпочтёт лениться. А человек обленившийся легко попадает в лапки массовой культуры, компьютерных игр, наркотиков.

Мы когда-то трудились, теперь ходим на работу. Развитие технологий и недостаток способности адекватно на них реагировать привели к тому, что для решения одних

и тех же задач нужно прикладывать всё меньше усилий, что многие функции или опции, которые продолжают сохраняться, потеряли свой смысл. Экономисты же придумали мерить стоимость товара временем, затраченным на его производство. Как же мы изнываем в своих офисах от безделья, отсиживая в них по восемь часов! Отсутствие труда поселяет в наши души метафору пустого времени, в котором человек вроде бы живёт, а на самом деле становится зомби. Мы впадаем в массовую кому, совокупно выгораем, как пресловутый «усталый менеджер». Растёт число тех, кто ни во что не верит, ничего не хочет. Появился целый класс, в сытых странах доходящий по численности до трети, чьё рабочее время заполняет «настолько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать её существование, хотя в силу условий найма он чувствует необходимость притворяться, что это не так» (Дэвид Гребер «Бредовая работа»). Превращение человека действующего в человека бездействующего ведёт к деградации, атрофии не только физической, но и моральной. Зачем взаимодействовать с людьми, помогать кому-либо, если ты сам никогда не будешь нуждаться в помощи? Ведь за тебя всё сделают машины. Утрата необходимости трудиться и готовность виртуальных миров подарить любую эмоцию подспудно ведёт человека к мысли, что труд в классическом понимании бессмысленен.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПРИБЫЛЬ?

Впрочем, разве классики политэкономии не объяснили, какова конечная цель труда? Это же получение продукта для последующего потребления! Необходимо как можно больше произвести и продать. При всей неочевидности такой установки общество старательно её рекламирует, стремится мифологизировать приобретение, сделать из произведён-

ных предметов объект вожделения, а не инструмент реализации смысла себя, «производства себя в качестве смысла». «Понятно, что... положение, будто бы люди а posteriori неким чудесным образом нуждаются как раз в том, что произведено и предложено на рынке (то есть для того, чтобы они имели в этом потребность, нужно было, чтобы в них уже присутствовало виртуальное требование), эта вынужденная рационализация просто маскирует внутреннюю целесообразность порядка производства... При помощи шулерской законности потребностей и удовлетворения вытесняется весь вопрос о социальной и политической целесообразности порядка производства» (Жан Бодрийяр «К критике политической экономии знака»). Задача рынка — создавать ажиотаж материального, провоцировать энергию формального прибавления.

Мерилом эффективности нашей деятельности стали именно формальные показатели, и главное из них — прибыль. Чем больше принесёшь хозяину, тем больше заработаешь сам. Направь все силы на повышение прибавочной стоимости, тогда и наступит счастье. Нам предложили фальшивый источник энтузиазма, кривой вектор роста. По мысли Жака Фреско, стимулятором для современной человеческой деятельности являются конкуренция и дефицит. Могут ли они привести к положительным результатам? К финансовым — да: чтобы продукт получился качественным, нужна конкуренция, а чтоб его было вдоволь — борьба с дефицитом. Возведём конкуренцию в ранг добродетели, потребление в ранг верховного смысла, а дефицит — верховного страха, и получится духовная основа нынешней личности.

Точно ли человек живёт затем, чтобы у кого-то росла прибыль? Не есть ли сама эта формулировка просто глупость, обманка, перевёртыш естественного течения человеческой жизни? На что рациональнее работать: на увеличение прибыли

работодателя или на обустройство своего жизненного уклада, духовного и материального, при котором радуются твои старшие и развиваются твои дети?

Капиталистическая система, особым образом моделирующая отношение к любой практической деятельности, «выдувает» из неё всё, что наполняет её смыслом. Присчитывая и пересчитывая прибыли от труда, мы не приходим к существенным для самих себя выводам о его цели. Джон Рёскин писал: «Лучшим и наиболее простым представителем капитала может служить хороший плуг. Если бы этот плуг производил только плуги на манер полипов, то какой бы громадный полипняк плугов ни блистал на солнце, плуг как капитал лишён был бы своего значения. Он становится истинным капиталом, только подвергаясь шлифовке другого рода... проводя борозды и через трение уменьшаясь, а не увеличиваясь в объёме. И существенный вопрос как для каждого капиталиста, так и для каждой нации состоит не в том, сколько имеется плугов, а где и каковы проведенные ими борозды? Важно не то, как скоро капитал удваивается, а что он сделал, удваиваясь. Какого рода продукты произвёл? Пригодны ли они для жизни? Какого рода работы продукт потребовал? Сохраняют ли они жизнь? Если нет, то удвоение его бесполезно или вредно, и лучше бы он и не удваивался (ведь капитал может разрушать жизнь, как и поддерживать её), так как, удваиваясь, он причинял только вред...» («Последнему, что и первому»). Представьте себе, что вы купили тысячу искусственных тюльпанов и заваляли ими комнату. Потом говорите: надо выкинуть, а вам возразят: это же движение назад, вперёд — это если купить тысячу искусственных пионов и завалить следующую комнату. Для вас такая логика абсурдна. Но дело здесь вовсе не в том, чтобы просто что-то выкинуть. Комнату ведь можно приспособить для че-

го-нибудь полезного, например, поставить там большой стол и собираться всей семьёй.

Победу «царства количества» мы глубоко переживаем, хотя и редко осознаём как главное «знамение времени». И кажется, что нет никакого выхода, никакой подсказки. Давайте заглянем за стены монастыря. У монахов нет пренебрежения к физическому труду, он ощущается как созидательный, придаёт жизни смысл и притом остаётся бесплатным. «Так уж бесплатным? — возразят скептики. — Ведь люди едят, имеют крышу над головой, одежду». Но это нельзя назвать платой. Нельзя сказать: человек пришёл в монастырь и договорился, что будет молиться и трудиться, а за это будет есть. Монетаристы воспринимают еду как предмет рыночных отношений, но здесь она существует потому, что люди, которые пришли потрудиться, да и сами монахи, делают что-то руками — и еда появится. Ни рыночных отношений, ни «общественного договора». Монахи не могут забрать такой труд. Скажут они: «Не только церковной утвари хотим закупить, но и сундуков, и тарелок, а лучше яхт — трудитесь теперь на нас по двенадцать часов в день». И что случится? Закончится честное, душевное хозяйствование, начнётся рыночная экономика. Но ненадолго: один за другим разбегутся труднички, и вся экономика ляжет на плечи монахов. И тем придётся самим работать на сомнительное «светлое будущее» и «экономические показатели». Важнейшая задача монастырского хозяйствования — поддерживать чистые, нестяжательские отношения, от которых экономика — производная, и если придётся перейти к деньгам и законам, монахи тоже побегут. А когда разбегутся, останутся только верховные начальники. Пригорюнятся они и скажут: «Зачем мы нагородили всю эту экономику? Было же хорошо!»

Формализация и обезличивание человеческой деятельности ведёт к огромным доходам, но и наоборот,

стремление к доходам обезличивает труд. Возникает механическое отношение человека к человеку. Разве можно не погрузиться в равнодушие, сидя за прилавком большого магазина? Работы, на которых каждую минуту разные люди и прежние никогда не возвращаются — это такой же изощрённый способ расчеловечивания.

Такие вещи в экономической теории не учитываются, рынку неинтересно, что бездушное взаимодействие с людьми меняет человека изнутри.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ТРУДЕ

Экономист скажет, что «душевный» подход к вопросу организации труда антинаучен и утопичен, с точки зрения коммерческой эффективности из него ничего не следует. Для людей капиталистического склада, привыкших увеличивать производительность труда, оптимизировать штат и т. п., непонятны аргументы типа «артели видели свой «капитал» не в финансовой мощи, а в развитии мастерства, возможности иметь учеников, продолжении и развитии артельного дела» (Виталий Аверьянов «Русская артель. Невостребованный опыт»). Глобальный порядок предполагает, что человек должен исходить из его ценностей и целей. Но с какой стати сам человек должен исходить из целей глобального порядка? Зачем строить жизнь, опираясь на то, что ничего не даёт душе, смотреть на себя с точки зрения чужих интересов, а не своих внутренних целей?

Любое дело — неотъемлемая составляющая наших внутренних процессов. Мы мыслим не столько за пределами деятельности, сколько внутри неё, ею самой. Вл. Соловьёв в работе «Философские начала цельного знания» сформулировал мысль, что бытие — это способ проявления сущего, результат взаимодействия познающего и того, что в его глазах становится явлением, то есть бытием. Что процесс превращения сущего

в явление для познающего и есть познание. Таким образом, отказываясь от труда, мы не переходим к познанию, а, наоборот, уходим от познания, важная форма которого — труд. Один из промахов великой советской эпохи — разделение труда на умственный и физический, хотя грань между ними нечёткая. Каков труд электрика, выстраивающего сложнейшую схему электропитания? А труд пианиста, неистово колотящего по клавишам? А садовника? «Труд есть жизненная борьба человека с препятствиями, — писал Джон Рёскин. — Под словом «жизненная» подразумевается умственная, духовная и физическая сила, борющаяся с вопросами, трудностями и испытаниями или противодействиями материальной силы» («Последнему, что и первому»). И далее: «Доброточастный труд всегда заключает такое количество ума и чувства, сколько необходимо для полного и гармоничного урегулирования физической силы».

В наше время труд всё чаще ассоциируется с насилием над личностью. Говоря о необходимости отмены физического труда, как правило, имеют в виду его бездумную монотонность. Губительность конвейера понимали марксисты, прекрасно изобразил Чарли Чаплин в фильме «Новые времена». Работая на конвейере, человек получает опыт превращения в механизм, «выключения» души и сознания. Опасность явная, но что мы ищем взамен — монотонные движения пальчиками в компьютерных играх? И всегда ли монотонные движения губительны? Однотипность движений предполагает и строевая подготовка, но она при этом сплачивает, объединяет. А хороводы когда-то? А тренировки в залах для единоборств, в «качалках»? И перед сверстниками теперь достойней предстать со штангой, чем с лопатой, хотя, по сути, должно быть наоборот. Ведь надо бесконечно любить себя, чтобы каждый день следить за кубиками на жи-

воте. Конечно, через спортивные занятия мы реализуем как внешний, так и внутренний замысел себя — преодолевающего, побеждающего, устремлённого к ясным целям. Особенно в юном возрасте раздирает потребность выпустить наружу энергию, проявить лихость: «Мне бы дьявола-коня да плёточку...» В этом нет рационального смысла, прибыли и прочей эффективности, но без этого молодой душе не выжить. Что сейчас для этой лихости предлагает окружение? Прыгнуть и повиснуть на резинке над пропастью? А в каждодневном режиме — круче всех нажираться? Часами пуляться из виртуальных орудий? Кого-нибудь разводить на деньги в реальности? Где искать то, что помогало бы созидать такого себя, которым и другие, и ты сам будешь восхищаться? Нам всем предложено садиться за компьютеры, идти сдаваться в офис, там разрушить своё тело, заработать денег и пойти в зал его восстанавливать.

В кубиках на животе нет ничего плохого, как и в мускулах, в крепком теле, в хорошем здоровье. Но только в труде мы добавляем конкретную пользу для других, создание чего-то, отличного от самого себя. Во все времена труд существовал как прибавление, а не убавление, источник энтузиазма, а не отчаяния, смысла, а не бессмыслицы. Работа нужна для того, чтобы ввести человека в резонанс с чем-то главным. Она и моделирует это главное. Например, ощущение, что ничего не бывает вдруг, любое дело имеет свою длительность — замысел, подготовку, развитие. Мифологизированная для нынешних детей волшебная палочка создаёт иллюзию, что этих этапов и трудностей можно избежать; она — символ ускоренного достижения цели, победы над временем, но и символ насилия над временем. Это соблазн, разъедающий душу ребёнка, воспитывающий людей, неадекватных миру, ожидающих от него большего, чем он может и хочет дать.

Труд — способ общения и самосозидания. Он может стать символом свободы, личной и общественной, не предполагающей эксплуатацию. Тогда можно начать самостоятельно добывать для себя продукты питания, как это проповедовал крестьянин-вольнодумец Тимофей Бондарев, повлиявший на Льва Толстого: «Все будут работать и есть хлеб своих трудов, и хлеб и предметы первой необходимости не будут предметами купли и продажи» (Лев Толстой «Трудолюбие, или Торжество земледельца»). Людей, способных самостоятельно себя прокормить, воспитывал Пифагор; их старался создавать из беспризорников Макаренко. В эпоху, когда все продукты достаются через магазин, идея самообеспечения может показаться нелепой. А может стать жизненной

стратегией, придать существованию сакральный смысл: «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3, 19). И это уже работа по воплощению особой картины мира, не просто животный инстинкт.

Можно убедить себя, что твой тип труда приятнее, скажем, крестьянского. Он может быть тяжёлым, сезонным, механическим, но тот, кто работает на своей земле, никогда не назовёт свой труд бессмысленным. Труд — это мистерия, духовная реализация, путь. Наша цель — не увеличение количества ноликов, а реальное благосостояние, в том смысле, что без духовного состояния никакое благо невозможно. Качество жизни определяется не тем, сколько у тебя материальных благ, а тем, как ты настроен внутренне. Радость от приобретения нового дома

из 150 комнат сопоставима с радостью дооборудования имеющейся одной. Радость от дела человек испытывает не как производную от дела, а как производную от способности радоваться и радовать других. Символическое наполнение материальных целей в обществе потребления сильно отличается от того, которое придавали им когда-то. Смыслы себя могут следовать из мировоззренческих (и бессознательных) глубин, приобретать и другое наполнение, и другое происхождение. Но они всегда существуют в контексте самого себя, в контексте реального человеческого общества, а не системы выкачивания и подавления. Дело не в том, чтобы освободить себя от любого труда, а в том, чтобы провести водораздел между бессмысленным трудом и осмысленным.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Как у капитализма нет ни одного органа, похожего на человеческое сердце, так и у технического прогресса, понятого по-капиталистически. Насколько душа ещё способна быть для нас существеннее материального мира, можно понять по тому, как мы относимся к технике. Как-то пошло воспринимать Прометея как провозвестника пылесоса, у него были более содержательные задачи, чем химические усилители вкуса и компьютерные игры. Обходя стороной сам замысел человека разумного и деятельного, технический прогресс в состоянии уничтожить в человеке человеческое. Более того, уже понятно, что ради «блага человечества» (прогресса) этот самый прогресс в состоянии убрать всё, что стоит на его пути, включая само человечество. Это как ради денег убить или покончить с собой — преувеличение роли средства запросто заменяет и цель. Зачем человек, если сама логика технического прогресса исходит из его необязательности?

Запад, помешанный на комфорте, проделал огромную подготовительную работу для будущего, но не выработал ключевых принципов пользования столь опасным инструментом.

Очевидно, что у природы неправильно брать то, что невозможно восстановить. Значит, брать нефть нельзя, это для природы незалечиваемая рана. А солнечную энергию можно. Но чтобы произвести солнечные батареи, нужно потратить много нефти. И что теперь делать? Логика прибыли индифферентна к «неделовым» рассуждениям. Да ну её, природу, куда нас эти рассуждения заведут, в каменный век? Прогрессисты пытаются изобразить скептиков техники мракобесами, хотя никто не утверждает, что техника сама по себе зло. «Несмотря на наше признание того, что научно-технический прогресс пошел по ложному пути, его достижения значительно перевешивают негативные составляющие

этого процесса. Только самый непримиримый и твердолобый активист движения по защите окружающей среды в состоянии отрицать многочисленные полезные достижения науки и техники в области медицины, информационного взаимодействия, производства электроэнергии и продуктов питания» (Жак Фреско «Всё лучшее, что не купишь за деньги»). Речь не про землянки, а про то, какой именно технический прогресс мы имеем в виду.

Очевидный прогресс — облегчение труда, хотя если без конца избавлять человека от движения, наступит телесная атрофия. Трактор помогает вспахать — очевидный прогресс, хотя тоже с поправкой, если согласиться с мыслью, что глубокая вспашка — регресс для земли, такой стресс, что после него она долго не сможет давать урожай без химии. А химия — это очевидный регресс, если рассматривать его с точки зрения пользы для человека, а не бизнеса. Трактор работает на нефтепродуктах. Добыча нефтепродуктов — прогресс или регресс? Это всё равно, что спросить, хорошо ли, что скоро на планете закончится пресная вода, ведь результат добычи нефти — невосполнимая утрата пресной воды. Сама по себе добыча нефти — очевидный регресс. Выхлопы из трактора — тоже регресс, поскольку они ухудшают экологическую ситуацию. Называть такое тех-

ническим прогрессом удобно разве что тем, кто на этом зарабатывает.

Подведём итог. Использование трактора имеет минимум один элемент прогресса: облегчение физического труда. Но также минимум три элемента регресса: стресс для земли; уничтожение пресной воды; загрязнение окружающей среды. Наш оппонент может сказать: но ведь облегчение физического труда крайне важно, оно перевешивает всё остальное! Конечно, запретить технику и вернуться к ручному труду — это точка полного регресса. Но напротив неё — точка обманного прогресса (три к одному). Если бы мы вправду заботились о прогрессе, то и ставили бы задачу прогресса иначе. Мы бы сказали себе: надо решить проблему упрощения физического труда, при этом сохранив землю, пресную воду и окружающую среду. Все кулибины мира могли бы взяться за эту проблему, что называется, «снизу», если уж «верхи» настолько дряхлы (простите, прогрессивны), что не могут отказаться от убийственных привычек.

Правильно построенный и поставленный под контроль технический прогресс имеет свою сверхзадачу. Условно «неорганический» человек, склонный к бездумному существованию, покорно отправится на службу к машинам, «органический», не утративший субъектив-

ного начала, поставит машины себе на службу. Если та или иная техника или функция не способствует уничтожению природы и человека, а просто помогает меньше задумываться о бытовом, тогда технический прогресс переходит на сторону человека. Следующий этап — встать на путь органического технического прогресса, который способствует жизни в согласии с природой, питаться естественной пищей и при этом не выпадать из культурной и интеллектуальной повестки. Поистине Гуттенбергову роль играют всё более доступные носители информации, облегчающие путь души к душе. «В наши дни человеческое слово с помощью искусных приспособлений способно переноситься с одного конца нашей планеты на другой... Не образ ли это всеслышания Божия?» (Николай Сербский «Охридский пролог»). Не убивая физический труд, а отсекая бессмысленную его часть,

развитие техники помогает уничтожить деление на высших и низших и тем самым работает на создание справедливого общества.

ТРУД И ДУША

Итак, труд помогал человеку обретать и укреплять в себе важнейшие черты, которые потом собирались в целое личности: способность преодолевать себя, готовность к взаимопониманию и уважению, причастность к общему делу и умение достигать целей. Рискну предположить, что эффективным труд становится не потому, что он увеличивает доходы государства или конкретного богатея либо стимулируется материально, а в первую очередь потому, что стимулируется морально — становится желанным. Создание нового справедливого общества, победа в ВОВ, строительство БАМа наполняли людей энтузиазмом и давали феноменальный эф-

фект. Экономическая составляющая компенсировалась наслаждением от сделанного; даже ничего не получая, люди становятся счастливыми от своего труда, видя его результаты.

Для вдохновенного труда мне необходимо ощущение, что я действую с собственным замыслом, по собственной воле. «Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! — писал Максим Горький. — Когда труд — обязанность, жизнь — рабство!» («На дне»). Тема свободы очень тонкая, предмет огромного количества спекуляций и пропагандистских вывертов (одно «свободное общество» чего стоит), тот самый «шумок», под который так эффективно закабаляют людей агитаторы. Задача современного человека — заново отвоевать у мира право на собственный труд: не на помещика, партийного бонзу или капиталиста. «Несвободный труд не делает из человека личность, реализующую себя в полной мере,

а вместо этого является эффективным средством превращения его в «вещь» (Паулу Фрейре «Педагогика угнетённых»). Труд из-под палки — не выход для жаждущего, и наоборот, осмысленный труд наполняет душу: «Я приобрёл... ручную мельницу. Чугунное колесо было слишком тяжело для одного человека, но вдвоём управиться с ним было нетрудно. Обычно эту работу выполнял я вместе с Полаком и детьми... Эта работа оказалась благотворным упражнением для детей. Мы ни к чему их не принуждали. Работа была для них приятной игрой, и они могли бросить её в любое время, как только уставали. Но дети... как правило, никогда не обманывали моих ожиданий» (Махатма Ганди «Моя жизнь»). Из «Слова мудрости волхва Велимудра»: «Взаимоотношения в Общинах должны быть основаны на Трудолюбии, Добре, Любви и Взаимопомощи, а не на принуждении и страхе. Не может принудительный труд приносить благие плоды, ибо созидающий по принуждению или по страху своему замыкается в себе и не может вложить Душу в плоды труда своего. Созидательный труд... должен быть только добровольным и по зову сердец ваших, иначе бесплодными и безобразными будут плоды такого труда». На Руси труд воспринимался как неперемное условие нравственного восхождения, он «никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причем трудолюбие было характерным выражением духовности» (Олег Платонов «Русский труд»).

Для русского человека свободный труд на себя и свою семью всегда был предпочтительнее службы. В нём он чувствовал себя человеком вольным и по-настоящему раскрывался. И сейчас наши старшие возделывают огород, и это не возрастная упёртость, а интуитивная мудрость — они создают свой мир, с акцентом на «свой». Когда-то они создавали миры своих детей, но те выросли и стали создавать свои. Порой оскорблённые или заброшенные своими

детьми, старики трудом на шести сотках как бы доказывают и себе, и детям, и миру, что мы всё равно создаём наш общий прекрасный семейный мир, и он навсегда! Интересно, стоял ли при Советском Союзе за раздачей шестисоточных угодий кто-то по-настоящему умный? Кто сказал себе: убивая крестьянство, загоняя людей в казематы городов, мы оставляем им надежду на спасение. Глядишь, они не утратят свои навыки окончательно и когда-нибудь будут готовы к возрождению. И свою малую родину будут больше любить, а через это и большую.

Без идеального человеку никак нельзя: он утрачивает причину жить. Принадлежит ли это идеальное строго определённым жанрам и видам искусства? Правда ли, что только в них проявляется дух? Вот как размышлял на эту тему оптинский старец Нектарий: «Художник — это человек, могущий воспринимать... другим не видимые и не слышимые звуки и свет. Он берёт их и кладёт на холст, бумагу. Получаются краски, ноты, слова. Звуки и свет как бы убиваются. От света остаётся цвет. Книга, картина — это гробница света и звука. Приходит читатель или зритель, и если он сумеет творчески взглянуть, прочесть, то происходит «воскрешение смысла». И тогда круг искусства завершается, перед душой зрителя и читателя вспыхивает свет, его слуху делается доступен звук. Поэтому художнику или поэту нечем особенно гордиться. Он делает только часть своей работы. Напрасно он мнит себя творцом своих произведений — один есть Творец, а люди только и делают, что убивают слова и образы Творца, а затем, от него же полученной силой духа, оживляют их» («Житие оптинского старца Нектария»). Разные эпохи приписывают важность тем или иным искусствам, которые на данный момент кажутся относящимися к вечности; сейчас это актёрство и музыка, завтра снова будут стихи, как при Пушкине, публицистика, как при Писареве, или романистика. Мы так много зна-

ем про поиски творческих личностей потому, что те, кто занимается творчеством, — прототипы для самих себя. Но точно ли они образцы для нас? Писательство, по наблюдению Гийома Мюссо, «это не занятие для людей в здравом уме. Занятие для шизофреников — вот что это такое! Для него требуется разрушительное умственное расстройство: чтобы писать, ты должен находиться и в мире, и вне мира... Когда ты пишешь, ты не живёшь с женой, детьми, с друзьями. Истинное твоё существование год, два года, пять лет протекает в окружении твоих героев... Ты постоянно на страже, вечно караулишь мимолётную мысль, удачное выражение, чёрточку характера, из которой может вырасти персонаж» («Тайная жизнь писателей»). Творчество лечит, говорят, без него психушки были бы переполнены; мы невольно перенимаем от авторов не только воплощённое ими в текст идеальное мира, но и склад их души. Вера в авторство творения — как иллюзия бессмертия, из-за которой мы редко восхищаемся настоящими тружениками за пределами жанров. Ограниченный набор «узаконенных» источников идеального — это позднее изобретение, до прославления «творческих личностей» идеальное запросто обходилось без них. Проходящий мимо деревни гусяр мог сообщить о мире такое, что не сообщит ни один писатель. Вовсе не в области тщеславия или жадности следует искать будущее творчества. Мы помним, что творчество — это труд, но порой забываем, что труд — это творчество. Если оно существует за пределами узаконенных жанров, не логично ли предположить, что оно может заключаться вообще во всём?

Не для общества важно, чтобы наш труд был творчеством, — для нас самих. Учёные пришли к выводу, что на увеличение «количества здоровья» влияют два фактора: кислород и творчество (Геннадий Апанасенко «Планетарная эволюция и здоровье человека»). Истинное творчество — это вхождение в резонанс со вселенной,

с истиной, а не с заказчиком и публикой. Идеальное разлито по всему миру и может проявляться через что угодно. Творчество в идеале есть способ произнесения себя вовне и обмена светлыми энергиями, созидание мира через себя и своё дело. Как писал Генри Торо («Уолден, или Жизнь в лесу»): «Сделать прекраснее наш день — вот высшее из искусств!»

ОБРАЗ МИРА

Философы заметили, что любое творчество следует рассматривать не только как преобразование данного в рамках данного, но и как один из важных элементов синергического слияния дольного с горним, человеческого с божественным на пути к теургии. Творчество — «моделирование здешней реальности» (Сергей Хоружий «Диптих безмолвия»), её пересоздание, включённое в теургический замысел бытия. Оно такой же ручеёк, как разум или чувство, как тело, судьба или действие, даже как религиозная практика. Так и любой осмысленный труд — это превращение событий души во что-то новое, отличное от этой самой души, воплощение бесплотного в плотное; это исполнение задания до-послежизненного мира прижизненному; поэтому, когда мы трудимся, в том числе физически, мы одновременно пишем что-то важное не только на земле, но и на небесах.

Но не слишком ли это абстрактно, особенно для того, кто ежедневно трудится не только языком? Не-

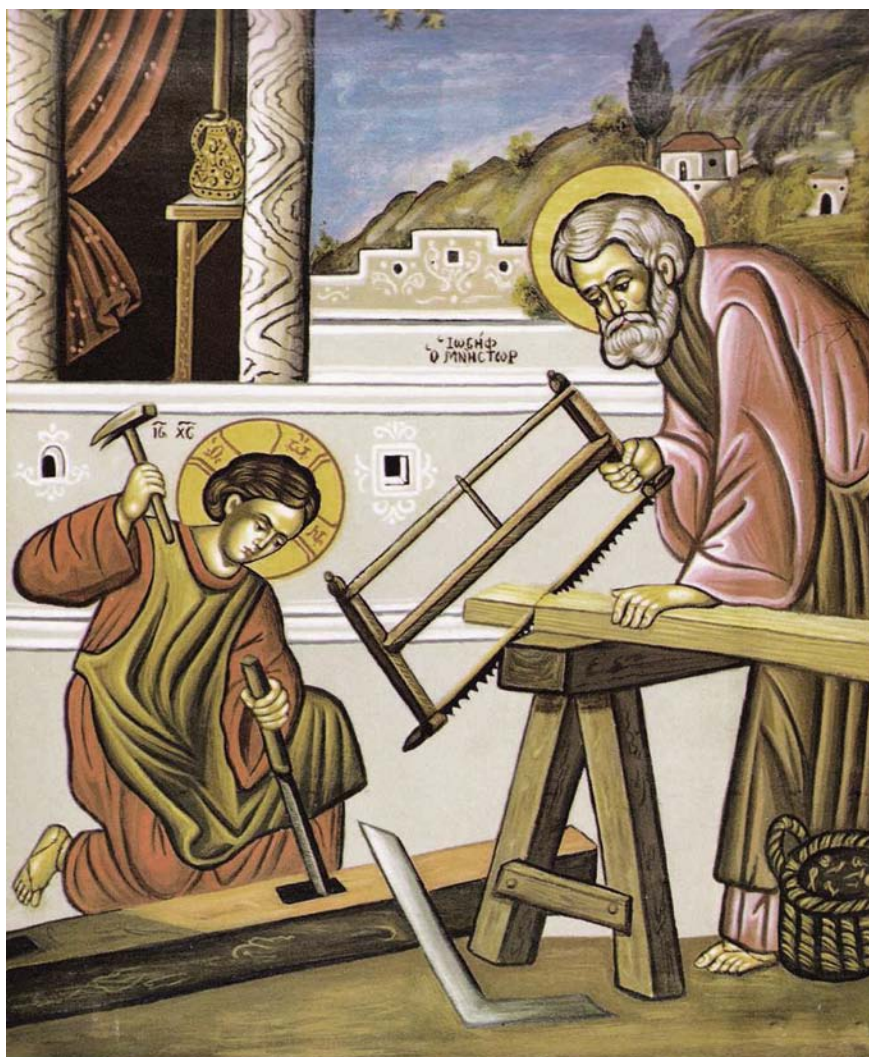
возможно же работать лопатой, постоянно помня, что ты этим что-то символизируешь, моделируешь. А сколько в таких рассуждениях возможностей для любого бездельника: «Я эту работу делать не буду, с ней я недостаточно духовно расту!» Как и для самого обидного сарказма от сильных мира сего: «Не каждое движение лопатой должно быть наполнено глубоким смыслом, пусть просто быстрее машут и дальше кидают — вот и вся польза. Им на водку, мне на яхту». Вообще с таким пониманием, как символическая роль труда, надо быть осторожными. Чтобы сформулировать, в чём философская суть труда, надо быть одновременно философом и свободным созидателем своей жизни. Есть вещи, в которые надо погрузиться — и без всякого философствования просто делать.

Чтобы построить «метафизически здоровое» общество, важно не только сформулировать философский образ труда, но и понять смысловое наполнение разных профессий. Несопоставимо ценнее других те виды работ, которые дают людям проникаться душами друг к другу, обмениваться положительными энергиями. Когда люди практикуются во взаимопонимании и взаимовыручке, и общество становится более сплочённым. «Авторы трудов о жизни после капитализма часто размышляют, как работа может стать желанной: способом выражения творчества, средством полноценного развития сил и потенциала и проявления солидарности с другими людьми путём создания

предметов, которые, по нашему мнению, им понравятся» (Робин Ханель «Только сами: доводы в пользу экономики участия»). В метафорике труда заложено признание авторитета, проявление уважения к предкам, общения с ними. Когда-то наши родители делали то-то и то-то; повторяя их действия, мы как бы восстанавливаем с ними связь или даже становимся ими, а без этого будто повисаем в безвоздушном пространстве. Возможно, одна из составляющих плана по уничтожению труда как раз и состоит в том, чтобы человек превратился в такую тряпочку на ветру, но наша задача противоположная — не только через продолжение родительского труда блюсти себя, но и позаботиться о детях, чтобы они с юности впускали в свой внутренний психологический строй будущее общение с нами через труд.

Труд — важнейший метод самовоспитания, через него мы обретаем настоящих себя — объединяющее, возвышающее, концентрирующее, которое в нас есть. Он одновременно помогает понять и помогает стать. Если я хочу знать, насколько я упорен, я начинаю что-то делать регулярно. Не зря регулярность заложена в обряде; усилия, которые мы прикладываем к тому, чтобы чего-то добиться, в своей регулярности приближаются к молитве. Если мы делаем что-то без необходимого упорства, значит, победить не очень-то и хотелось и мы не заслужили победы. Всем хочется избежать каждодневных однообразных действий, однако, прерывая регулярность, мы обнаруживаем в себе недостаточное упорство. Или, наоборот, чтобы упорство стало достаточным, мы продолжаем регулярно делать, что начали. Таким образом, познание через действие перетекает в действие, которое помогает скорректировать результаты познания. Труд бессмыслен, только если он не моделирует некое духовно воспринимаемое будущее, и осмыслен, если опирается на определённую мысль, опрокинутый в будущее

Не для общества важно, чтобы наш труд был творчеством, — для нас самих. Учёные пришли к выводу, что на увеличение «количества здоровья» влияют два фактора: кислород и творчество (Геннадий Апанасенко «Планетарная эволюция и здоровье человека»). Истинное творчество — это вхождение в резонанс со вселенной, с истиной, а не с заказчиком и публикой. Идеальное разлито по всему миру и может проявляться через что угодно.

образ. Если я развожу сад, значит, создаю мир, как я его вижу; вряд ли можно воспринимать такую работу как обычное украшательство. Когда я ухаживаю за лошастью — выгребая навоз, меняю подстилку, мою и вывожу гулять, — я мечтаю о том моменте, когда мы поскачем в поля. Когда те же действия я совершаю по отношению к будущей колбасе, мой энтузиазм приобретает иное наполнение, душа моя гаснет.

Когда видишь не образ отдельного движения в контексте большого дела, а сам контекст, сохраняется один из главных для человека ментальных навыков — способность представлять явление в целом. Практика созерцания целого может распространиться и на собственную жизнь, и на жизнь окружающих. «Трудовая забота, — считал Мака-

ренко, — это не просто дорога к средствам существования, это еще и этика, это философия нового мира, это мысль о единстве трудящихся, это мысль о новом счастливом человечестве» (цит. по кн. «Воспитание гражданина»). Доводя мир до совершенства, реализуя на практике заранее написанный на небе образ, мы моделируем мир, где идеальное возможно. «Требуйте своего права быть накормленными, — писал Джон Рёскин, обращаясь к воображаемым рабочим, — но ещё громче требуйте права быть святыми, совершенными и безупречно чистыми» («Последнему, что и первому»). Многие революционеры с презрением относились к «теории малых дел», не видели за ней практику символических дел, которая может через посредство индивидуального духа

изменить целое мира. Дела становятся великими, когда формируют образ мира. Не только мировые революции и героические стройки дают духовное наполнение, но и уклад, взаимодействие, материальные цели. «Каждый великий творец в сферах науки, философии, религии, технологии или изящных искусств, — рассуждал Питирим Сорокин, — является гигантской энергетической станцией, генерирующей энергии истины и красоты. Поскольку эти энергии являются трансформируемыми в энергию любви... увеличение количества этих героев... косвенно ведёт к увеличению производства любви... Поэтому все меры, которые способствуют увеличению конструктивного творчества в сфере истины и красоты, также служат цели увеличения творчества в сфере добра» («Таинственная энергия любви»).

Можно ли полностью воплотить идею такого труда? Полностью в этом мире ничего не воплотить, возможно только стремиться к образу. Чтобы снова сделать осмысленный труд высшей общественной ценностью, мало пропеть ему славу и похвастаться тем, как когда-то его ценили в России. Опираясь на общественные институты — образование, идеологию, СМИ — необходимо расколдовать саму идею труда, целенаправленно осмыслить её привлекательность. Пока слово «труд» не раскроется, не засияет заново, оно будет тяжёлым кирпичом на каждой судьбе. Пора говорить о труде как о путешествии в духовные верховья собственной личности. Необходимо публично понять, чему служит каждое наше усилие, какую волю оно исполняет помимо человеческой, в какой образ мира преобразуются на практике и чего конкретно лишается человек, когда перестаёт трудиться. Если мы принимаем идею объективного существования души, осмысленное действие становится духовным наполнителем реальности. Выстраивая так или иначе свой труд, мы выстраиваем и собственные души, а через это и душу совокупную, мировую.

Шок-шок-шокотерапия!...

(Отклики на «5-й час песен»
Виталия АВЕРЬЯНОВА)

Галина ИВАНКИНА

ШОКОТЕРАПИЯ ГУРУ АВЕРЬЯНОВА
(газета «Завтра»)

Виталий Аверьянов — философ, публицист, знаток искусств и — бард. По сути, он — человек эпохи Просвещения, когда каждый учёный был одновременно поэтом и приверженцем какой-нибудь философской ветви. Помнится, Александр Проханов назвал Аверьянова русским ведуну, при этом добавив, что есть тут нечто и от скомороха. Без преувеличения, Виталий Аверьянов — современный гуру. В стихах поэта-барда много иронии, боли, сарказма, патетики, воли к жизни. Всего понемногу, а на выходе получается интереснейший феномен. Песни Аверьянова — это долгие баллады, но в то же время — плакаты, лозунги. Не только спето, но и выкрикнуто. Много вызывает оторопь наполоам с восторгом.

Передо мной — роскошно оформленный диск с броским названием «Шокотерапия». Красно-бело-чёрный фон, а на обложке часы. Стиль — супрематизм. Аверьянов говорит с нами о времени, каждый его диск — это веяние эпох. Прошлое пересекается с настоящим и влияет на будущее.

В песне «Тризна», которая, пожалуй, одна из лучших на диске, автор беседует (а эти песни ещё и беседы!) о проблемах рода, о русскости, о чести и — бесчестии: «Пока славянофилы-простофилы / Пускали нюни по чужим меню, / Россию проморгали, упустили — / Их западники вдрызг перешустрили, / Загнав её в глухую западню...» Действительно, пока наивные почвенники трепались чуть не о возвращении монархии, Чубайсы и компания присваивали богатства советского народа, а мальчики с крепкими затылками устраивали побоища на «стрелках». И вот — момент истины: «Средь этих людоедских дастарханов, / Где под доской кость русская хрустит, / Оплёванный как шут плевками хамов, / Возвысил голос лишь один Проханов / И как скала все тридцать лет стоит». Многие ли сейчас помнят, что именно Александр Андреевич в гордом одиночестве поддерживал ГКЧП (хотя «путчисты» оказались слабы и не достойны столь мощной поддержки)? Проханов по сию пору скорбит о развале Красной Империи, а газета «Завтра» — единственное издание, не изменившее себе и своим убеждениям.

А что же мы? Аверьянов действует как отменный символист: «А мы что партизаны под Антантой. / Народ наш анархист и монархист — / Не признает плечистого Атланта, / Будь пацифист, буржуй он иль нацист. — / А всё одно: непоротый нарцисс...» Имеется в виду книга американской писательницы Айн Рэнд (настоящее имя — Алиса Зиновьевна Розенбаум) «Атлант расправил плечи», этой своеобразной Библии американского консьюмеризма. Евразийство ментально противостоит британо-штатовскому атлантизму с его блистающим «градом на холме». Потому что у нас на холме — божий храм.

Каждая строчка Аверьянова — тонкая отсылка к явлениям, книгам, смыслам. Он, как философ, рассчитывает на умную публику, а как бард — чрезвычайно эффектен. Его песни — для вдумчивого слушания.

Иной раз он рубит с плеча и делает сиё выразительно. «Где запрещена идеология, — / Там, хошь не хошь, пиарщики рулят», — поётся в песне «О транзитах и трансферах». Одна из бед современного общества — отсутствие внятного курса. Красивые слоганы о «религии Победы» и «линии патриотизма» — всё это не скреплено единым законом, а потому... остаётся висеть в воздухе. Человеку нужна конкретность, иначе он впадает в крайности, ереси, безмыслие.

Виталий Аверьянов как поэт играет словами, рифмует Фукуямы и Фукусимы — конец истории

да катастрофу. Сплетение ритмов, рождающее особые резоны. На всё-то Аверьянов смотрит со своих колоколен!

В балладе «Война» — критика современного европеизма, погрязшего чёрт знает в чём: *«Из тучных почв пресыщенной Европы, / Её святых чудес, крутых витрин / Поднялся под едва заметный ропот / Её дитя — новейший исполин. / Она могла казаться райским садом, / Но он залез в алтарь с содомским задом... / И тянет адом...»* Песня о том, что наша спецоперация — это не об Украине, ставшей жертвой Майдана и болезненной тяги к Евросоюзу, но об эпичной битве с коллективным Западом.

«Украине люблю с бисом стряпать флирт. / Знать, панночка у них ещё нэ вмерла. / Тикал наш Крым, ну а Донецк горит, / И на него ощерены все жерла», — а это уже произведение «Украйна», где Аверьянов рассуждает о том, что Малороссия предала не столько Россию, сколько самую себя. Это — боль и гнев, перемешанные с нормальной людской жалостью. Хохлов, как бы то ни было, жаль — они попросту чванливые иуды и, если честно, дураки. На что вы променяли самих себя? Аверьянов отвечает: *«Евроремонт, белышко кружевное. / И вышла наша близкая родня / В междоусобье злое, ножевое...»*.

В песне «Шокотерапия», давшей название всему диску, автор выступает как злой, но справедливый сатирик: *«Взмоктели от истерики / Ребята-эзотерики. / Зато молчок историки, / С эпохи перестройки. / Все в курсе в нашей клинике, / И физики, и лирики: / Попробуйте захнычьте-ка — / Назначат инсулинчика...»* Это о нашей бытности — с засильем эзотериков и бесконечными искажениями истории. Мир-дурдом, Канатчиково дача, где правда — это ложь, а уродство — прелесть. Перекроенный перевёртыш в преддверии конца света. Или он уже случился, и мы живём в иной реальности? Хотелось бы верить, что это не так.

«Неистовы мы и неимоверны... / Наш авангард — летучий Русский мир», — вещает Аверьянов в щемяще-грозовой песне «Новый термидор». Мы словно бы затерялись *«меж украми и уграми»*, особая цивилизация, за которой — Будущее. Русский путь — узкий, идти по нему — чрезвычайно трудно. Однако это — небесная дорога. Сказано же: неистовы и неимоверны. Это переключается с блоковским: «Нам внятно всё». Ощущение громадного пространства и — горних высот. Аверьянов умеет быть пафосным, но этот пафос, что называется, не бьёт по ушам. Это — попадание в самое сердце.

А здесь та самая лозунговость: *«Так дерзай же, владычествуй, пой и твори! / И антихрист не встрянет в пределы твои»*. В «Первопрестольной» каждая строка просится на плакат: *«Нет, её не сотрясть и не завоевать, — / Среднерусской равнины не сдвигать на пядь»*. И снова — дивно изящные рифмы, что сливаются в едином потоке песенного стихотворчества.

Финальная песня, bonus-track «Про мои таланты» — это забавный и поучительный рассказ о времени и о себе: *«Я с эпохой моей на ноге короткой, / С дерзновеньем, панибратски обращаюсь с ней. / Не уехал, не сломался, не упился водкой. / Якоря мои — таланты, ждали лучших дней»*. Аверьянову свойственна самоирония — он пишет о том, как в юности с ребятами сколачивал рок-бэнд, далее — повествует о своём житье-бытье. Открыто. Весело. С изюминкой. Чего достиг, а что было и даром не нужно. Благо

«...в утиль идёт эпоха тех, кто нас списал». Что объединяет все эти песни? Удивительная свобода самовыражения — такая свойственна лишь настоящим стихослагателям. Что касается музыки, то она и лирична, и жестка, и порывиста, и по-скоморошьему легкокрыла. Каждый найдёт своё. Но главное, «Шокотерапия» заставляет думать.

Андрей СМЕРНОВ
БИТЬ ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ РУКОЙ
(из выступления на творческом вечере
Изборского клуба 16.06.2025)

Изборский клуб в моём представлении — это не только собрание политологов и аналитиков, это ещё и вариация поющей эскадрильи из фильма «В бой идут одни старики». Потому что, насколько мне известно, создатель Изборского клуба знает огромное количество фольклорных песен, некоторые в его исполнении я даже слышал, так что ещё до написания своей оперы Александр Андреевич Проханов отдавал дань уважение песенной составляющей нашей культуры. Один видный деятель Изборского клуба под псевдонимом Ганс Зиверс записал несколько оригинальных альбомов. И это происходит в течение 40 лет, не особо публично...

И, наконец, Виталий Аверьянов, который презентует сегодня уже «5-й час песен». Диски Виталия — это, безусловно, явление, которое мне интересно слушать, я могу их смело рекомендовать в силу того, что это, с одной стороны, совмещение несоместимого, но при этом — целое, которое больше чем просто искусственно объединённые части. Наличие противоречий выходит на уровень синтеза, где есть тезис и антитезис.

Виталий в своём новом альбоме заложил, наверное, какую-то мину, потому что название «Шокотерапия» ассоциируется с 90-ми годами, то есть с каким-то ужасом, негативом, с кошмаром, с Гайдаром или Чубайсом. Возможно, этот альбом — тоже вариант шокотерапии, он резкий, меткий, там резкости и выпадов хватает и в адрес элиты, и в адрес

нашего общества, в том числе в адрес части патристического сообщества...

В газете «Завтра» была рубрика, которую вёл покойный Владимир Карпец, — «Битва за историю». Эта битва сегодня продолжается не только в больших геополитических широтах, но и в формате патриотики. Увлечений разного рода концепциями, ораторов, вещающих о культурных явлениях, благодаря социальным сетям стало так много, что, как говорится, «некуда бедному крестьянину податься». Я с удивлением вижу, как вполне взрослые люди откровенно сходят с ума от некоторых такого рода концепций, а неизвестные YouTube-каналы с весьма оригинальными теориями и разоблачениями буквально «рушат мозг» в том числе и вполне прекрасным, замечательным русским людям. Об этом — пронзительная вещь «Шокотерапия» в релизе Виталия Аверьянова.

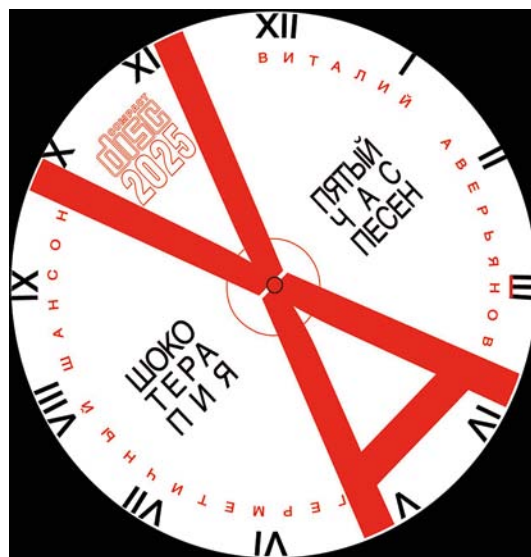
Существенно, что с определённого момента конспирологическая модель как объяснение реальности ушла сперва к левому лагерю — под «левым» я имею в виду не советско-коммунистический, а лево-троцкистско-либеральный лагерь. Далее конспирологию освоили либералы как единственный вариант объяснения реальности: во всём видеть, например, лик Темнейшего, то есть Путина, — в любых бытовых подробностях.

Наконец, есть такой момент — какой-либо серьёзный анализ Изборского клуба нивелируется тем, что на том же YouTube есть каналы, которые несут совершенно фантастическую дичь про ядерную войну в XIX веке, про рептилоидов и т.п. Но именно серьёзное историческое высказывание, что свойственно как раз Изборскому клубу, должно в итоге сбить всю эту поповскую конспирологическую пену.

Возвращаясь к альбому, объясню, почему мне нравится метод Виталия. Как говорил один уже запрещённый в России деятель, левой и правой рукой надо бить поочередно. И в этом смысле и серьёзное высказывание, и озорной сатирический куплет очень хорошо работают.

На какую аудиторию рассчитан альбом? Вопрос. Это уже проблема зачастую не самого автора, это проблема того формата, в котором всё у нас существует. И этого очень сложно избежать. Может быть, как раз через клипы, через какие-то оригинальные конструкции можно приходиться к слушателю. Во всяком случае, у Виталия эти слушатели в некоем количестве точно имеются. Я бы с интересом послушал этот альбом и на радио, но даже и 20 лет назад на радио ставили песни продолжительностью не больше 3–4 минут и несложные. А эти песни — сложные, хотя своей сложностью они не утомляют.

Очень хорошо, что они игровые, — современному человеку всегда нужна игра. К сожалению, тут я сам

себе противоречу, говоря, что нужно серьёзное высказывание, но при этом в какой-то игровой упаковке. Это лучше, чем совершенно игровое высказывание, но «на серьёзных щах» (то есть с серьёзным лицом), как говорят в контркультуре.

Я желаю и изборянам, и всем нам, кто соучаствует с ними в общем деле, взрывать культурное пространство и формировать новые культурные континенты.

Денис СТУПНИКОВ

ЧАСОВОЙ ВСЕХ ВРЕМЕН И «БЕЛЫЙ СВЕТ»

(Сайт Изборского клуба)

«Повернуть ход истории вспять не дано никому». Эти слова советского генсека Юрия Андропова, впервые произнесённые им в официальном правительственном заявлении по поводу сбитого над Сахалином южнокорейского «Боинга 007» в сентябре 1983-го, были годом позже растиражированы на знаменитом агитплакате Юрия Царёва. Кто бы мог тогда подумать, что ещё через год, когда придёт к власти Михаил Горбачёв, будет запущена адская машина, которая как раз и приведёт к очередной ревизии истории и реставрации дикого капитализма, описанного во всей его отталкивающей «преlestи» ещё русскими классиками — Александром Островским и Петром Боборыкиным!

На часы истории явно намекает «циркулярный» дизайн нового альбома Виталия Аверьянова. Сразу понятно, что речь здесь пойдёт именно о прихотливых извивах русской истории, движители которой раз за разом наступают на собственные грабли, но при этом по-царски щедро украшают шишками не столько себя, сколько толоконные лбы своих «холопов». Ещё картинка с обложки напоминает оформление недавнего альбома группы «Кипелов»

«Часы Судного дня», что тоже вполне укладывается в концепцию «герметичного шансона» Виталия Аверьянова — стиля, который на этой пластинке с лёгкостью преобразуется в шансон апокалиптический.

Понятие «шокотерапия» не очень вяжется со спецификой этого шансона. Ведь Виталий Аверьянов ни разу не шок-рокер, а в известной степени акын, предпочитающий раздумчивые 8–10-минутные полотна с обилием деталей и метких наблюдений. Но его «что вижу, то пою» метафизично по своей сути, поскольку солидный культурный багаж и внушительный духовный опыт исполнителя позволяют ему не кликушествовать, а визионерствовать, наблюдая за многовековым историческим процессом из некоей вневременной точки.

«Шокотерапию» в контексте альбома можно понимать и в пародийном ключе. Не секрет, что помимо философских полотен Виталий Аверьянов любит сочинять музыкальные карикатуры в стиле юмористических песен Владимира Высоцкого. «Шокотерапия» как раз — одна из них. Написана эта песня от лица излюбленного лирического героя певца — сильно пьющего интеллигента, прикормленного каким-нибудь престижным вузом. Однако в «Шокотерапии» этот пугливый параноик дорастает аж до депутата и министра, отчего счастливее, впрочем, не делается. Вечным клеймом ему служит библейское «мене, текел, фарес», которое можно перевести как «измерен, взвешен, признан недостойным». Крах героя обусловлен, в том числе, и приверженностью к псевдонаучным теориям а ля Фоменко-Носовский. Эта десятилетиями насаждаемая трансплантация мировоззрения сильно отформатировала сознание многих нестойких граждан...

Не забываем, что шоковой терапией назывались также проводимые в начале 90-х антинародные реформы Егора Гайдара. Отзвуки этого

чудовищного эксперимента над русским народом мы ощущаем и поныне, причём проявляются они, в частности, в том, что некоторые идеологи данных преобразований до сих пор сидят в высших эшелонах власти и влияют на умы и судьбы. Свидетельство тому находим в песне «Второе письмо ста деятелей российской культуры», написанной еще в 2012-м по следам, соответственно, первого послания интеллигенции относительно кощунственного «панк-молебна» Pussy Riot. Тринадцать лет минуло, но ты с удивлением замечаешь, что палки в колёса ставят нам всё те же Кирилл Серебренников, признанные иноагентами Дмитрий Быков, Виктор Шендерович, Андрей Макаревич и иже с ними. Ну а то, что творится сейчас с храмами на Украине, было представлено прямым текстом Виталием Аверьяновым ещё тогда:

«Теперь пару слов о церкви. Попы пусть шипят как гуси — / Но храм их Христа-спасителя будет зваться собором Пусси! / На кирхах, часовнях, костелах им попилят кресты, / Насут им в свечные ящики, шоб они были пусты».

Возможно, сейчас, по прошествии лет, этому «Письму», при всей точности его посыла, не хватает глобальных выводов. Но сделал их Виталий Аверьянов в более свежей песне 2023 года «О транзитах и трансферах». Разворачивая в ней фразеологизм «уши машут ослом», автор парадоксально верно подмечает, что в отсутствие внятной государственной идеологии всем заправляют пиарщики, по сравнению с которыми «альтернативные истории» с их нелепыми побасенками могут показаться просто детьми. Тем не менее глашатаи этих либеральных ценностей беззащитны перед грозным Апокалипсисом: «А мудрецы — притягивают ямы, / Все в небо смотрят, слабо закусив. / Отыщется на каждого долдона Фукуяму / С десяток аварийных Фукусим...»

СОСТАВ ДИСКА

01. ТРИЗНА*	07:14
02. О ТРАНЗИТАХ И ТРАНСФЕРАХ	06:03
03. ВОЙНА*	07:40
04. ПОБЕДОНОСЕЦ	03:38
05. 2-е ПИСЬМО СТА ДЕЯТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ	06:44
06. УКРАИНА*	07:12
07. ШОКОТЕРАПИЯ	10:39
08. НОВЫЙ ТЕРМИДОР*	07:29
09. ПРЕСТОЛЬНАЯ	06:38
10. МОЛИТОВКА	02:43
11. НЕВЫДУМАННОЕ	01:11
12. BONUS TRACK: ПРО МОИ ТАЛАНТЫ	04:16

* Композиции, помеченные звездочкой, являются частями единого целого — «Поэмы эпохи», написанной в 2023 году и посвященной Александру Проханову.

1. ТРИЗНА

Уж задержали торные тропинки
Борщевиком, бурьяном, ковыльем,
Уже не ждут на общие поминки,
Где нас бы угощали по старинке
Тем черноплотным терпким киселем.

Где каждый знал: он плоть от плоти Рода,
Одной супригой, миром и семьей
Он тянет лямку с поляны и до гроба,
А не свиньяй ищет под скамьей.
И пусть не всех тряпина поглотила,
Но разобрало, размотало нас,
Убавило живых, наши силы
И даже размагнитило компас...
Куда ж нам плыть?
Сковал нам взоры срам...
И как подняться нам?

Пока славянофилы-простофили
Пускали юмору по чужим менам,
Россию проморгали, упустили —
Их западникой адрывз перешустрили,
Загнав ее в глухую западню...

Придоша песьи мухи, скипы, пружи —
Несметной тьмою тридцать целых лет
Все праздновали тризну по Союзе
И похвалили твой народ как хлеб,
Средь этих людоедских дастарханов,
Где под доской кость русская хрустит,
Оплеванный как шут плевками хамов,
Возьмись голосом лишь один Проханов
И как скала все тридцать лет стоит,
А пир-то все гудит...

Мы словно не заметили подлога,
Когда в матрени двор вселился вор,
И лет прошло с тех пор совсем немного,
Но глядь — остыла теплая берлога,
Слышь — засучил безжалостный топор!

Кто присягнул, а кто и присмыкнул им.
И предал все за здорово живешь.
Давайте посочувствуем поскудам!
Ведь жир течет по брылям,
по мусалам и по скулам...
Но супротив кормушки не поперши!

Покуда вертит всем засланец-прилагатый,
И в отпуску небесный соглядтай —
Поклонимся Верховному Халпу!
Берите, сколько можете, ребята,
Ведь мы не ровня быдлу и совку —
Сохатым и сопатым,
Гребем, скребем лопатой
Отжимы да откаты!

По законам жанра хорошо бы противопоставить этой стоглавой либеральной гидре сотню таких же молодцов, ратующих за традиционные ценности. Но Россия всегда стояла благодаря одиночкам, которые держат на себе, как атланты, свод отечественной истории. Виталий Аверьянов посвящает целых четыре песни альбома одному-единственному человеку. Если пройти по указанным выше узловым моментам российской шоковой терапии, то в 1993-м этот человек тяжело переживал расстрел Дома Советов, но продолжал быть главным рупором духовной оппозиции. В 2012-м он назвал историю с Pussy Riot эпидемией, проникающей в самое тело российской государственности: «У всей этой либеральной сволочи руки по локоть в крови, и они не вправе мотивировать свои побуждения милосердием, призывами к свободе «Пусси райот» и т.п.». Нетрудно догадаться, что этот исполин — Александр Андреевич Проханов,

В одном контексте с Александром Андреевичем уместно упоминается президент Белоруссии Александр Лукашенко — единственный государственный на всём постсоветском пространстве, не сдавший патриотических позиций начиная с 1990-х годов. Но патриотизм патриотизму рознь, и об этой прописной истине, о которой многие в шапкозакидательском чаду, увы, нередко забывают, Виталий Аверьянов напоминает в «Новом Термидоре». В противовес Александру Проханову, всегда следующему в своем непреклонном фарватере, стоящему «как скала», здесь появляются другие знаковые персонажи, которые в последнее время своими истеричными лозунгами вносили в общество изрядную долю сумятицы, приближая, не приведи Господь, новую революцию: «Еще звенит Медведь гремящей пустотой. / И черепом блистает Караганов. / Под трели соловьёвских барабанов / Отрыжкой в морды всех телеэкранов / Дружки-паяцы взвинчивают вой...»

Нет, не таких потомков чаяли помянутые выше в этой же песне первооткрыватели земель «Ермак, Хабаров, Беринг и Челюскин». Благодаря их подвижничеству Россия росла не тольковширь, но и врасстала в Небеса. Виталий Аверьянов наглядно описывает этот процесс с помощью одного из главных почвеннических символов — «белого света», который, как известно, воплощал в русском фольклоре бездонную ширь, абсолютную полноту и в конечном итоге — Царствие Небесное. Это как раз один из тех уникальных сверхчувственных образов, которые легко испытываются и с помощью физического эксперимента с радужным спектром: «Так все цвета вбирает белый свет. <...> Мы в белый свет попали, строго мимо! / Об мерзлоту сточили костыли...»

Нынешняя Россия, увы, никак не дорастёт до масштабов белого света, хотя бы потому, что допустила профанацию символа радуги, бывшего в Библии символом завета человека (Ноя) с Богом. Об этом Виталий Аверьянов поёт в «Войне»: «Украл у Ноя радужное знамя, / Идёт на нас с ордою как каган. / Он тоже людоед, хотя веган... / Но, видит Бог, он поперхнётся нами».

Зримым воплощением удручающего отсутствия полноты белого света в условиях утраченного славянского единства в современной России становится происходящее на Украине. Отсюда — ещё одна часть альбомной тетралогии во имя Александра Проханова — «Украина». В падении этого государственного колосса Виталий Аверьянов видит духовный смысл: не послушали старцев, не вняли мироточивым иконам, осквернили «Печеры и Почаев». Но, как и Александр Проханов, Виталий Аверьянов верит в грядущее единство славянских народов: «И заблится мать русских Киев, / И, оперясь поверх сгоревших крыльев, / Вновь воссияет мученик-Донбасс!»

9. ПРЕСТОПЬНАЯ

30 лет полонен занавешен твой лик.
В ожидании гостей — перебранных калек.
Вот и поскок с котомкой стоит у ворот.
Ковш по кругу пошел, двинул звезд хоровод.
И ты вынырнул в космос, неотмирный пророк.
Жаропрогонного сплава крокопловлавок.
Что протынешь в познание

галактических лап? —
Чтоб услышать в ответ:

— Богатырь-то не слаб!

В землю гипербореев — течение рек,
Перебросить их в степи возмечтал имарец,
Переплавить язык твой, то ларящая твердь,
осколоть твою песнь,
Замесить в фарш кровавый смиренную спесь!..

Нет, ее не сотрясть и не завоевать, —
Среднерусской равнины не сдвинуть на пядь.
То престол Богоносный, то ларящая твердь,
И за Третьим не будет Четвертого впрядь!

Рвать зубами тебя, не сносить куполов!
Заклеймить закланьями терафимых голов!
Чтобы рокот «ура», клич «Иду — на вы!»
Не пугали детей атлантической двоя,

Схлынет нечисть как морок с лица твоего,
Выйдет бес, сбериннет клещ,
сгинет червь мировой.

И отпаривши ранами
изъезженную плоть,
Примешь чистые ризы.
Ведь так хочет Господь...

Так дерзай же, владычествоуй, пой и твори!
И антихрист не встанет в пределы твои.
А когда весь осыплется сракаленный век,
Жилы золота вздуются, выйдут наверх.

Будь священным народом, звездой заревой,
Молнийвидной, летучей,
непреклонной скалой.

Дух Святой на скале той свил гнездо, говорят.
И приходят сюда, и обитель творят...

Здесь престол Богоносный, ларящая твердь.
Лишь молись, не стелись под земли круговерть,
Чтоб Христос о тебе опереть мог стопу
И тобой как иголю расшивать пустоту.

2019

10. МОЛИТОВКА

Годами стоять, на молитовке,
С ножи на ножку переминываясь,
Как уличный сторож подрывгивая
На лютом морозе сердечного сна.

Стоять как на вахте ветреной,
Упрямство выказывать дерзкое
И лишь иногда догадываться,
Что строится крепость невиданная.

Что строится крепость великая,
Закладывается фундамент всему.
Растет монастырская спичка,
Чтобы нас всех собою прикрыть.

Вот вет вет огнем поджарившим.
И уши заложил молитовою,
Не дышит, не мыслит молитвенник —
Зажал-застыл на благостыни плотою.

Напрягались радуги нервов.
Поднатуживался храм под маковку —
Танец! Престолу Небесному,
Стучит крестом о высокие косяки.

Сердце само поет да трещит,
Поет как костер поминающий,
И слезы уже наводятся
Горючей радостью, кипучей смойлой.
С зубчатых башен молитвенных
Вражину неоступлюго
Тою смойлой обжаривать,
Тем кипятком ошпаривать,
Так вырасти кроткой крепости,
И выстоять крепкой крепости,
Кто кроток — всю землю наследует,
Кто молится — всех одолеет врагов.

1107

В своих стихах и поэмах о спецоперации на Донбассе Александр Проханов также прозревает духовный смысл происходящего и верит в неминучесть Нашей Победы. В недавней рок-опере «Хождение в огонь», поставленной по его поэтическим произведениям, прослеживается литургичность происходящего на фронтах. В описании спецоперации Виталий Аверьянов также прибегает к богословским терминам, вводя в «Войну» пасхальный архетип. Только здесь получается весьма печальная картина, так как на этот раз автор покидает свой надмирный пост, как сказал бы Александр Башлачёв, «Часового всех времён» — и пытается передать ощущения среднестатистического жителя России, открывшего ленту новостей 24 февраля 2022 года.

Да, мы помним, конечно, в деталях, как оно было. Сначала шок («Шокотерапия» в действии!), потом понимание неизбежности происходящего и надежда на то, что всё закончится быстро и эффектно. Увы, эта призрачная надежда всячески подогревалась извне. Москву украсили плакаты с георгиевской ленточкой и многозначительной надписью «Скоро Победа», позволяющей думать, что речь идёт далеко не только о близившейся дате 9 мая. А публичные люди со знанием дела вещали со сцены, что в День Победы мы вместе с украинцами будем есть торт «Киевский». В то же время, довольно быстро, людям запретили называть вещи своими именами и перешли на прикровенные аббревиатуры. Обо всём этом Виталий Аверьянов с горечью поёт в «Войне»:

*Война вошла стыдливо, анонимно,
Под знаком Z, в трёх буквах С. В. О. —
Как на свиданку по любви взаимной
С утра, пока ещё не рассвело,
Стреляя для остротки, больше мимо.*

*Она должна была, минувя слякоть,
По трассам быстро Киева достичь,
Как шествие пред Пасхой на осляти
И под Осанны повсеместный клич...*

Но что-то пошло не так, и вот уже четвёртый год народ ждёт с поля боя братьев, отцов, мужей и любимых. Тяжеловесная повествовательность «Войны» сменяется на диске «Шокотерапия» легкокрылым «Победоносцем», в которого Виталий Аверьянов вложил всю боль по положившим свои жизни за Отчизну её сынам, и несокрушимую веру в то, что они вернуться, несмотря ни на что (более обобщённый вариант народа представлен в песне «Престольная»). Пасха здесь всё же торжествует (иначе и быть не может!), но не столько на Земле, сколько где-то на трамплинах рая. А пропитанные солью слёз поля изнемогают без плодородного семени:

*Вернись же к нам, возлюбленный!
Ты в битвах закалён.
Обрубленный, обугленный,
Но — стержень всех времён.
<...>
Во здравье твоё молятся,
Не гасят пламя дозн.
Столбы на Пасху ломаются.
Гудит родимый дом.*

Без русского народа-богоносца, разумеется, и белый свет не мил! И для того, чтобы герои вернулись с полей сражений живыми и невредимыми, нужно непрестанно молиться всем нам. Пример подаёт сам Виталий Аверьянов, описывающий действие благодати в стихотворении «Молировка», прочитанном в составе альбома «Шокотерапия». Ещё одно стихотворение — «Невыдуманное» — описывает давнюю поездку в Сергиев Посад на свадьбу сестры с разными забавными бытовыми подробностями.

«Я с эпохой моей на ноге короткой, / С дерзновеньем, панибратски обращаюсь с ней», — замечает Виталий Аверьянов в бонусной песне альбома «Про мои таланты» — и тут же признаётся, что он не спился и не озолотился. Перед нами действительно самый верный на сегодняшний день кандидат на пост «Часового всех времён», который установил, да, увы, не сдюжил Александр Башлачёв.

А Виталий Аверьянов один, но не одинок, изгой, но не отщепенец, всеобъемлющ, но ироничен, поэтому ему эта миссия вполне по силам. Ведь кто кроме него сумеет провести для нас «Шокотерапию», так по-отечески мягко и без излишнего надрыда, с ободряющей укоризной?

Перед нами — только «Пятый час песен». Ждём ещё как минимум семи и верим, что после них начнётся какой-нибудь совершенно новый невиданный цикл.

Александр ПРОХАНОВ.

Лемнер. Роман. —

М.: АСТ, 2025. — 480 с. (Серия «Русская Реконкиста»).

Русский постмодернизм — переосмысленный, но по-прежнему беспощадный — наконец-то находит серьёзную тему и настоящего героя. Новый роман Александра Андреевича Проханова посвящён авантюрам, подвигам, неистовым страстям, чудовищным злодеяниям Михаила Лемнера — персонажа русской истории, который не раз выходил на авансцену то Степаном Разиным, то Емельяном Пугачёвым, а то героями Русской весны,

но также в чём-то сопоставим с Гришкой Отрепьевым, князем Курбским или генералом Власовым. Прототипом для этого героя послужил Евгений Пригожин — создатель ЧВК «Вагнер», ярчайший персонаж наших дней, «безумный смутяня, который вонзил нож в спину родного государства», как выразился о нём Проханов в одном из интервью.

Издание снабжено атмосферными авторскими иллюстрациями.

Вардан БАГДАСАРЯН,

Юрий ИЕРУСАЛИМСКИЙ,

архимандрит СИЛЬВЕСТР (ЛУКАШЕНКО).

Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России. —

Ярославль: Шукаева и семья, 2024. — 296 с.

В монографии раскрываются подходы к практическому внедрению в образовательную и воспитательную деятельность положений указа президента № 809, посвящённого традиционным ценностям России. Предлагаются определения базовых ценностей, особое внимание уделяется вопросу о противодействии деструктивным подходам в преподавании обществоведческих

и гуманитарных дисциплин, представлены признаки деструктивности, рассмотрены соответствующие концепции по разным наукам. Значение монографии видится в создании основ перехода от ценностей, заявленных в президентском указе, к смыслам, формированию опирающейся на них целостной мировоззренческой системы.

Вардан БАГДАСАРЯН, архимандрит СИЛЬВЕСТР (ЛУКАШЕНКО).

Историософия Великой Отечественной войны:

ценностное осмысление Победы. —

Ярославль: ИПК «Индиго», 2025. — 328 с.

Книга в свете новой парадигмы традиционных ценностей и понимания России как государства-цивилизации представляет рассмотрение Великой Отечественной войны на уровне историософии, общего видения мирового и российского исторического процесса, воспроизводимого исторически противостояния России и Запада. Проводится разбор различных идеологических моделей интерпретации

ключевого конфликта Второй мировой войны. Авторы через призму теории цивилизаций и геополитики осуществляют критический разбор соответствующих мифов антироссийской пропаганды.

Анализ факторов Великой Победы выводит на постановку вопроса об их восстановлении в современной России в свете угроз новой военной эскалации.

Хронология мероприятий клуба

17 апреля 2025 года

Стало известно о новом назначении постоянного члена Изборского клуба академика Глазьева на пост государственного секретаря Союзного государства России и Белоруссии. Об этом сообщил президент Александр Лукашенко во время встречи с Глазьевым во Дворце Независимости в Минске. *«Я давно думал о том, что наше движение к союзу, теснейшему союзу между Беларусью и Россией, должно основываться, прежде всего, на экономике. Вы — экономист, я считаю, от Бога. Много у вас вопреки тем, кто думает иначе у нас или, особенно, в Российской Федерации, — отметил Лукашенко. — Мы приняли такое решение о назначении вас руководителем и мотором нашей союзной интеграции в плане руководства всем аппаратом Союзного государства. Думаю, что эффект будет хорошим».*

С. Ю. Глазьев, в свою очередь, заявил: *«То, что у нас есть Союзное государство, которое может объединить тысячи предприятий вокруг решения амбициозных, масштабных задач, это наше огромное конкурентное преимущество».* Он заверил, что на новом посту будет способствовать тому, чтобы идеи, заложенные в основу создания Союзного государства, реализовывались *«по последнему слову экономической науки».*

13–15 мая 2025 года

На Первом канале российского ТВ демонстрируется трёхсерийный фильм Александра Проханова «Проповедь». В фильме писатель поднимается на высоту метафизики и историко-философского зрения судеб России, раскрывает свое учение о русских кодах, проложивших себе путь через все страдания, победы и достижения нашего народа.

2 июня 2025 года

Члены Изборского клуба Виталий Аверьянов и Максим Калашников прочитали в московском офисе ЛДПР лекции по актуальным вопросам русской нации и развития Русской цивилизации, ответили на многочисленные вопросы аудитории, включавшей актив партии и её руководящие кадры.

5 июня 2025 года

Заместитель председателя Изборского клуба Виталий Аверьянов прочитал в Российской академии народного хозяйства и госслужбы лекцию по теме цивилизационной прочности России перед аудиторией государственных служащих среднего и высшего звена.

12 июня 2025 года

В этот день в Кремле президент Путин награждает выдающихся деятелей науки и культуры. Среди получивших государственные награды на этот раз сразу два члена Изборского клуба: писатели Александр Проханов и Юрий Поляков. Юрию Полякову вручена Государственная премия РФ «за вклад в развитие отечественной литературы». Александр Проханов получил звание Героя Труда РФ «за особые заслуги в развитии отечественной культуры и литературы».

Как стало известно позднее, после церемонии награждения состоялась длительная беседа президента Путина с Александром Прохановым. В ходе последовавшей затем встречи с участниками программы «Время героев» резидент отметил: *«Проханов сказал очень интересные вещи, которыми я хотел бы с вами поделиться. Он говорит: “Знаете, в чём заключается основная идея сегодняшнего дня для России? В бессмертии”. И, может быть, это имеет отношение не только к сегодняшнему дню, а вообще к России. Бессмертие*

русского народа и России. Многонационального народа России и нашей общей государственности тысячелетней...»

12 июня 2025 года

На канале «Россия 24» показан трёхсерийный фильм Александра Проханова «Священный труд», в котором раскрыто его понимание одного из главных русских цивилизационных кодов, позволившего создать самое большое государство в суровых природных условиях, отстоять его суверенитет и независимость, добиться статуса мировой державы. Всё это, как показывает Проханов, невозможно без своего рода «религии труда», которая пронизывает весь исторический путь России.

16 июня 2025 года

В Москве состоялся творческий вечер Изборского клуба **«Смыслы и символы. Оргоружие России»**. Среди презентуемых произведений — рок-опера Александра Проханова и Александра Агеева **«Хождение в огонь»**; часовой диск песен Виталия Аверьянова **«Шокотерапия»**; новые книги и выпуски журнала «Изборский клуб». Об авторских и коллективных работах рассказали члены клуба **Вардан Багдасарян, Максим Калашников, протоиерей Владимир Василик, Эдуард Греков, Михаил Кильдяшов, Владимир Большаков**. Художники **Геннадий Животов и Василий Проханов** поделились многолетним опытом графического и визуального сопровождения деятельности изборского сообщества и газеты «Завтра».

Встреча прошла под знаком единства научно-аналитического и, с другой стороны, образно-поэтического, эстетического воздействия на современного человека. Речи изборцев перемежались многочисленными видео: съёмками из концертных залов, клипами, нарезками из новостей.

Участники встречи горячо поздравили Александра Проханова с присвоением ему звания Героя Труда.

/ Игорь СТОЛЯРОВ /

«А мне бы правды – можно погорчей...»

* * *

...Невыгодная, безродная,
Но в боли сестра ножу,
Свобода моя немодная,
Зачем я тебя ношу —
Бездонную, как религия, —
На сердце от всех тая? —
Как будто бы ты реликвия
Реликтовая моя...

* * *

...Я жил твоей молитвою о сыне.
Не бойся, мама, я всегда с тобой.
Тебе недаром помнится поныне,
Как твой сынок, мальчишка боевой,
За дерзостью почти что хулиганской
Смущенье прятал. Спрашивать не мог
Ни про отца, что сгинул на Гражданской,
Ни про соседей, ни про «воронок».
Твой век надёжно в линии впечатан,
Чтоб на ладонях до поры носить.
Ты улыбнись подружкиным внучатам —
И я приснюсь... Прощенья попросить:
За вдовью долю в горестном соседстве,
За непослушность, за морковный чай,
За карточки для хлеба, мною в детстве
Забытые в трамвае невзначай...
За напряжённый голос Левитана,
За тот слезами вымытый вокзал,
Где я, сжимая губы как-то странно,
Тебе и «до свиданья» не сказал.

За все года, что старили и гнули,
За то, что внуков в школу не вести...
За то, что сердце не сберёг от пули, —
Прости меня. За всё меня прости...

МЫШИНОЕ

От раздирающего вдоха,
Когда от боли не смолчишь,
Меня родимая эпоха
В зубах несла, как кошка мышь,
Наотмашь лапами лупила,
Переходя на болевой, —
Но прикусить не торопилась:
«Побудь со мной, пока живой!»...

...Кусая рифмой понарошку
Судьбы бесчувственный чурбак,
Дразня эпоху — злую кошку,
Я всё сильнее люблю собак.

* * *

Сегодня над городом как никогда красиво:
Созвездия осени смотрят на ретушь стен;
Тугая луна дозревает головкой сыра:
Её на двоих разделить — и достанет всем;
Челны-облака не спешат выплывать на стрежень;
Деревья богаты — не ведают, что почём;
А город уснул, очарован и безмятежен,
Как будто бы ты прилегла на его плечо.

ОБ АВТОРЕ

Игорь Анатольевич СТОЛЯРОВ

Родился в 1977 г. в Тверской области. Руководитель Нелидовского литобъединения «Межа», член жюри международных литературных встреч «Каблуковская

радуга», лауреат и дипломант фестивалей «Славянские традиции», «Интеллигентный сезон», «Русский Гофман» и др. Автор поэтических сборников «Луч и ветер» (2011), «В потоке строк» (2012), «Чипованный век» (2016), «Травокосень» (2024).

* * *

«Ручья журчи»
в «суровом феврале»
Среди раздухарившейся Вселенной.
Арена дней — дождей парад-алле:
Деревья держат воздух тяжеленный.
Едва скрипят, за ливнем не слышны,
Мольбы атлантов, смытые с эфира.
...Так я просил у суетного мира
Чуть меньше слов,
чуть больше тишины.

ПОСЕРЕДИНЕ

Здесь,
с оголтелыми танцами на костях,
С холодом запоздалого пьедестала,
Вес измеряется «лайками» в соцсетях.
Времени кажется, я у него в гостях.
Время устало.

Там,
за дорогами, в старом сыром лесу
Тлю муравей в дом неустанно тащит.
Держит её, беззащитную, на весу —
Кажется, это себя по земле несу
Я настоящий.

* * *

...В мельканьи лиц давно не видно человека.
Куда несётся мир немислимо большой
И для чего я в нём пытливою душой
Ловлю поэзию чипованного века?!

ЗВОНАРИЮ

Весенний мрак. Ожившая ветла.
Воскресный день возводится из тла.
Храмы стен бросают светотени.
Твой крестный путь — кряхтящие ступени.
За шагом шаг. К Нему, на самый верх,
Чтоб сильным взмахом выпорхнув, как стерх,
По всем дворам, по всем долам окольным
Запела Пасха звоном колокольным.

БЕЗОРУЖНОЕ

Волки целы да сыты, да кровью умыты Пилаты.
Надо мной безмятежность небесной воды голубой.
На усталой душе не залатаны битые латы,
И любая стрела — погружение в глубокую боль.

А вверху — благодать: ни страданий, ни горя, ни рока,
И теряется клин за скалистой грядой облаков.
Я устал наблюдать, как друзей призывают до срока
В этот самый бессрочный среди безоружных полков.

* * *

Всё заброшено, что приелось.
Век стирается в миражи:
Грёзы детства размыла зрелость,
Исфальшивила лиру жизнь.

Устремаясь за блесной-обманкой,
Ослеплённо впотьмах крадясь,
Прорастаю душой-семянкой
Сквозь пески да густую грязь,

Из суглинка людской породы
Выбираюсь на тёплый свет.
Поднимите мне веки-годы:
Я увидеть хочу рассвет...

2024, ИЮНЬ, ШЕСТОЕ

Года несут, не обернутся вспять:
В окне кареты перечесть этапы —
И Пушкин жив уж двести двадцать пять,
И тридцать пять назад не стало папы...

...И я лечу — не Байрон, не Басё —
По бездорожью, отвергая риски.
Мой часослов — трёхтомник «наше всё»,
Что папой где-то куплен по подписке.

* * *

Кто трудно жил, тот перешёл по радуге,
Свои дороги все успев пройти.
Мой дед водил полуторки по Ладоге,
А дядька разминировал пути
От Монины к Берлину и в обратную.
Песчинкой веры, спрятанной в горсти,
Для жизни — не для славы службу ратную
В селеньях русских принято нести.
А где и кем — пускай другие ведают:
Им всякий груз по силам и уму.
Важней обратно — с миром и победою,
Чтоб каждый цел и сыт. И потому,
Не мучаясь вопросами по классике:
Кто всех кормил — мужик или генерал? —
Мой дед водил полуторку по Ладоге
В сырую тьму, где прадед умирал.

КОЛОС

Я в заброшенном поле колос —
Самосеянный, дикий, пришлый.
Это поле дало мне голос,
Только я потерял полжизни.

Трепетал бесполезной былью,
Лепетал невпопад ребёнком
Там, где ветер теряет крылья,
Поклоняясь цветам-иконкам.

Я дышу, как то поле дышит,
Где почувствуй, а не послушай
Тихий шорох полночной мыши
Да бесшумный полёт сипуший;

Где в бурьяне, с собой в раздразе,
День броди, никого не встретив, —
Лишь канюк по хлебам рыдает,
Как безумный упав на ветер.

Где в глазнице пустого дома
Прежней жизни блеснит осколок...
Я расту, и во мне, не сломан,
С каждой песнею зреет голос.

ВОРОБЬИНОЕ

Ранняя весна гола и нища,
В темя бьёт синичье «тинь-тинь-ти...»,
Подо льдом вода по голенища
Затаилась где-то на пути.
Я бреду в настывшие пенаты,
А у ног выплывает круг
Воробей потрёпанный, помятый.
Здравствуй, птах! Да мы похожи, друг:
И ко мне порой судьба-синица
Подлетит — и ну клевать-лупить,
А молва-завистница стремится
Извлять да в луже утопить.
Только славы нет — за крохи биться:
Нам ли дело до чужих злобей? —
Ни тычков, ни грязи не боится
Озорной и лёгкий воробей.
Что нам доля? — семечки да воля.
Не печалься: выживем, старик.
Ветеркам от города до поля
Шли смелей своё «чирик-чирик!»

ЛЕКАРСТВО

Поторопись, мой любящий Провизор —
Порви рецепты от земных врачей:
В них только сны, дожди да телевизор,
А мне бы правды — можно погорчей.
Она спасает, если дух болезнен:
Кто вынес горечь, тот всегда силён.
Хоть каплю правды дай мне, будь любезен:
Уйду и сгину — значит, бесполезен;
Вернусь учиться — значит, исцелён.

* * *

Опять над полями, где мёд разлит,
Как песня ручья в кустах,
Мне что-то печально крича, летит
В закат одинокий птах.
Он плачет, махнув на судьбу крылом:
«Ты пеший, а я крылат,
Но все удостоены поделом,
И даже летучему свет колём,
Коль не с кем догнать закат!».

ОСЕННЕСОЛНЕЧНОЕ

Звездопадные ночи
сквозь летнюю марь пролетели,
В моде бронза и золото;
яшма сменила нефрит.
И хотя я дитя
непроглядной свирепой метели,
Но осеннее солнце
во мне говорит и горит.
Эта радость и боль,
что уже никогда не отпустит,
Для чего-то даётся,
зачем? — не проводаю сам:
В задушевном стихе улыбаться
из ласковой грусти
И по жизненной прозе
неспешно идти к небесам.

ВЗАКАТНОЕ

Небо купольно-покато, свод ни низок, ни высок.
Солнце медлит. До заката — дел всего-то на часок:
Изумлённо, как впервые, заглянуть за край земли;
Пожемчужить кучевые, что сбиваются вдали;
Золотые кудри лета дать осеннему кусту.
...Раздарить побольше света до ухода в темноту.

